

МИСТЕРИИ МИРА

Амаду Хампате Ба

Каидара

*Инициатическая
мистерия*

Беловодье

Москва

2008

УДК 398.2(=414):133
ББК 83.3(6)+86.42
Б12

Ба, Амаду Хампате

Б12 Каидара: инициатическая мистерия / Амаду Хампате Ба; [пер. с франц. К. Г. Мяло]. — М.: Беловодье, 2008. — 176 с. — (Мистерии мира). — ISBN 978-5-93454-091-4.

Агентство СІР РГБ

«Каидара» — удивительная книга. Ее уникальность в том, что она дает редчайшую возможность познакомиться с повествованием, максимально близким к аутентичным эзотерическим текстам, закрытым для непосвященных. Основанный на материале древней традиции народа фульбе, сюжет сказки был литературно обработан знаменитым писателем и духовным просветителем XX века Амаду Хампате Ба (1900-1991). Историк, философ, этнолог, блестящий знаток, хранитель и популяризатор африканской устной литературной традиции А. Х. Ба был человеком четырех культур: фульбе — народа, имеющего богатейшую духовную культуру, насыщенную сакральными знаниями и внутренне близкую к соседней культуре догонов с их уникальной космогонией, традиционного ислама и традиции практически неизвестного в России суфийского ордена Тиджания, к которому принадлежал знаменитый французский философ Рене Генон, а также европейской культуры — долгие годы деятельность Хампате Ба была связана с ЮНЕСКО.

Инициатическая сказка и одновременно космогонический миф «Каидара» повествует о мистическом путешествии трех героев в потусторонний мир за золотом, символизировавшим высшее духовное Знание. После множества разнообразных приключений и суровых испытаний, посвящающих главного героя Хаммади в традицию Мудрости, он обретает сокровище и высшее Знание. Помимо текста самой сказки издание включает предисловие ученика Хампате Ба Фредди Боллага, комментарии Лилиан Кестелот, а также послесловие научного редактора книги доктора культурологи, проф. Г. В. Зубко.

Насыщенная многими символами и глубокими мыслями, хорошо прокомментированная, написанная простым языком, блестяще передающим увлекательный сюжет сказки, «Каидара», несомненно, будет с интересом прочитана самым широким кругом читателей.

Все права сохранены. Перепечатка только с разрешения издательства. Охраняется Законом РФ об авторском праве.

ISBN 978-5-93454-091-4

© НППТ «Беловодье», 2007

Содержание

Фреди Боллаг

Мой духовный учитель Амаду Хампате Ба 5

Лилиан Кестелот

Прежде чем читать «Каидара» 15

Амаду Хампате Ба

КАИДАРА 23

Послесловие 112

Лилиан Кестелот

Дополнительные примечания к тексту «Каидара»... 121

Г. В. Зубко

Мистерия футболье 138

Во благо всех существ

Мой духовный учитель *Амаду Хампате Ба**

Дорогие друзья, это большая радость и подлинная честь для меня — получить возможность хоть немного рассказать вам о моем дорогом учителе Амаду Хампате Ба.

Где-то в 1958 году один мой сирийский друг, г-н Отман Яхья (эрудит, в то время известный своими работами о творчестве Ибн Араби), рассказал мне о книге «Тьерно Бокар, мудрец из Бандьягара»**. Я уже в течение трёх или четырех лет, предшествующих нашей встрече, изучил почти все произведения Рене Генона, которые познакомили меня с традиционными учениями различных народов и пробудили во мне пламенное желание стать посвященным на подлинном эзотерическом пути. А осенью 1956 года я, следуя примеру Рене Генона, обратился в Ислам. По прочтении же книги о Тьерно Бокаре я написал ее издателю, который находился в Абиджане, и вот так получил адрес Амаду Хампате Ба.

---

* Выступление Фреды Боллага по телевидению. Бамако, февр. 2000 г.

** «*Tierno Bokar, le sage de Bandia-gara*». Книга, написанная Амаду Хампате Ба о своем учителе, которого некоторые называют самым великим африканским суфием XX в. — *Прим. пер.*

Я написал ему и впервые встретился с ним в 1959 г. в Париже. Помню, что он представился не как *вали** и не как духовный учитель, но как скромный служитель Аллаха. Однако он сказал мне, что является маккаддемом тариката Тиджания и имеет право посвятить меня на путь этого ордена.

Осенью 1960 года я еще раз приехал в Париж, на сей раз с моим профессором математики Абду Рахманом и его супругой. Именно Абду Рахман был тем человеком, который познакомил меня с творчеством Рене Генона; он обратился в ислам около 1935 г. и вступил в тарикат Аллавийя. Затем, одновременно со мной, он присоединился к тарикату Тиджания.

С этого момента я каждый год один или два раза приезжал в Париж, чтобы встретиться с Амаду Хампате Ба, который часто работал здесь — вначале в редакции радиопередач для заарубежных территорий, а позже участвуя в ежегодных сессиях ЮНЕСКО, где он представлял Западную Африку.

В мае 1961 года Хампате Ба был приглашен госпожой Голдой Меир посетить Израиль, и хотя Мали в это время из соображений солидарности с арабами не поддерживало отношений с еврейским государством, он, будучи человеком широких взглядов, это приглашение принял. Помню, что он очень восхищался еврейским алфавитом и говорил мне: «Видно, что это нечто мощное».

С таким же восхищением он относился к христианству, что документально засвидетельствовано в его выступлении в июле 1975 года в Ниамее перед епископальной комиссией по отношениям с исламом. Позже это выступление было издано в виде небольшой книжки, озаглавленной «Иисус глазами мусульманина».

Я знаю также, что он был в самом Риме и имел своим другом одного из кардиналов; следует напомнить о его от-

---

* В исламской традиции — святой; человек, находящийся под особым покровительством высшим сил. — *Прим. пер.*

ношениях с некоторыми монахами-францисканцами в Абиджане, а также вспомнить о его работе, в которой он дал сравнительное жизнеописание своего учителя Тьерно Бокара и Франциска Ассизского.

Для Хампате Ба, как и для Рене Генона, существовало множество путей, ведущих к одной и той же цели, каковой является любовь и Божественное знание, о чем не раз говорится в Коране. И если там, равным образом, говорится, что ислам есть единственный путь, ведущий к Богу, то речь идет об исламе в универсальном смысле этого слова, т. е. о том, что все истинные пути суть ислам, а это означает «покорность», или «поклонение».

В конечном счете можно сказать, что Хампате Ба был личностью большой открытости и любви ко всем человеческим существам, каковы бы ни были их религия или этническое происхождение. Между прочим, он говорил мне: «Сегодня наступает эпоха скорее взаимообогащения, нежели обращения». В этом, как и во многом ином, он был согласен с Рене Геноном и другими учителями, утверждающими, что существует только одна вечная религия (Коран, 98/5; Ханифийя, Дин уль Каддим) и что все отдельные религии суть лишь ее проявления в различных условиях времени и места. Об этом же пишет и Тьерно Бокар в своих «Религиозных войнах».

Хотя Хампате Ба всегда строго соблюдал правила шариата (закона, который для него, как и для Тьерно Бокара, был «кожурой плода»: она, безусловно, тоже необходима, но ее не следует отождествлять с его плотью и особенно, с его семенем, ибо последнее и есть Хаджигат (Haggigat) — «Истина»), как и «внешние» правила тариката Тидджания, он был далек от того, чтобы преувеличивать их значение.

Так, о молитве он говорил мне: «Главное — это вера и внутренняя работа; но как огню, чтобы он мог гореть, нужен уголь, так и вере нужна опора, без которой она рискует ослабеть или исказиться и даже угаснуть...»

Известно, что сказано им в «Тьерно Бокаре» о трех степенях веры, равно как и о трех мирах, которые соответствуют различным степеням чистоты и близости к Богу, который есть единственная и вечная Реальность. И еще он говорил мне: «Лучшая молитва — это визуализация».

А это, кроме него, мне доводилось слышать только от великих учителей тибетского буддизма, которые в своей молитвенной практике применяют метод визуализации, считая его одним из важнейших. Так, например, он вручил мне картину, которая была написана им по образу, явленному Божественной интуицией, и которую он считал своим «шедевром»; и я должен был созерцать ее, повторяя одно из тайных имен Бога.

Но Хампате Ба вовсе не был человеком, творящим так называемые чудеса; для него это являлось бы макарú (обманом), т. е. одной из самых отвратительных вещей в глазах нашего великого учителя Сиди Ахмада Тиджани. Великим «чудом» Хампате Ба была его барака, его «духовное воздействие», подобного которому я больше не ощутил ни разу, за исключением моей встречи с одним великим учителем индуизма в 1980 году. Когда я спросил Хампате Ба, как можно распознать истинного духовного учителя, он ответил мне: «По чувству покоя в его присутствии», т. е. по тому, что в его присутствии больше не испытывают ни тревоги, ни желаний, ни чего-либо подобного. И это было как раз то, что ощущалось рядом с ним.

А в 1979 г. меня чрезвычайно привлекла личность индийского учителя Бабаджи, о котором я узнал от кузена моей жены, а также из книги об этом учителе. После долгих колебаний я принял решение увидеться с ним; я написал Хампате Ба письмо, в котором испрашивал разрешения на это, а также приглашал его присоединиться ко мне в моем путешествии в Индию. Он ответил, что я могу ехать, но что сам он не сможет последовать со мной по причине своего возраста и состояния здоровья, хотя и был бы рад совер-

шить путешествие в Индию. Для меня же это путешествие оказалось очень важным, т. к. моя встреча с индуистским учителем отворила мне дверь к овладению таким методом медитации, с которым я не встречался в рамках официального ислама. Однако я сумел соединить его с моей исламской практикой, используя арабский вариант индуистской мантры, объясненной мною в моей книге об имени Аллаха.

К сожалению, здесь я не могу более подробно рассказать об этом путешествии в Индию. Хочу лишь добавить, что индуистский учитель стал для меня своего рода воплощением света Мухаммада, и он доказал и показал мне это не один раз. А этот изначальный свет в действительности не может не быть одним и тем же во всех традициях.

Когда я вернулся из Индии, Хампате Ба сказал мне: «Я все же немного боялся потерять тебя». Однако он не только ничуть не потерял меня, но напротив, индуистский учитель утвердил меня на моем исламском пути, к тому же дав мне новое имя на арабском языке.

Через некоторое время Хампате из-за своего возраста и болезни перестал приезжать в Париж.

Тогда, где-то около 1981 года, я стал навещать моего учителя в его доме в Абиджане. И это был совершенно новый опыт — встречаться с ним в африканской среде. Там я увидел, что число его учеников было невелико, не то что у Якоба Силла, другого учителя из тариката Тиджания, также обретавшегося в это время в Кот д'Ивуаре. За ним буквально по пятам следовало огромное количество людей. Однако Хампате Ба не испытывал никакой ревности по этому поводу. Он сказал мне: «Важно качество». И в самом деле, похоже, Якуб Силла представлял традицию Тиджания несколько овнешненную, тогда как Хампате Ба — ту, что была сугубо мистической и внутренней. А как раз этого я и искал.

Вспоминаю тот период моей жизни, когда у меня явились серьезные сомнения относительно выбранного мною исламского пути и я испытывал большое желание вернуться к

иудаизму, к которому принадлежу по рождению. Но две вещи твердо удержали меня в исламе. Во-первых, это был сам Хампате Ба: если бы не он, я либо возвратился бы в иудаизм, либо избрал путь индуизма, который сильно привлекал меня еще в молодости. Во-вторых, это была 36-я сутра Корана, Йа Син. И опять-таки, именно Хампате Ба примерно в 1965 году научил меня особому способу чтения этой суры: при очень быстром повторении отдельных ее стихов зажигать 7 свечей и таким образом прочитывать 7 стихов этой суры, каждый из которых заканчивается словом «ясно», или «очевидно». Он также научил меня, каким образом следует делать молитвенные призывы в 5 различных и точно определенных местах суры Йа Син. Этот метод ее чтения настолько мощен, что каждый, кто применяет его, ощущает себя погруженным в баракку (духовную силу).

В индуистском ритуале можно встретить приемы чрезвычайной мощности, что я и ощутил во время своего пребывания в Индии; и я понял, что только Йа Син может производить эффект, схожий с тем, что встречается в индуистской практике. И вот уже примерно в течение 35 лет я практикую этот способ чтения — *Йа Син* — каждое утро после чтения молитвы.

Мой учитель подарил мне еще множество «драгоценных жемчужин» кроме этой: он раскрыл для меня еще несколько ключей к науке о числах и буквах, так же, как и к именам Аллаха. Из всего этого мало-помалу развилось мое знание о Божественных именах вообще: образно говоря, из семечка выросло дерево баобаб. Но здесь не совсем уместно говорить об этом источнике знания, и мне скорее хотелось бы процитировать некоторые из высказываний моего учителя, которые до сих пор звучат в моей памяти так, как если бы я слышал их только вчера.

Так, например, он говорил мне: *«Чем больше отдают, тем больше получают»*. Действительно, это один из самых великих Божественных законов. Но, разумеется,

давая, никогда не следует иметь в виду получение чего-либо взамен.

«Нужно признавать свои собственные ошибки и прощать недостатки других». Так мог бы сказать и Иисус из Назарета. И скольких недоразумений, скольких ссор мы могли бы избежать, следуя в своей жизни этому правилу.

«Нужно всегда смиренно опускать очи долу и благодарить Бога за то, что он дал нам». А это равнозначно словам священного Корана (14/7 и 2/216). Я не стану продолжать перечень изречений моего учителя, свидетельствующих о его исключительной гуманности и мудрости. К тому же многие из них вы можете найти в его книгах — таких, как «Тьерно Бокара», «Каидара».

Обобщая же, можно сказать, что суфизм был для Хампате Ба прежде всего приобщением к Божественной мудрости и практикой преодоления всех своих недостатков, победы над ними. Суфийский путь далеко не тот, который ведет к видениям или к некоторым экстраординарным психическим опытам, как, возможно, полагают многие, особенно европейцы. Его суть — совершенствование характера.

«Там, где Бог, ничего нельзя разглядеть» — вот еще одно из его замечательных высказываний. Как и для Тьерно Бокара, Бог для Хампате Ба — это прежде всего «преграда разуму», т. е. ОН есть тайна, неразрешимая и необъяснимая никакими известными нам способами; тайна, пребывающая за пределами всякого опыта.

Прежде чем закончить мое изложение, я хотел бы еще упомянуть, что Хампате Ба был исключительным мастером слова. Он не только мог найти самые подходящие слова для любого своего поучения, но был способен также удержать внимание окружающих в течение целых вечеров, не высказывая никаких признаков утомления и уж тем более истощенности своей мысли...

Но в возрасте 85 или 86 лет его разбил паралич, сделав неподвижной одну сторону тела. С этого момента он

также утратил способность говорить и мог произносить лишь одно-два абсолютно необходимых слова. Однако я воспринимал эти последние годы его жизни как энергетически наиболее мощные. Было впечатление, что он постоянно находится в состоянии транса или непрерывной медитации. Это ощущалось по той атмосфере покоя и сияния, которая окружала его. И как раз в этот период я получал от него наставления без слов...

К сожалению, я не посещал его в последний год его жизни. Но — и это было во время месяца рамадан, предшествовавшего его смерти в мае 1991 года, — именно тогда я получил от него ключ к имени Аллаха в Коране. Об этом я подробно написал в моей книге «Имя Аллаха и число 66». И я знаю, что это был его последний дар, переданный мне духовным путем.

А в ночь его смерти я был на концерте индийской музыки в моем родном городе Базеле, и вот, когда этот концерт заканчивался, я услышал тонкий звон небесных колокольчиков, словно это вибрировала буква «Ī»*. Этот Божественный звон я непрестанно слышу с тех пор. А от одного из учителей тариката Накшбандия, который является моим другом, я получил объяснение этого чудесного явления. Оно

---

* Здесь г-н Боллаг имеет в виду концепцию Р. Генона (изложенную им в работах «Эзотеризм Данте» и «Очерки о христианском эзотеризме»), согласно которой латинская буква «Ī» олицетворяет первое имя Бога и обозначает «Божественное единство». Аналогии прослеживаются и в других традициях. На уровне стихий буква «Э» соответствует эфиру, который, как пишет Фреди Боллаг в своей книге об имени Аллаха («Имя Аллаха и число 66». — М.: Беловодье, 2003), «содержит в себе все непроявленные носители всех колебаний и звуковых вибраций, которые лежат в основе вселенной». *На земном плане людям особо высоких духовных состояний бывает дано услышать эти вибрации как тонкий звон небесных колокольчиков.* — Прим. пер.

означает, что я стал преемником моего учителя. Я молю Господа, чтобы он помог мне достойно выполнить мою задачу и на этом заканчиваю свой краткий очерк.

О традиционных африканских знаниях*

«Тот факт, что Африка не имела письменности, никогда не лишал ее права иметь прошлое, историю и культуру».

«Письменность — это одно, а знание — это другое. Знание есть свет, заключенный в человеке, оно — наследие всего, что знали предки, передавшие нам зерно своих знаний, подобно тому, как баобаб во всей его мощи уже содержится в своем семечке»**.

«Изучать Африку, отбрасывая сказки, мифы и легенды, равносильно тому, как если бы хотели постичь человека на основании одного лишь его скелета, лишённого плоти, крови и нервов».

«Устные традиции — это исторические и научные архивы Африки».

Отсюда родились слова Хампате Ба, сказанные им в 1960 г. в Юнеско:

«Когда в Африке умирает старик, это значит, что сгорает целая библиотека».

---

* В качестве приложения г-н Фреди Боллаг привел несколько высказываний Хампате Ба по некоторым важнейшим вопросам жизни, истории и культуры. Это отрывки из интервью, пресс-конференций в Юнеско, различных работ и записей, бесед в узком кругу. Думается, они будут интересны читателям этой книги, поскольку позволят им заглянуть в область африканской духовной традиции, слишком мало известной у нас.

** Изречение Тьерно Бокара, учителя Хампате Ба.

«Это Африке принадлежит право говорить о себе самой, а не другим объяснять, что она такое. В присутствии овцы не нужно блеять вместо нее».

«Традиция подобна дереву. Нужно уметь удалять засохшие ветви и по мере надобности делать необходимые прививки. Но срубить ствол было бы самоубийством».

Сказки

«Сказка — это зеркало, в котором каждый может увидеть самого себя».

«Сказка (или пословица) — это послание дня вчерашнего дня завтрашнему, которое проходит через день сегодняшний».

Мировосприятие

«Красота ковра складывается из разнообразия его цветов. Будь он только белым, это была бы белая простыня. Будь он только черным, это был бы траурный покров».

«Нашей родиной является вся вселенная».

«Каждый из нас — страница великой Книги, которой является Природа».

«Всё говорит, всё есть слово, всё стремится сообщить нам некое знание, таинственно обогащающее наше состояние бытия».

«Слушай молчание, говорит старая Африка, и ты поймешь, что оно музыка».

Фреди Боллаг

*Прежде чем читать «Каидара»**

Бывают истории, в которые можно нырять сразу, с головой, безо всякой предварительной подготовки. Например, «Маленький Боддель» — история, которая сразу же являет себя как сказка (*тиндоль*), подобная всем другим сказкам, странствующим по планете. Или «Вангрэн», или «Амкуллель» — эти два бесподобных повествования, где Амаду Хампате Ба, африканский франкоязычный писатель, вызвал в своей памяти рой воспоминаний, целую эпоху, череду ярких персонажей, которых он знал, которых он любил или ненавидел. Романы? Биографии? Мемуары? Все вместе понемногу. Хампате отнюдь не был любителем узких жанровых рамок.

Однако в литературе народа фульбе¹ они разнообразны, и в повести «Каидара» мы встречаемся с жанром *жантоль*, жанром очень длинного рассказа. В таком рассказе может подробно разворачиваться миф, как, например, в про-

---

* Все примечания к «Каидара» были сделаны Лилиан Кестелот на основе ее бесед с Амаду Апмате Ба в 60-е годы и кое-где дополнены ее собственными комментариями. Сноски без звёздочек даны внизу страницы, а сноски со звёздочками даны в разделе *Дополнительные примечания к тексту «Каидара»*.

¹ Во французском тексте — народа *peul*, однако в отечественной африканистике больше принято наименование *фульбе*. — *Прим. пер.*

странном повествовании «Ньеддо Деваль, прародительница бед»²; он может представлять собой поучительную басню, как, например, история Маленького Бодделя-хитреца, которую Хампате Ба дополнил эпическими эпизодами, впрочем, в многообразных вариантах уже известными по проделкам Лёка-Зайца³. Наконец, *жантоль* может описывать инициатическое путешествие, как в случае поэмы «Кумен» или в повести-сказке «Каидара».

«Кумен»⁴, аллегорический рассказ о посвящении в пастухи, представляет собой текст большой поэтической силы, который, несмотря на комментарии, считается достаточно трудным для понимания. «Каидара» легче, живописнее и в конце повествования вручает читателю ключи к своим тайнам.

Однако при ближайшем рассмотрении единственными объясненными силами оказываются те, которые предшествуют встрече с божеством. И, как и в поэме «Кумен», в «Каидаре» мы вынуждены часто прибегать к аппарату примечаний, чтобы понять сущность деяния, глубинный смысл слова, различные уровни значения того или иного образа.

Эти повествования буквально «зашифрованы», и только «бородатые лица», т. е. уже посвященные, понимают их смысл во всей полноте. Существуют, однако, облегченные версии для детей. Потому что, как об этом часто напоминает Хампате, «инициатический рассказ есть веревка, соединяющая теленка с колышком, но не сам колышек». Иначе говоря, повествование соединяет кандидата с посвящением, приводит к нему. Но оно не есть само посвящение. Кроме того, «Каидара» будет дополнен другим рассказом, еще дальше

---

² «*Njeddo Dewal, mère de calamité*» — одно из сочинений Амаду Хампате Ба.

³ «*Leuk-le-Lievre*» — знаменитая книга Л. С. Сенгора, основанная на африканских сказках о проделках «братца-кролика». — *Прим. пер.*

⁴ Одно из произведений А. А. Ба.

прослеживающим посвящение в королевскую власть, и эзотеризм его сгущается по мере насыщения рассказа символами и ритуалами, относительно которых автор становится очень сдержан.

Прежде всего, запомним, стало быть, что существует несколько посвящений на жизненном пути человека из народа фульбе. Хампате прекрасно описал⁵ девять этапов существования, разделенного на отрезки по семь лет, начиная с раннего детства, затем, через обрезание, доступ к женитьбе и деятельности взрослого человека, вплоть до шестидесятитрехлетнего возраста, когда фульбе «выходит из загона»⁶. В соответствии с его способностями, вкусами, его моральным и интеллектуальным развитием человеку надлежит приобрести качества, необходимые для того, чтобы справляться с нуждами повседневной жизни. Существуют конкретные особенности. Верно, что редки те фульбе, которые получили посвящение во власть. Не каждый призван править, хотя каждый фульбе призван управлять стадом. Посвящают также и в различные знания. Следовательно, теоретически каждый член группы, будь то девочка или мальчик, может взойти по ступеням посвящения в зависимости от времени и умственных сил, которыми он пожертвует во имя такой науки. Происходит естественная селекция, вследствие которой один или двое из десяти адептов сумеют усвоить и научиться применять совокупность всё более и более насыщенных понятий.

И в самом деле, это учение, построенное на забавных рассказах и образах, имеет определенные трудности. Учитель часто изъясняется образами, но этот способ рассуждения столь же точен, как и наше оперирование абстрактны-

---

⁵ «Представлении о личности в Черной Африке» («La Notion de personne en Afrique Noire», Ed. CNRS et L'Harmattan).

⁶ В понятиях современного человека — выходит на пенсию. — *Прим. пер.*

ми понятиями. Каждый образ скрывает свой символ, а за символом нередко таится весьма сложная идея, если только это не целый пучок понятий (пример скорпиона), не говоря уж о регулярном вторжении чисел, которыми эзотеризм размечает весь рассказ целиком.

Называемые числа никогда не бывают случайными; двусторонний камень, двенадцать символов, три источника, семь звезд, тридцать футов — все исполнено значения, ничто не нейтрально. Вполне ли отдают себе отчет в том, какой умственной гимнастики это требует от подмастерья? Число, как и образ, должно быть осмыслено, увязано со всем, что ему соответствует; так, две стороны камня соотносятся с тайной двоичности: близнецов, бинарной оппозиции, черного и белого, добра и зла, мужского и женского, короче, с дуальностью всякого бытия и всякого действия... «То, что приобретается на Востоке, утрачивается на Западе. Жизнь и смерть, вложенные в нас, в нас и пребывают; сошедшиеся грудь с грудью, они обретаются в нас, они сражаются в нас».

Точно так же соотносятся виды животных, растений и минералов, светила, цвета: солнце соответствует красному, баобабу, льву, золоту, королю... Нужно научиться рассуждать подобным образом, и данное повествование заставляет нас упражняться в этом; эти сплетения соответствий предчувствовали западные поэты (Бодлер, Рембо, Бретон), но в анимистических обществах все это уточнено, проанализировано, опытно пережито и оперативно обработано. Природа изъясняется столь же ясно, что и голоса страны Каидары.

Однако у фульбе мир разделен на три страны: страну ясности, где обитают живые, страну сумерек, где пребывают духи, гении и другие сверхъестественные силы, и страну глубокой ночи, место пребывания умерших и еще не родившихся. Разумеется, никакая преграда между мирами не является непроницаемой, и это лишь в нашем повествовании живые долго странствуют в стране сумерек. В сказках, как и в жиз-

ни, достаточно часто возникают отношения людей с самыми разными духами: здесь это будут гении-карлики, которых мы не видим, но лишь слышим их голоса, и, разумеется, божество-посвяtitель Каидара.

Но рядовой фульбе имеет особую связь с *ларедами*, гениями-хранителями, которым он воздает почести на своем домашнем алтаре (*каггу*); всего их двенадцать, и они распределяются между тремя разрядами пастухов (козопасы, овчары, волопасы) в четырех кланах (Ба, Джалло, Барри, Соу); существует также двадцать восемь других ларедов, которые соответствуют дням лунного месяца. Кроме того, фульбе входит в общение с гениями скотоводства (Кумен), охоты (Кондорон), воды (Тианаба и другие гении текучих и стоячих вод). Он может также встретиться с различными гениями стихий (огня, ветра) или обитателями холмов, или чащ в *дьер*и, т. е. в зарослях кустарника, куда по воле случая приводит его перегоняемое стадо.

В отдалении, на горизонте его воображения располагаются изначальные божества, к которым он возводит имена своих детей: Хам, Дем, Йен и т. д.; затем следуют Дундари, Ньеддо — прародительница бед, или Каидара; все они — эманации Гено-Творца. Гено не вступает в непосредственный контакт с людьми, и если о нем говорят, то специфического культа ему не воздают. «Гено — тот, кто дает жизнь и отнимает ее. Зло, как и добро, ниспосылается Гено, и молитва ясно говорит об этом: “Пошли мне твое добро, но не твое зло, а если ты пошлешь мне твое зло, то пошли и силы преодолеть его. Леньность, пороки, войны — все исходит от Гено. Его авторитет неоспорим. Гено обязан отчитываться перед людьми не более, нежели отец перед своими детьми”». Ибо родители, как и вождь, обладают всеми правами. Предполагается, что они достаточно мудры, дабы таковыми не злоупотреблять. «Доли, которые раздает Гено, равны ли они? — Нет. — Тогда бери то, что тебе дают, а когда придет твой черед распределять, ты будешь делать это по своему собственному усмотрению».

Сахельские общества очень долго оставались феодальными. Это особенно ощущается в «Блеске великой звезды», продолжении повести «Каидара», которая предлагается вниманию читателя. Понятие «вождь» имеет множество значений. Прежде всего, он должен быть благородного происхождения, как Хаммади, герой, выходящий победителем из всех испытаний, в противоположность таким простолюдинам, как Хамтудо и Дембуру, имена которых указывают на низкое происхождение. Затем он должен полностью соответствовать *Пуллагу*, кодексу чести фульбе. Наконец, он должен быть учен и богат. Вот почему три путника отправляются на поиски Каидары, божества золота и знания.

Эта цель путешествия не заявляется в самом начале повествования. И лишь после того, как мы оказываемся свидетелями удаления недостойных конкурентов, становится ясно, что увенчаться все приключение должно достижением королевской власти. Тем не менее, множеством притч нам дается понять, что приобретение золота имеет смысл лишь как средство приобретения знания и что даже королевская власть не может приобретаться ценой ущерба для конечной цели — поиска знания. Ибо «золото есть подножие знания, но если вы смешаете знание и подножие, то последнее упадет на вас и раздавит вас». Именно по причине алчности и легкомыслия лишаются жизни два спутника Хаммади. Они ошиблись относительно цели поисков. Их интересовало только золото.

Речь не идет, стало быть, о борьбе между претендентами на власть. Инициатическая сказка как бы говорит нам: пусть победит самый лучший! Но оказывается, что самый лучший — это и самый благородный по происхождению. И он выигрывает, несмотря на свое великодушие и свои разумные советы, которые он подает своим несчастным товарищам. Когда в «Блеске великой звезды» божество явится вновь, дабы завершить инициацию короля, оно ясно объяснит последнему различия в достоинстве людей и каким образом следует обращаться с каждым из них, в зависимости от его заслуг: с выс-

шими, со средними, с низшими. Разумеется, речь идет о моральных достоинствах, и конечно же существуют хорошие и плохие люди во всех социальных слоях. Остается несомненным, однако, что в кастовых обществах — в таких, каким уже предстает королевство фульбе в данном рассказе, где есть двор, придворные, пленные, ремесленники, в королевстве, построенном по образцу Фута-Тооро, Масина, Кунари, откуда и происходит эта сказка, — итак, в кастовых обществах каждому подобает оставаться на своем месте и следовать определенным нормам поведения, предписанным той касте, к которой он принадлежит по своему рождению. Таким образом, нормально, чтобы *грио*⁷ был льстив до подхалимства или злословен до клеветничества, в зависимости от того, что соответствует его интересам. Точно так же он может бесстыдно попрошайничать, тогда как знатный человек предпочел бы умереть от голода. Низшим кастам и пленным рабам дозволяется определенная грубость, агрессивные и шумные повадки, жадность или прожорливость, тогда как все это абсолютно запрещено людям благородного происхождения.

Последние должны быть щедры до расточительности, отважны до героизма, скромны и крайне сдержанны в своих манерах, должны абсолютно повелевать своими животными инстинктами, своими импульсами и страстями. Это и есть в точном смысле слова *Пуллагу*. Следовательно, именно человек истинно благородного происхождения, поборник *Пуллагу*, должен одержать победу в ходе испытаний борьбы за королевство. А всякая власть у фульбе, разумеется, была связана с сакральным.

«Но что же Каидара?» — спросите вы. Бог золота скрывается под землей, подобно самому золоту, это логично. Он восседает на вращающемся троне, у него семь голов, двенадцать рук, тридцать стоп.

---

⁷ Социальный персонаж, отчасти аналогичный *жонглеру* средневековой Европы. — *Прим. пер.*

Все в совокупности являет совершенную модель космоса. Этот впечатляющий образ остается абстрактным, это образ-идея, как сказал бы Л. С. Сенгор, и он лишь побуждает к размышлению над его составляющими.

Напротив, аватары Каидары, которые последовательно обретают облик то парализованного старца, то старого безумца в лохмотьях, вступают с ищущим адептом в более тесные отношения. Именно «самое близкое» воплощение Каидары откроет тайны тому, кто сумеет это заслужить. Устанавливаемый таким образом контакт принадлежит к порядку мистическому, точно так же, как и безмерная любовь, вспыхивающая между Хозяином Света и его Служителем. Здесь расставляются акценты, общие для мистиков всех религий, когда у них происходит высшая встреча с божественным.

И здесь, как и в других случаях, возможным оказывается сближение, но не слияние. Каидара возносится, как только Хаммади хочет сжать его в объятиях. Он становится «дальним» божеством, *Deus absconditus*.

Недоступность есть также черта божественного, которая всегда влечёт человека к вершинам:

*И он поднялся к небу,
Улетел, рассекая воздух.
Оставив Хаммади распротёртым на земле,
Изнемогающим, но исполненным
Радости, знания и мудрости*⁸.

Лилиан Кестелот

---

⁸ Заключительная строфа двуязычной поэтической версии, опубликованной издательством «Classiques africains», р. 179. (Прим. А. Х. Ба). — Лилиан Кестелот (Lilyan Kesteloot) IFAN — Dakar/Sorbonne-Paris-IV. April 1994.

Kaudapa

Сказка, сказывайся-рассказывайся...

Правду ли говоришь?

Для детей, что резвятся при свете луны, моя сказка — причудливая история.

Для женщин, ткущих полотно долгими ночами в зимний сезон, мой рассказ — восхитительное времяпрепровождение.

Для тех, у кого уже выросли бороды, а подошвы загребели, — это подлинное откровение.

Я разом забавник, работник и наставник.

Сказывай же её для нас ¹...

* * *

Случилось это в таинственной нездешней стране Каидары, стране, о которой память человеческая не скажет ни где, ни когда она существовала.

О дорогие сыновья моего собственного отца! Манна^{1*}, который первым поведал об этом приключении,

---

¹ Традиционный зачин сказки «Каидара».

^{1*} Сноски со звёздочками даны в в разделе *Дополнительные примечания к тексту «Каидара»*.

говорил, что было это несколько дождливых сезонов спустя после того, как затвердели горы^{2*}. Это было во времена, когда гении заканчивали рыть русла рек².

Хаммади^{3*} вышел из дому в час, когда горизонт озарился нежным золотым светом, загорающим на восходе и на закате Великого Царя Кривого³. Он машинально дошёл до большого перекрёстка^{4*}. Здесь он остановился. Он был настолько ослеплён блеском, что совсем не слышал шагов Хамтудо, который приближался по одной из трёх дорог^{5*}, выходящих на перекрёсток. В свой черед Хамтудо, очарованный красотой утренней зари и феерической игрой разноцветных облаков, похожих на придворных, принарядившихся к пробуждению своего владыки, тоже утратил слух и зрение, захваченный этим грандиозным зрелищем. Околдованный, он застыл на месте и вовсе не заметил, что какой-то человек опередил его.

Несколько мгновений спустя на опушке появился и Дембуру^{6*}. Он увидел двух человек, которые раньше его вышли на перекрёсток, причем каждый из них и не догадывался о присутствии другого, так они были зачарованы.

Он воскликнул: «Эй! Сыновья моей собственной матери! Склонитесь пониже, ибо стройная служанка Великого Царя Кривого готовится снять вуаль, которая

---

² Указание на то, что мир ещё формировался.

³ В начале времён солнце было оком самого Гено, верховного Бога-творца. Затем, когда творение было завершено, Гено вынул его из орбиты, чтобы создать из него «Кривого Царя», ибо одного его глаза довольно для того, чтобы видеть всё совершающееся на земле, согревать и освещать её.

защищала ваше зрение и скрывала от вас восход короля с тысячью блистающих рук».

Очарование нарушилось: оба человека вышли из состояния экстаза. Каждый обернулся, чтобы увидеть говорящего, и все трое образовали треугольник, подобно трем камням очага^{7*}.

Тут очень громкий голос⁴ раскатился по всему пространству.

Он воскликнул: «О люди, ослеплённые светом!»⁵ Ступайте в священный лес первой же деревни. И принесите там в жертву всесожжения⁶ первую же дичь, которую вам удастся сразить в погоне⁷».

Хаммади, Хамтудо и Дембуру бросились в подлесок. Они захватили врасплох муравьеда⁸. Они убили его, рассекли на части и отнесли на середину перекрёстка. Они разожгли большой огонь. Они бросили в него дичь и дождались, чтобы огонь полностью пожрал её.

⁴ Перед нами вмешательство «голоса-водителя», который отныне не покинет трех путников. Это эманация Каидары, который влечет их и будет толкать в путь, покуда не даст им золота. Голос этот будет попеременно исходить от четырёх стихий.

⁵ «Ослеплённые» — ибо свет всего лишь мираж, всего лишь внешняя видимость. Не сюда следует обращать своё внимание.

⁶ Закланная добыча должна быть сожжена на медленном огне: недостаточно просто перерезать ей горло.

⁷ «В погоне» — т. к. адепт должен приложить усилия.

⁸ *Муравьед* является таинственным животным, т. к. он питается муравьями и термитами, *термитник* же рассматривается как модель мироздания. (См. «Бог воды» — «Dieu de l'eau» — Марселя Грийо.) Охотники полагают, стало быть, что муравьед «заряжен» магической мощью, опасными излучениями. Точно так же «заряжены» головы кролика и гиены; сова «заряжена» вся целиком.

Когда же огонь закончил поедать животное, голос воскликнул с силой: «О Хаммади! О Хамтудо! О Дембуру! Ваша жертва принята. Ваше путешествие в Страну карликов^{8*} будет приключением, но счастливым приключением. Очистите место, где небесный огонь⁹ только что поглотил вашего муравьеда, прежде чем самому быть поглощённым пространством»¹⁰.

Трое спутников очистили место¹¹. Тотчас же они увидели плоский камень девяти локтей в обхвате и трёх локтей по бокам. Одна сторона камня была окрашена в чёрный цвет, а другая — в белый^{9*}. Невидимый голос произнес: «О трое друзей! Наденьте свои сандалии¹² и перекиньте свои сумы через плечо. Пусть каждый из вас возьмёт посох, на который он будет опираться время от времени и который будет служить ему, чтобы погонять его выючное животное¹³».

---

⁹ Огонь соотносится с небом, т. к. он восходит вверх, тогда как вода принадлежит земле, т. к. она нисходит дождём.

¹⁰ «*Поглотить... поглотить*» — в природе все существа и все силы взаимно поглощают друг друга, т. е. взаимоуничтожаются (см. ниже Песнь всеобщего взаимопожирания).

¹¹ Ритуал очищения: пепел — это частицы, которые не принял Гено; нужно, стало быть, вернуть их земле, т. к., если это не пригодно для тебя, то пригодно для чего-нибудь другого, и земля сумеет использовать их». Всё, что берут от туши, и всё, что выбрасывают, возвращается в землю. Любой пепел священен и должен быть рассеян по земле.

¹² Ученики-странники могут надеть сандалии т. к. от них уже не требуется полного повиновения. Отныне они имеют право задавать вопросы, попирая ногами тайны.

¹³ *Посох* — это наставник, необходимый для посвящения учитель. Этот мотив выдвинут на передний план, ибо выражение «чтобы погонять своё выючное животное» лишь маскирует подлинное значение посоха. В действительности же, похоже, только один

В то же мгновение движимый незримой рукой треугольный камень повернулся на волшебных шарнирах. Он скрыл свою чёрную сторону и открыл белую¹⁴. Явилась лестница о девяти ступенях^{10*}, ведущая под землю^{11*}.

Три друга без колебаний воспользовались ею. Лестница привела их к месту, где они обнаружили ожидавших их трёх выючных волов, нагруженных водой и съестными припасами.

«Привет путникам, идущим в Страну карликов! Вот три выючных вола, которые будут служить вам. Другие же будут даны далее тем, кто являет собою кладезь познания и гору мудрости.

«Как его зовут и где он обретается? — осмелился спросить Хамтудо¹⁵. — А ты, который говорит с нами, кто ты? И где ты?»

«Ты узнаешь это тогда, когда будешь знать, чего ты не знаешь, и будешь готов подождать, чтобы узнать^{12*}».

Три друга пустились в путь, каждый погоняя перед собой своего выючного вола. Они шли, шли долго — и это был тот ещё путь! Они миновали страны, населён-

---

Хаммади понял его, ибо он один согласится «опираться» на советы своих учителей.

¹⁴ *Белую сторону*: ибо символы, которые увидят путники, не будут открыты для них, хотя они уже находятся в области эзотерической (здесь: белое = экзотерическое, видимое, очевидное; чёрное = эзотерическое, невидимое, скрытое).

¹⁵ Мы увидим по ходу рассказа, что вопросы странников будут систематически отклоняться, несмотря на полученное ими право задавать таковые. Пословица фульбе говорит: «У любопытного горькая кровь, но он не сгинет». Т. е. он докучлив, несносен, но сумеет выпутаться из положения.

ные сынами Адама¹⁶. Они пересекли густые девственные леса. Они, наконец, достигли безводной равнины, лишённой зелени, которая простиралась насколько хватало глаз. И на этой равнине не было ничего, кроме знойного Солнца, забавляющего своё дитя¹⁷. Запасы воды истощились. От жажды у них начало саднить в горле.

По дороге к ним тихонько поспешил хамелеон. Он смотрел во все стороны, вращая глазами, но не поворачивая головы. Он менял цвет, по своей охоте принимая окраску окружающих его существ и предметов.

Хаммади посмотрел на него и окликнул своих товарищей: «Эгей! Сыновья сестер моей матери!»¹⁸ Подойдите-ка взглянуть на это диковинное животное! Оно перемещается, попеременно двигаясь вперед и назад. Оно меняет цвет и вращает глазами во все стороны, не двигая, однако же, головой».

Хамелеон сказал на это: «Иди своей дорогой, о сын Адама! Если наблюдательность — достоинство, то зато умение молчать предохраняет от бед. Я первый символ Страны карликов. Моей тайной владеет Каидара^{13*}, далёкий и такой близкий Каидара. Ступай мимо, сын Адама...»

---

¹⁶ Выражение имеет целью сбить слушателя с толку и привлечь внимание посвящённого. И в самом деле, мы находимся в стране «сокрытого»; в этом месте, что обретается «под землёй», больше нет людей (на языке фульбе первый человек именуется *Кикала* — *Kikala*).

¹⁷ Выражение фульбе, обозначающее мерцание света в полдень.

¹⁸ По мере своего путешествия, adeпты оказываются всё более тесно связанными между собой. Их, не знакомых вначале, исполненный приключений путь превращает почти в единокровных братьев и стирает социальные различия.

Проговорив это, хамелеон исчез, словно по волшебству^{14*}.

В свой черед Хамтудо заметил летучую мышь. Он вскричал: «Эгей! Сыновья братьев моего отца, поспешите взглянуть на это создание! Гном ли это, животное или птица из птиц царства Каидары?»

Летучая мышь ответила: «По моим зубам я млекопитающее, а по моим крыльям — птица. Повиснув вниз головой, я отдыхаю в ветвях. Дневной свет ослепляет меня, а ночная тьма светит мне.

Я второй символ Страны карликов. Моей тайной владеет Каидара, далёкий и близкий Каидара. Ступай мимо, сын Адама...»

И летучая мышь исчезла так же, как раньше исчез хамелеон.

Жажда всё сильнее терзала трёх друзей, тогда как огромная равнина продолжала разворачиваться, распространяться перед ними, словно её растягивала невидимая рука.

Мучимые жаждой, волы мрачно мычали и тяжело роняли горячий навоз. Жажда и усталость давили их, безнадежно замедляя и без того присущий им медленный ход.

Что до трёх сыновей Адама, то они так устали, что почти утратили всякое чувство реальности. Сама смерть теперь была бы для них лишь освобождением. Они пламенно желали её.

Дембуру оказался самым стойким из троих. У него ещё оставалось немного сил, чтобы обследовать горизонт. Он шёл, заслонив глаза рукой, прижатой, как козырёк, к корням волос на лбу. И он увидел, что к

ним движется огромный скорпион, который не мог быть никем иным, как дедушкой всех скорпионов ¹⁹.

Дембуру вскричал: «Эгей! Сыновья старших братьев моей матери! Очнитесь от вашего бесчувствия, потому что вот он приближается к нам, зловещий посланник!

О, мои органы зрения!

О, мои органы пищеварения!

О, мои органы извержения!

О, мои сухожилия!

О, несварение и запор!

О, боль в кишках и лихорадка!» ²⁰.

Эти жалобы вывели Хаммади и Хамтудо из охватившего их оцепенения. Видя приближение скорпиона, они принялись восклицать: «Это гномик, это карлик, это домовый!»

Скорпион же сказал: «Я вовсе не дух стихий и уж тем более не демон. Но я существо роковое для того, кто заденет меня. У меня два рога и хвост, который вращается в воздухе. Один из моих рогов именуется насилие, другой — ненависть. Стилет моего хвоста именуется аленом ²¹ мести. Я рождаю только один раз. Зачатие, которое у других является знаком продолжения рода, у меня в некотором смысле есть знак кончины.

---

¹⁹ «Дедушка» обозначает особое качество, а не возраст. Это скорпион как таковой.

²⁰ Это причитание имеет магический характер. За названием органов следует название болезни, которой хотят избежать. Таким образом можно было бы и перечислить желаемые исцеления.

²¹ *Ален* — шило, которым протыкают кожу.

Вы видели моего брата хамелеона и мою сестру летучую мышь.

Я же — третий символ Страны карликов. Моей тайной владеет Каидара,

Далёкий и такой близкий Каидара.

Ступай мимо, сын Адама....»

Дембуру собрал всё своё мужество и заговорил: «О Скорпион, дух вражды, что нужно сделать в твоей таинственной стране, чтобы сыскать воду, мать всего живого? Мы умираем от жажды, я и мои двоюродные братья, погибаем вместе с нашими бедными животными. Сжался над нами! Я заклинаю тебя именем Каидары!»

Тогда скорпион ответил:

«Ступайте прямо перед собой, и как только вы потеряете меня из виду, произнесите вот это заклинание:

О, Духи стихий!

Небо — это кровля над всей землей,

И вы, хранители²² страны испытаний,

Не сомневайтесь, мы те,

Кто рассеял пепел по земле,

Теплый пепел трепещущей жертвы,

Из которой мы источили кровь,

Прежде чем предать её огню²³.

Это был муравьед, таинственное животное,

Наделённое рылом свиньи,

---

²² Речь идёт о карликах Каидары, которым поручено охранять путников.

²³ Напоминание о принесённой согласно ритуалу жертве, которой требовал голос, увлёкший их в путешествие, и которая была принята божеством.

Червеобразным и липким языком.
 Мы идём к Каидаре,
 Реально существу, хоть и незримому Каидаре.
 О Ундины²⁴, поднимите покрывала,
 Что отделяют нас от источников Каидары!
 Пролитая кровь нашей жертвы
 Была, подобно нектару,
 принята вашим Повелителем.
 Поднимите покрывала, поднимите покрывала!
 Так хочет Каидара,
 вы не можете больше противиться!»

Как только скорпион исчез, Дембуру в точности нараспев повторил это заклинание.

На словах «вы не сможете больше противиться», сухой и безводный облик равнины истаял. В нескольких шагах перед нашими путешественниками явилась зеленеющая долина, окружающая озерцо с чистыми и свежими водами.

Трое друзей устремились к воде.

Увы, подойти к ней было невозможно! По всему своему обхвату, примерно в шесть локтей, озерцо было окружено ядовитыми рептилиями, из которых самыми безобидными являлись Батюшка Боа, Матушка Гадюка, Дядюшка Кобра, и ещё множество других их родственников, один ядовитее другого.

---

²⁴ Духи вод. Это магическое заклинание, которое следует повторить слово в слово, если хотят, чтобы оно оказало действие. Заметим, что скорпион, похоже, полностью в курсе истории путешественников: он знает, что они принесли в жертву муравьеда.

Все попытки странников оказались тщетны. Дембуру и его друзья отступили. Они укрылись под деревом и разразились жалобами.

Хаммади воскликнул: «Что это за таинственный пруд, столь упорно охраняемый самыми ядовитыми гадами из всех, что произвела земля?

О, озеро разочарования! Горе жаждущим, которые устремляются к тебе! Мы истомились от жажды, чаша наших несчастий переполнена, мы умираем, о какая мука! Может быть, чтобы умиловить рептилий, нужно исполнить для тебя припевки моей родины? Тогда слушай:

Я принадлежу к благородной расе²⁵.

Начало моего рода обретается на восходе солнца.

С Востока на Запад шли мои дорогие предки
за своим медлительным скотом,

На чьей величественной холке почит горб,
мясистый и жирный.

Вскормлен я поочередно коровой и моей матерью,
И в лугах возрастал я вместе с телятком.

Когда нашим гостем бывает чужеземец,
ему предлагают напиться молока,
а пищу ему стряпают на коровьем масле.

В моей стране

Путник не умирает от жажды.

Не подобает смешивать между собой

Сосцы всех животных, дающих молоко.

Коровьи сосцы

Первенствуют надо всеми».

После того как отзвучала жалобная песнь Хаммади^{15*}, Дембуре пришла в голову счастливая мысль за-

²⁵ Подразумевается: к народу фульбе.

тянуть снова заклинание, которому научил его скорпион. Тотчас же на песчаной отмели озера возник большой варан²⁶. Он направился к отчаявшимся путникам и запел:

«О сыны Адама, как жалко ваше положение!
Я сострадаю вашему несчастью
Я — животное обтекаемой формы,
Я тяжеломерно, глупцом меня не назовёшь.
Мое одеяние жёлто,
А платье моей жены — рыжего цвета.
И то и другое изукрашено
Тонкими темными полосками.
Меня знают везде, где Гено рассыпал песок.
Я несу вам бальзам утешения,
Я хочу облегчить ваши души.
О да, к роду ящериц я принадлежу!
О да, я схож со змеей^{17*},
Что жалит человека в пятую!
Но я вовсе не ядовит и не гадок на вид.
Скорее, скорее покиньте это место!»

«Да, — раздался голос, казалось, исходивший из пруда. — Я — четвёртый символ Страны карликов.

Моей тайной владеет Каидара.
Далёкий и такой близкий Каидара.
Ступай мимо, сын Адама...»

Хаммади и его товарищи не заставили варана дважды повторять свою рекомендацию, которая для них была

---

²⁶ См. Примечание 16*. Это единственное животное из встреченных в стране карликов, относительно которого повествование далее не дает никаких пояснений.

советом друга. Они тотчас покинули долину. Они по-прежнему ничего не ели и не пили. Но вот вдали они заметили раскидистое дерево с мощными и стройными ветвями. Хаммади первым ступил под его сень. Там он увидел маленькую ямку, точь-в-точь отпечаток копыта газели, наполненную водой. Он сказал своим друзьям: «Вот глаз воды²⁷! Я напьюсь из него, и будь что будет!»

Он лег плашмя и одним глотком втянул в себя воду из ямки. Тотчас же она наполнилась вновь. Хаммади опять втянул воду в себя... И так, от наполнения к втягиванию и от втягивания к наполнению, Хаммади утолил свою жажду.

Его товарищи в восторге последовали его примеру. Они также напились досыта. Свернув древесный лист воронкой, они терпеливо наполнили три бурдюка количеством воды, достаточным для того, чтобы напоить быков и сделать запас на несколько дней.

Хамтудо спросил: «В чем твоя тайна, о милосердный источник?»

Некий сильф из породы воздушных духов ответил: «Эта маленькая неисчерпаемая ямка является частью тайн Страны карликов. Вы проникли, о сыновья Адама, в область пигмеев, стерегущих подземные сокровища Каидары».

И голос, нежный, как сладчайшая музыка, отозвался из ямки:

«Я — пятый символ Страны карликов.

Моей тайной владеет Каидара,

---

²⁷ На языке фульбе, как и на арабском, слово «глаз» означает также и «источник».

Далёкий и такой близкий Каидара.
Ступай мимо, сын Адама...»

Несколько далее наши друзья заметили дрофу. О мой язык, какое лакомое мясо!

Хаммади и его товарищи начали охоту за ней со всем проворством, которое голод придаёт голодному, преследующему дичь. Жирная голенастая птица казалась легкой добычей, так как, в отличие от своих сородичей, имела только одну лапу и, неловко трепыхая крылом, тяжело тащилась по земле. Окружить и схватить её показалось троим друзьям делом весьма легким. Они рассеялись, а затем провели маневр таким образом, что дрофа в конце концов оказалась окружённой ими на расстоянии вытянутой руки. Они бросились вперед, чтобы схватить её, но так резко столкнулись друг с другом, что каждый упал навзничь, а загадочная птица, проскользнув у них под ногами, принялась насмешливо прогуливаться в нескольких шагах.

Трижды Дембуру и его спутники возобновляли охоту и трижды сами себя делали посмешищем. Убедившись, что дрофа неуловима, они решили продолжить свой путь.

«Что означает эта новая тайна?», — спросил Хамтудо, не обращаясь к кому-либо конкретно.

---

²⁸ Это впервые некий дух снисходит до того, чтобы ответить на один из многочисленных вопросов, задаваемых путешественниками. Но здесь он сообщает лишь экзотерический смысл, который им уже дозволяется узнать; это ещё один способ побудить их к терпению и к смирению их любопытства. Эзотерические значения будут раскрыты только в конце сказки.

Ответил сильф: «Это многожёнец из Страны карликов^{18*}. Гено удлинил ему шею, чтобы он мог видеть дальше. Он знает, что земля — это наш материнский дом, и лишь с большим трудом поднимается в воздух. Его не так-то легко поймать. Он стоит прямо посреди голых равнин»²⁸.

Дрофа же добавила:

«Я шестой символ Страны карликов.

Моей тайной владеет Каидара,

Такой далёкий и такой близкий Каидара.

Ступай мимо, сын Адама...»

Три друга, приунывши, продолжили свой путь. Впереди них, изголодавшихся и жаждущих, следовало отчаяние сердца, а позади них — скорбь разума.

Не следует смешивать отсутствие съестного и умеренность. Путники были столь голодны и испытывали такую жажду, что всякий раз, как они отрывали ноги от земли, смерть ставила свои в отпечатки их стоп²⁹. Они ещё говорили об удивительной дрофе, когда уже спускались по другому склону крутой тропы, которую только что преодолели³⁰.

В долине они увидели бородатого козла, чьё туловище было всё целиком покрыто длинной шерстью³¹.

---

²⁹ Это всего лишь метафора, речь не идёт об олицетворённой смерти.

³⁰ «Два склона» всегда символизируют усилие восхождения и отдохновение спуска; путники, стало быть, вскоре получают облегчение от своих испытаний.

³¹ Козёл, «покрытый длинной шерстью», есть символ мужественности; так же обстоит дело для мужчины, когда речь идёт о шерсти на его груди, подбородке, руках, ногах. Но если шерсть покрывает всё тело, то это зловещий знак.

Он обходил кругами пень, на который беспрестанно поднимался, опускался и вновь поднимался. При каждом вскакивании козёл извергал на пень своё семя, как если бы он совокуплялся с козой. И, несмотря на обильность этих извержений, он отнюдь не утрачивал своего мужского пыла.

Животное было так поглощено своим делом, что вовсе не заметило присутствия трёх путников, хотя они были столь близко от него, что могли бы потянуть его за хвост.

Хаммади воскликнул: «О, диво дивное! О чем же вещаешь ты здесь, козёл бородатый, словно патриарх, ты, который умеешь читать по звёздам и понимать язык бусинок воды, катящихся и сменяющих друг друга в море рек, которое они терпеливо роют? То, что ты делаешь здесь, явно всего лишь форма. Но какова же реальность за ней? Мои друзья и я, мы умираем от любопытства. Мы не в силах понять, что символизируют твои действия, о великий самец с достопочтенными рогами!»

Он добавил, разговаривая сам с собой:

«О, мои глаза! О, мои уши! И все-то вы не перестанете видеть и слышать!»³².

Сильф ответил в воздухе: «Со сколькими вещами в жизни предназначено встречаться сыновьям Адама! И они научатся считать, измерять, взвешивать то, что конкретно и что можно потрогать! Что же до последней

---

³² Хаммади начинает понимать систему инициации, т. е. то, что каждое показываемое явление есть лишь форма и что за ним скрывается истинная, единственно важная реальность. Он также чувствует, что любопытство в данном случае есть нескромность, но как хороший ученик он признается, что неспособен разобраться самостоятельно.

сути вещей и явлений — им нужно было бы сесть у ног Каидары, который один знает их природу и умеет расставить явления по порядку³³. О путники, вы в Стране карликов...»

Тотчас же козёл прервал своё кружение и заговорил:
«Я седьмой символ Страны карликов.

Если бороду считать знаком мужественности,

То я почтенный патриарх.

Размах моих узловатых рогов —

Верный признак моей мужской силы.

Мое животное семя

Я бросаю в растительное племя.

Моей тайной владеет Каидара,

Такой далёкий и такой близкий Каидара.

Ступай мимо, сын Адама...»

Трое друзей продолжили свой путь.

Изнурённые жаждой, голодом и всем, что случилось с ними, они захотели отдохнуть. Тут как раз перед ними возникло кудрявое дерево, которое отбрасывало тень столь густую, что сквозь неё не мог проникнуть ни один луч солнца. «Пойдём, отдохнём в тени этого дерева — сказали они себе, — и переждём там, в затишье, покуда не сотрется след пережитых кошмаров».

Каждый выбрал себе местечко и растянулся на спине. Уже несколько минут спустя они не испытывали ни голода, ни жажды, и даже всякий след усталости

---

³³ Здесь дух явно дает им урок: действительно, самонадеянные люди могут обрести лишь поверхностные знания. Только инициация может раскрыть перед ними глубинную реальность мироздания.

исчез³⁴. Но как только они начали засыпать, дерево зашумело листвой. Эта изобильная листва перенеслась на другое, мертвое дерево с ветвями, похожими на поленья для очага. И это дерево-труп, которое стояло как раз напротив первого, ожило.

Трое наших сонь внезапно очутились под свинцовой тяжестью знойного солнца, которое быстро вернуло их в состояние бодрствования. Каково же было их изумление! Чему следовало приписать это волшебное превращение?

Дембуро сказал: «Братья мои, пчёлы собирают мёд на цветущих деревьях, они никогда не тратят своего времени в ветвях, выбеленных смертью. Перейдём же под густолиственное дерево и покинем то, которое уже покинул Кеттиоль, бог, дающий растениям их зелень».

Молодые люди взяли свои пожитки и двинулись устраиваться в тени только что воскресшего дерева.

Хамтудо сказал: «Решительно, мы находимся в стране чудес, где око видит явления, которых не может постичь обычный разум! Всегда: “Каидара!” Всегда: “Ступайте к Каидаре! Мы принадлежим Каидаре!” Почему же наше сердце ничего не подскажет нам? Почему не раскроет оно нам точного смысла символов, которые предстают загадкой в стране Каидары? И какой добрый гений явится, чтобы открыть наше внутреннее зрение и позволить нам обрести истинное знание вещей?»

Сильф ответил в воздухе: «Подмастерье кузнеца годами раздувает кузнечный мех, прежде чем получить

---

³⁴ «Усталость исчезла», ибо недостаток материальной пищи может быть возмещён силами иного рода. Проходя инициацию, ученик может поститься целый день; тогда он говорит себе: «Я не голоден, я трапезничаю словом моего учителя».

от своего хозяина секрет знания, которое позволит ему превращать металлы в полезные инструменты. Почему же вы не поступаете так, как он, о путники, идущие в страну Каидары!³⁵».

Как только сильф умолк, листва покинула новое дерево, чтобы опять переместиться на прежнее. Сцена повторилась трижды.

«Вне всякого сомнения, оба дерева также являются символами», — твердо заявил Хаммади.

Тогда птица-самец с пестрым оперением, с красным клювом и лапами, которая летала меж деревьев, сказала: «Разумеется, вы находитесь в пупке Страны карликов».

А оба дерева затаили хором:

«Мы андрогинная чета^{19*}, чета близнецов.

Мы вольный символ Страны карликов.

Нашей тайной владеет Каидара,

Такой далёкий и такой близкий Каидара.

Ступай мимо, сын Адама...»

Чудесным образом путники не испытывали больше терзавшего их голода. Они тронулись в путь, не зная толком, куда он ведет. Надо было идти, стало быть, они шли, а вместе с ними шли их тени³⁶.

---

³⁵ Сильф вновь призывает трех приятелей к порядку. Жалующемуся Дембуру он напоминает о длительном ученичестве кузнеца, хотя речь здесь идёт всего лишь о ремесле. А сколь же более длительным должно быть ученичество и сколь бóльшим — терпение ученика, желающего познать «истинный смысл вещей».

³⁶ В прямом смысле слова — тени, которые перемещаются вслед за движением солнца.

Дембуру принялся напевать:
 «Матушка говорила мне: будь добрым, дитя,
 будь добрым к тем, кто породил тебя.
 Девять месяцев ты, как труп в могиле,
 Покоился в чреве твоей матери.
 А отец твой трудился в поте лица.
 Своими руками добывал он то, что питало
 И созидало тебя целых тридцать три месяца³⁷,
 Тридцать три кольца
 Твоего позвоночного столба.
 О мой отец! О моя мать!
 От всей души благодарю вас.
 Творческая сила, направляй наши шаги!
 Теперь мы отлучены от материнского молока,
 Дай же нам напиться молоком знания.
 У нас больше нет сомнений,
 Что мы идём в страну Каидары,
 Далёкого и такого близкого Каидары».

Едва лишь Дембуру окончил свою песнь, как взорам трёх друзей явилась стена из высушенных на солнце кирпичей.

«О небесный Гено! Вот мы у подножия ограды, укрывающей какое-то жилище», — воскликнул Хаммади.

«Давайте поищем входную дверь и проникнем внутрь в надежде найти там кого-нибудь, кто разъяснит нам, что же мы должны делать», — предложил Хамтудо.

---

³⁷ 33 месяца, 33 позвонка — говорят, что ребенок в течение 33 месяцев буквально связан со своей матерью: это девять месяцев вынашивания и 24 месяца традиционного кормления грудью. Каждый из этих месяцев укрепляет один из 33 позвонков позвоночного столба.

Трое друзей обошли стену, но они не обнаружили в ней никакого входного отверстия. Она была так высока, что терялась в облаках. Хамтудо сказал: «Присядем здесь и подождём: может статься, какое-нибудь живое существо и придёт к нам на помощь!..»

Они прождали три ночи и три дня.

В конце концов они устали ждать, к тому же не зная точно, чего они ждут. Но в тот момент, когда они собрались уходить, часть стены — трёх локтей в ширину и девяти локтей в высоту — обломилась и исчезла в глубине земли. Путники увидели круглую хижину, крытую соломой. Они направились к ней.

В хижине они увидели красивого петуха в возрасте двух месяцев, который намеревался склевать несколько зёрен, затерявшихся в пыли. Утренний певец склонил голову направо, потом налево, дабы получше разглядеть необычных посетителей, а также показать им чудесный гребень, что возвышался на его голове.

Молодые люди проникли в хижину, где полагали обнаружить лишь петуха. Но там они увидели свернувшегося в клубок старика со змеевидными ногами. Они весьма почтительно приветствовали это существо, которое было человеческим лишь до уровня ягодич. Старый змеечеловек^{20*} сказал им: «Добро пожаловать, дети мои! Входите с миром в мое жилище, но внимательно проследите за тем, чтобы мой петух не выскользнул из хижины во двор». Тут он отлучился на некоторое время.

Наши друзья спрашивали себя, почему маленький старик не хотел, чтобы его петух вышел из дому. Но прежде чем они нашли ответ, петух, обманув их бдительность, устремился во двор. Когда старичок вернул-

ся, нагруженный съестными припасами, он обнаружил путников смущёнными тем, что птица сумела провести их всех троих.

Старик сказал им: «Как же это вы все вместе оказались столь невнимательны, что позволили моему петуху вырваться во двор? Я приказываю вам изловить его, прежде чем он выскочит на улицу!»

Трое друзей почли своим долгом приступить к поимке петуха, но последний внезапно превратился в большого овна с огромными рогами и большой мошонкой, похожей на две спаренные подушечки, который принялся скакать на своих четырёх ногах. Молодые люди вернулись к старцу. «Почтеннейший отец с ногами, как земляная верёвка³⁸, — сказали они ему, — мы оцепенели от изумления перед чудом, которое только что совершилось у нас на глазах. Ваш петух превратился в большого овна угрожающего вида. Он преграждает доступ во двор каждому, кто хочет туда проникнуть».

Старик накормил своих гостей, а потом сказал им: «Я ухожу в селение. На этот раз будьте более внимательны и проследите за тем, чтобы овен не вырвался на улицу».

Но после завтрака легкая дремота овладела путниками. Овен перепрыгнул через них и устремился на улицу.

Когда старичок воротился к своим гостям, нагруженный, как и в предыдущий раз, съестными припасами³⁹, они признались ему в этой своей новой неудаче.

---

³⁸ «Земляная верёвка» (*corde de terre*) — прозвище змеи.

³⁹ Этот старый и увечный человек, приносящий еду и щедро раздающий добрые советы, резко контрастирует с тремя здоровыми

«Живо! Попытайтесь поймать овна прежде, нежели он вырвется на улицу, — сказал старичок. — А я пойду поищу чего-нибудь на обед».

Старик вышел, а наши друзья почли своим долгом попытаться изловить овна. Но он подпрыгнул выше их плеч, и вот он уже на улице, готовый ускакать!

По возвращении старичок узнал от своих гостей о том, что случилось. «Ничего удивительного! — воскликнул он. — Но я не могу сердиться на троих парней, неспособных углядеть за петухом, если они не сладили с бараном и позволили ему вырваться! Однако заклинаю вас, попытайтесь ещё разок поймать это животное!»

Когда молодые люди захотели приблизиться к овну, он превратился в быка двенадцати лет от роду⁴⁰, чья голова была украшена большими крепкими и острыми рогами. Тварь яростно атаковала их, и своим спасением они оказались обязаны лишь быстроте своих ног.

Бык проник в селение. Он принялся раздавать удары рогов налево и направо, опрокидывая людей и вещи. Опустив голову, вздернув хвост, он бросался на все, что плескалось на ветру. Он сеял панику на улицах и ужас в сердцах обитателей селения. Матери мчались, чтобы унести своих детей, торговцы убирали свои прилавки и искали убежища кто где мог.

мужчинами, которые спят в то время, когда старик работает, и которые неспособны даже усмотреть за петухом. Достоинство и мудрость не являются атрибутами молодости и физической силы. Эзотерический смысл символа петуха, который превращается в овна, потом в быка, потом в пожар, будет раскрыт далее.

⁴⁰ Т. е. в совершенного быка, взрослого и в цвете сил; после двенадцати лет эти силы начинают клониться к упадку.

Вождь приказал убить быка. Несколько охотников взяли свои луки и копья. Увы! Они не сладили с животным, которое двигалось со скоростью урагана.

Маленький старец со змеевидными ногами сказал трем друзьям: «Покинем селение, покуда этот бедокурящий бык не кинулся в чащу!» Потом он принялся кричать: «Эгей! Жители! Выходите из ваших домов, не давайте быку добраться до чащи, иначе весь край постигнет неслыханная катастрофа!»

Однако вместо того, чтобы попытаться усмирить злобное животное, каждый из жителей, оцетинившись, как дикобраз, думал лишь о своём собственном спасении и о спасении своей семьи.

Окружѐнный редким кольцом преследователей, бык раскидал немногих людей, которые пытались преградить ему путь. Раздувая ноздри, стуча копытами, он устремился прямо к зарослям высокого кустарника. И как только он ступил в высокие травы, тотчас превратился в огромный пылающий уголь. Уголь зажег сухую траву и деревья. Высоко взметнулось пламя, и огонь распространился вокруг: в мгновение ока всё запылало и весь край обратился в пепел.

Всё умерло вокруг трёх друзей.

Они увидели, что лишь они одни избежали мучительной смерти. Дембуру воскликнул: «Где же мы, о сыновья моей матери?» Пепел ответил: «Вы у входа в Страну карликов».

И появилось, паря над ними, облако, смутно похожее на змеевидного старца.

Оно сказала: «Я, что говорю с вами, и эта область, и всё, что вы видели, мы — девятый символ Страны

карликов. Нашей тайной владеет Каидара, далёкий и очень близкий Каидара. Ступай мимо, сын Адама»...

Трое друзей вновь пустились в путь, счастливые тем, что не обратились в уголья. Они направились по первой же дороге, которая явилась перед ними. Они держались её сорок дней и сорок ночей^{21*}, идя тогда, когда все спали, и погружаясь в сон тогда, когда все бодрствовали и шли⁴¹.

На сороковой день, раньше, чем солнце оказалось над их макушками, они вступили в долину, стиснутую высокими горами. Дожди и водные потоки источили их, и каждый из пиков принял причудливую форму сказочного животного.

Как только приятели ступили на землю этой долины, они услышали голоса, хором распевающие на все лады⁴²:

«Все живые существа — пленники,
пленники неумолимой смерти.
Смерть отсчитывает время...
время пожирает смерть...
воздух раздувает пламя...

---

⁴¹ Поведение очень инициатическое: систематически делать противоположное общепринятому, с тем, чтобы отделиться от остальных, ибо речь идёт о поиске другого лика, оборотной стороны вещей.

⁴² Пусть не удивляются тому, что горы, сказочные существа, поют точно так же, как животные, лужицы или деревья, ибо всякие чудеса возможны в стране карликов. Впрочем, столь же естественно и то, что путники ясно воспринимают их облик и их язык. Это пение полно тайны, непостижимой для любого профана, ибо эти незаконченные фразы являются также вопросами-тестами, задаваемыми путешественникам.

души творят молитву...
 праведные платят десятину...
 Откуда идете вы, сыны Кикалы?
 Куда идете вы, отпрыски Нагары⁴³?
 Кто вы, двуногие животные?»

Хаммади, самый способный импровизатор из всех троих⁴⁴, ответил:

«Жизнь и смерть заключены в нас.
 В нас они борются друг с другом,
 Как вода борется с землей,
 А земля — с водой.
 Каждому наступлению справа
 Соответствует отступление слева.
 Все, что выигрывается на востоке,
 Проигрывается на западе.
 Наша жажда познания —
 Это огонь, пылающий в нас.
 Дыхание ветра вашей науки
 Еще пуще раздувает его.
 Мы в положенный час
 Сотворили нашу молитву.

---

⁴³ *Кикала* — имя первого человека на языке фульбе, а *Нагара* — имя его жены.

⁴⁴ «*Импровизатор*» — слово, которое вводит в заблуждение неспособных понять суть дела, ибо Хаммади вовсе не импровизирует: он сознательно отзывается на песенку-ловушку. В дальнейшем он отвечает на каждый вопрос, заканчивает любую незавершённую фразу с легкостью и точностью, выдающимися не его литературные способности, но его успехи на пути инициации. (Анализ этих вопросов и отзывов дан в дополнительном примечании 22*.)

Мы совершили возлияние
 Питательным жертвенным молоком.
 Мы заплатили десятину маслом.
 Мы происходим из капельки,
 Что чудесным дождём упала
 В потаённую плодородную ложбину.
 А идём мы к распаду, идём к разложению,
 Идём обратно к своему истоку.
 Мы сотворённые создания,
 Но также сотворённые творцы.
 Мы не сбились с пути.
 Мы попросили мира.
 Мы идём к Каидаре,
 Далёкому и такому близкому Каидаре»^{22*}.

Вся долина ответила: «Ваши деяния не останутся без награды. Ступайте к Каидаре, далёкому и близкому Каидаре!»

Три путника вошли в долину.

Вдалеке они увидели две водных струи, которые поднимались высоко к небу, скручивались там и ниспадали каждая на то место, откуда исходила другая.

Они направились туда, где давалось это представление⁴⁵. Там они обнаружили, что две струи исходили из двух хорошо наполненных колодцев, но что они обменивались своими водами, не позволяя ни одной капле упасть в третий, сухой колодец, что находился между ними.

Хамтудо воскликнул: «О диво дивное! Что означает это новое явление, и почему ни одна капля никогда

---

⁴⁵ Слово «представление» должно подчеркнуть гордыню двух водных струй.

не упадёт из изобильных колодцев в пустой колодец, чьи стенки от недостатка влаги растрескались, как тараканьи гнезда?»

Три колодца воскликнули:

«Мы трое соседей,

Вместе мы образуем

Десятый символ Страны карликов.

Нашей тайной владеет Каидара,

Далёкий и очень близкий Каидара.

Ступай мимо, сын Адама...»

Трое друзей продолжили свой путь. Они шли день и ночь, не заботясь о том, чтобы узнать, куда приведёт их этот путь. Их притягивала могучая невидимая сила. Она буквально втягивала их в себя, и они поглощались ею, как вода поглощается тем, кто пьёт её, входили в неё, как воздух в ноздри того, кто дышит. Они продолжали идти, потому что больше не могли остановиться.

В конце равнины, почти при выходе из долины, они увидели человека, который собирал валежник. Но всякий раз, как он пытался унести свою вязанку, ему не удавалось даже приподнять её. Тогда, заливаясь смехом, он устремлялся в чащу, где охапками собирал новый валежник, который, воротясь, добавлял к своей и так уже слишком тяжелой ноше.

Дембур воскликнул: «Вот некто, который, сдается мне, и сам не знает, что он должен делать».

Человек с валежником разразился смехом и сказал: «Мой рот снабжён тридцатью двумя зубами^{23*}, и мне тридцать два года отроду. У меня два глаза и два слуховых канала, которые отнюдь не закупорены. Я

сознательно увеличиваю вес ноши, которая уже раздавливает меня. Я знаю, что я не знаю, что я делаю.

Ты же, который думает, будто знает,
Хорошенько усвой,
Что я — одиннадцатый символ
Страны карликов.
Моей тайной владеет Каидара,
Далёкий и такой близкий Каидара.
Ступай мимо, сын Адама...»

Наши друзья достигли края долины.

Они готовились увидеть огромную равнину, простирающуюся перед ними, но всё оказалось совсем по-другому. На расстоянии нескольких сотен метров они обнаружили огромную металлическую стену, верх которой терялся в облаках.

Прежде чем прийти в себя от этой новой неожиданности, они услышали в воздухе голос, который говорил: «Я сильф с туманным телом. Я живу в воздухе, где парю очень высоко. Я укрываюсь от глаз сынов Адама. О путники! Отныне ваши голоса должны быть очень тихими. Символы, которые вы видели, — это не вздор. Целые кланы⁴⁶ были поглощены небытием за своё презрение к ним, а другие ещё будут поглощены. Вам не остается ничего другого, кроме как войти в отвратительную хижину. Это она будет двенадцатым и последним символом Страны карликов».

Тотчас же у подножия стены открылось зияющее отверстие в земле, и путники устремились внутрь. Это

---

⁴⁶ Выражение «целые кланы» должно подчеркнуть силу традиции.

отверстие вело в чудовищно грязное место: оно было заполнено всяческими экскрементами — испражнениями мух, ящериц, гиен и т. д.⁴⁷

Хаммади и его друзья проникли в нору, но не выказали никакого отвращения. И тотчас же нора преобразилась в просторную благоухающую комнату, посреди которой на золотом троне восседало существо о семи головах, двенадцати руках и тридцати ногах^{24*}.

Это было сверхъестественное существо Каидара, Каидара, который по собственной воле меняет свой облик, не имея ни одного постоянного⁴⁸.

Слово взял Хаммади: «О Каидара, — сказал он. — Мы сыны Адама. Таинственная сила привела нас сюда. Мы твои покорнейшие рабы»

«Хорошо сказано, — ответил Каидара. — Ваши слова трогают меня и настраивают на благосклонность к вам».

И он позвал одного карлика из стражей подземных сокровищ. Он приказал принести для каждого из троих друзей столько золота, сколько требовалось, чтобы нагрузить трёх волов.

Хаммади спросил: «О Каидара! Не соблаговолишь

---

⁴⁷ Назначение этого последнего испытания — заставить посвящаемых утратить всякие остатки материализма. В «тошнотворной хижине» они не должны выказать никакого отвращения, укротить свою естественную реакцию и, особенно, не жаловаться — подобно тому ребенку из сказки фульбе, который в наказание за то, что негодовал на нечистоту дома одного из духов, вместо трёх чудотворных яиц получил три злотворных. А они вместо ожидаемого счастья принесли ему невзгоды.

⁴⁸ Облик, в котором божество является троим путникам, есть олицетворение космоса, который остается для них совершенно непонятным (см. сноску 24).

ли ты раскрыть нам смысл символов, которые мы выдали на протяжении всего пути, ведущего к тебе?»

Каидара сказал: «С толком употребите золото, которое я только что дал вам^{25*}, и вы обретете все, что пожелаете, включая приставную лесенку до самой вершины небес и ступеней, что спускаются в самые недра земли⁴⁹.

Трон, на котором сидел Каидара, непрерывно вращался, и Каидара являл собою большое солнце. Никто не мог бы описать его форму. Четыре ножки трона⁵⁰, наделённые даром речи, говорили, вращаясь.

Первая: «Сильный ветер»,

Вторая: «Землетрясение».

Третья: «Наводнение».

Четвёртая: «Пожар».

Хаммади, изумлённый и увлечённый всем, что он увидел по пути и в таинственном зале Каидары, втайне решил употребить всё своё золото на то, чтобы проникнуть в смысл этих загадок, наверняка имеющих возвышенное значение.

Каидара снабдил каждого из своих посетителей двумя дополнительными волами, дабы они могли увести неожиданное богатство. Одному из подземных духов было поручено сопровождать их.

Они пустились в обратный путь. По дороге Дембур сказал: «Пусть каждый из нас поведает, как собирается он употребить своё золото».

---

⁴⁹ Приставная лесенка и ступени — символы экзотерического и эзотерического знания.

⁵⁰ Четыре ножки трона соответствуют четырем элементам и возвещают четыре катаклизма, которые разрушат мир.

Хаммади ответил: «О кузен Дембуру, будь же первым и расскажи, как собираешься ты употребить своё состояние!»

Дембуру сказал: «Я потрачу мои сокровища на то, чтобы стать большим вождём. У меня под началом будет много деревень. Я стану важным господином. Обо мне будут говорить, будут воспевать мне хвалы, будут бояться меня. Я не потерплю, чтобы в крае говорили о ком-нибудь ещё!»⁵¹.

Хамтудо сказал: «Грубое животное! Вожди тем более несчастны, чем менее выглядят таковыми. Ни за что на свете я не буду вождём. Я найду своему золоту лучшее употребление. Я стану большим Диула⁵². Я буду покупать и перепродавать. Я так умножу мое богатство, что если бы Каидара увидел меня, он был бы поражён моим процветанием. Грио скажут обо мне: «Он разбогател вследствие долгого путешествия и своих многочисленных сделок. Его мошна набита до отказа. В его доме встречаются барышники. В его конюшнях только рыжие, гнедые, белые, серые, чёрные, как смоль, кони, которые лягаются, бьют копытами и ржут. О, как он богат! О, какой он важный господин! Ему больше не нужно прилагать усилий, чтобы с избытком удовлетворять свои желания!»⁵³.

---

⁵¹ Дембуру демонстрирует властолюбие и тщеславие: «в крае будут говорить только обо мне». Уже предсказуемы развитие гордыни, тиранства, нетерпимости.

⁵² *Диула* — этническая группа, занимающаяся в основном торговой и посреднической деятельностью.

⁵³ Хамтудо жаждет радостей более конкретных, более материальных: благосостояния, богатства, для достижения которых у него есть необходимые для этого алчность и эгоизм.

«Что до меня, — сказал Хаммади, — я не стремлюсь ни стать вождём, ни округлить мое состояние. Я вовсе не хочу утопать в роскоши. Я решил, если это понадобится, истратить всё мое состояние на то, чтобы узнать значение символов и загадок Страны карликов. Ни о чем другом я не мечтаю. Одним мое желание покажется чистым безумием, другие сочтут его слишком скромным. Для меня же это самая великая и самая завидная цель, какую человек мог бы поставить перед собой тут, на земле»⁵⁴.

Погоняя перед собой девять своих волов, нагруженных золотом несравненной чистоты, трое друзей распростились с подземным духом, которому Каидара поручил вновь вывести их на дорогу, ведущую в страну сынов Адама.

Было похоже, что Страна карликов за ними удалялась, пятясь назад. Они чувствовали себя словно на корабле, удаляющемся от берега, когда кажется, что удаляется берег... Вскоре Страна карликов растаяла на горизонте. Небесное полотнище опустилось, словно занавес, чтобы скрыть её от взоров людей.

Хаммади и его товарищи достигли входа в большую деревню с богатыми, крепко построенными домами. Они вознамерились войти в неё и расположиться там на три дня, но никакой чужеземец не имел права проникнуть в деревню, как и приблизиться к пруду — обиталищу четвертого символа Страны карликов. Они не знали, что делать и куда идти. Солнце уже прошло две трети своего пути. Вскоре должно было стемнеть.

---

⁵⁴ Хаммади — единственный, кто обладает задатками посвящаемого.

Большими шагами приближалась ночь. Она застигла бы врасплох наших новоявленных богачей и отдала бы их на милость разбойников.

Покуда они обсуждали, что же делать, пленный карлик-альбинос, кривой на правый глаз, горбатый и спереди, и сзади, выбежал из селения так быстро, как позволяли ему его искривлённые в коленях ноги. Он сказал: «Эгей! Путники! Король страны, мой хозяин, повелевает вам моими устами, которые есть верное эхо его уст, расположиться под сенью трёх больших сырных деревьев, которые вы видите вон там. Король ручается за вашу жизнь и за ваше имущество».

Сильно приуныв, молодые люди были вынуждены принять это предложение. Они направились под сырные деревья. Это были три громадных дерева с мощными ветвями, растущие примерно на расстоянии трёхсот локтей от запретного поселения. Они отбрасывали на землю тень столь густую, что туда не проникал ни один луч солнца. Тысячи птиц гнездились в их ветвях и тысячи насекомых копошились на земле⁵⁵.

Из стволов сырных деревьев выступали подобия боковых стен. Между ними образовалось углубление, укрывавшее человека, которого нельзя было бы разглядеть сразу. Хамтудо и его друзья устроились. Хотя и обдуваемые всеми ветрами, они чувствовали себя защищёнными.

Что до Хаммади, то он принялся обследовать три дерева, всё время прислушиваясь к возне птиц так, словно бы он понимал их язык. После тщательного осмотра

---

⁵⁵ Тысячи птиц и насекомых предназначены оттолкнуть путников, лишить их решимости устраиваться под деревом.

ему показалось, что между двумя выступлениями он заметил подобие человеческой фигуры; но существо это было так неподвижно, что его можно было бы принять за деревянное изваяние, помещённое здесь для какой-то священной церемонии.

Хаммади приблизился и смог различить человека, прислонившегося к стволу сырного дерева. Это был маленький старик, одетый в грязные лохмотья⁵⁶. Сидевший лицом к стороне восхода⁵⁷, он пристально, не моргая, смотрел на небо. Казалось, он ожидал увидеть звезду или какое-нибудь другое небесное явление. Однако, будучи целиком поглощён созерцанием, он, тем не менее, полностью сохранял контроль над своими членами⁵⁸.

---

⁵⁶ «Человек, укрывшийся в расщелине дерева» — маленький старик, ужасающе безобразный и грязный, ещё более отталкивающий, чем пленник-альбинос, который привел к нему попавших в затруднительное положение путников. В Африке всякая увечность есть таинственный знак, будь он зловещий или благотворный. Однако поскольку увечность, как и слабоумие, всегда достаточно отталкивающи, они есть предпочтительное укрытие весьма драгоценных вещей, для постижения которых требуется усилие. Этим объясняется то смешанное с опаской уважение, которое африканское общество выказывает по отношению к безумным или увечным, особенно к слепцам, способным, как полагают, видеть скрытую сторону вещей.

⁵⁷ Восходящее солнце указывает направление к Каидаре. Говорят, что «новое всегда приходит со стороны восходящего солнца». Считается, что фульбе пришли в Западную Африку с Востока, а затем оборотились к Востоку.

⁵⁸ Умение контролировать свои члены есть одна из ступеней инициации. Каждый жест сознателен, доброволен. Речь не идёт о простом упражнении: как и в случае любой аскезы, это необходимая тренировка, ибо «владение телом облегчает владение душой».

Все его жесты были сознательны, ни один не выполнялся самопроизвольно, без точного контроля.

Довольно долго пронаблюдав за ним, Хаммади понял: старик был так углублён в себя, что никогда первым не обратился бы к кому бы то ни было. Он почтительно приблизился к нему и осмелился на почтительное приветствие: «Здравствуйте, мой достойнейший отец!»⁵⁹.

Старик, похоже, был глух: он ничего не ответил.

Хаммади несколько раз повторил своё приветствие, но тщетно. Старик оставался недвижим.

Хаммади без устали повторял своё приветствие⁶⁰. Старик оставался неумолимо нем: он даже не взглянул на своего гостя.

Дембуру занервничал. Он схватил Хаммади за плечо и сказал ему с плохо скрываемой яростью: «Ради бога, друг мой, прекрати эти опасные шутки с демонами! Чего ты добиваешься от этого чудовища, в нечесаных волосах которого гнездятся вши и ползают тараканы?»

Хаммади не обратил никакого внимания на грубость своего друга. Он остался глух к его укорам, точно так же, как старик оставался глух к его приветствию.

Дембуру сказал: «О Хаммади, ты и впрямь стал каким-то чудаком! Что ты надеешься вытянуть из этого немоего безумца? Я, право, сильно опасаюсь за твой рассудок^{27*}. Он расшатывается всё больше и больше со времени нашей встречи с Каидарой, существом, считающимся очень близким издавна!»

---

⁵⁹ Это не обычное приветствие, а напевное заклинание.

⁶⁰ *Безответно повторяемое приветствие* представляет собой испытание унижением, довольно частое у фульбе. Старый испытывает молодого, и молодому подобает, не выказывая нетерпения, упорно продолжать, дабы добиться от старика ответа.

Хаммади же продолжал повторять своё приветствие старичку.

Видя это, Хамтудо разразился смехом: «Хаммади хочет, чтобы бесноватый боднул его рогами злого духа, чтобы по телу его прошло копыто»⁶¹.

Хаммади не обратил никакого внимания на злые шутки своих друзей.

Напротив, он приблизился к старичку, чтобы лучше рассмотреть его. Он увидел, что крошечные пауки соткали паутину в его волосах и что травинки и всякого рода мусор, который разносит ветер, застряли в его густой шевелюре. Кроме того, он заметил, что его туловище было в два раза длиннее остальной части тела, а его правое бедро — в два раза толще левого. Ступни его также были изуродованы: одной он мог ступать лишь на носок, а другой — лишь на пятку. Старик косил на оба глаза: левым к переносице, правым — от неё. Лоб его был изуродован кровоточащей шишкой, а спину отягощал горб, выступавший над головой.

Хаммади начал с того, что выбрал вшей из волос и лохмотьев старичка. Он прибрал всё его тело, так что оно полностью очистилось от паутины, вшей и тараканьих гнезд. Он начал тихонько массировать его⁶². И за этим занятием рискнул ещё раз сказать: «Здравствуйте, отец!»

---

⁶¹ Хамтудо и Дембуру одинаково реагируют на старика. Они думают, что это злой дух, которого не следует провоцировать (словом *suudibe* обозначаются как добрые невидимые силы, так и злые).

⁶² Массировать тело вождя или кого-либо из старших по положению есть свидетельство почтения; если последний отказывается, он оскорбляет нижестоящего. Говорят, что есть три вида массажа: для того, чтобы исцелить, для того, чтобы выказать уважение, и для того, чтобы позабавить (женщину или ребенка).

Не взглянув на своего собеседника и не шевельнув ни одним членом, старичок ответил: «Когда ловкие и учтивые руки осторожно разминают старое оцепеневшее тело, старая сгустившаяся кровь живет бежит по жилам и язык освобождается от сковывавших его уз... Здравствуй, терпеливый и услужливый сын!»

Хаммади не знал, куда деваться от радости. Стань он королём всей суши, всех пресных и соленых вод в целой вселенной, он бы не радовался больше! Таким образом, его настойчивость восторжествовала над молчанием маленького старика!

К великому удивлению Хамтудо и Дембуру старичок принялся по-свойски болтать с Хаммади. Последний сказал ему: «Отец мой, твое чрево, должно быть, в обиде на тебя сейчас, ибо со вчерашнего дня я не видел, чтобы ты съел хоть крошку. Доставь же мне великое удовольствие и соблаговоли принять немного золота, чтобы купить себе кое-какую одежду, а также и кое-что из еды».

«Нет, благодарю⁶³, — ответил старичок. — Я ничего не сделал для тебя такого, чтобы заслужить эту монету. Впрочем, я вовсе не голоден. Я устроен так, что могу долго оставаться без еды и питья. Что же до одежды, то с меня довольно моих отрепьев, дабы прикрыть мою наготу. Это самое главное, и я чувствую себя вполне хорошо в моём рубище».

Хаммади снова взял слово: «Дорогой отец, я хочу обратиться к тебе с просьбой».

---

⁶³ Этот пассаж очень не любят грио, т. к. он метит в те излишества, которым слишком охотно предаются иные из них. Для Хаммади же это знак того, что старик не нищий, а аскет, т. е. учитель, у которого он может попросить наставления.

«Что ж, говори, — ответил старичок, — и не медли, потому что у меня не слишком много времени. Вскоре должна появиться Звезда. Я должен следовать за ней, покуда она будет мерцать на небе. Она доведёт меня до Каидары, далёкого и очень близкого Каидары».

«О отец мой! — вскричал Хаммади. — Ты тоже идёшь к Каидаре? Но если так, не соблаговолишь ли ты дать мне наставление, которое я сохраню как драгоценный совет?»

«Разумеется, я готов дать тебе совет, но при условии, что ты дорого заплатишь за урок»⁶⁴.

«Это не имеет значения, отец мой...»

«Что же ты дашь мне?»

«Я дам тебе гружёного вола».

«А каков его груз?»

«Это чистое золото».

«От кого у тебя это золото?»⁶⁵.

«От сверхъестественного существа по имени Каидара».

«Ну что ж, мой дорогой сын: *в сезон зимних дождей остерегайся пускаться в путь после полудня*».

«Хорошо, отец. Хочешь ли ты добавить ещё что-нибудь к этому уроку?»

«А готов ли ты вновь заплатить?»

---

⁶⁴ Нужно иметь грубый ум Дембуру и Хамтудо, чтобы принять это требование старика за проявление алчности. А вот Хаммади не ошибается: он знает, что речь идёт об ещё одном испытании. Для иерофанта это единственный способ узнать, понимает ли неофит важность урока, о котором он просит, и какой ценой готов оплатить его. Хаммади не торгуется о цене.

⁶⁵ Ритуальный вопрос, дабы Хаммади подтвердил законность своего обладания грузом: дарить можно то, чем владеешь законно. Тот, кто хочет встретиться с Кадру, мусульманским иерофантом, должен приобрести средства, чтобы заплатить ему.

«О отец! Я отдам тебе второго вола, гружёного золотом, как и первый. Оба груза имеют одинаковый вес и одинаковую ценность, и золото там одного и того же качества».

Старик широко улыбнулся: «О сын и внимательный адепт: *ни за что на свете ты не нарушишь запрета, за которым века*».

Хаммади продолжил: «Решено, отец мой! Но я ещё не насытился твоими поучениями; я прошу у тебя ещё одного урока».

«Заплатишь ли ты за этот урок, как за все предыдущие, и сколько ты заплатишь?»

«Я заплачу ту же цену: я отдам тебе моего последнего вола и его золотой груз».

Старичок разразился смехом. Потом он важно откашлялся и трижды чихнул, как если бы втянул ноздрями табаку. Две крупных слезы стекли по его щекам⁶⁶ и затерялись в его всклокоченной бороде. Он наклонил голову к земле, затем в первый раз прямо взглянул на Хаммади своими глазами, косящими один внутрь, а другой наружу. Он сказал:

«Хаммади, сын мой, жадный до знания: *ты никогда не станешь действовать, руководствуясь простым подозрением*. Старший сын Сатаны⁶⁷ носит имя Поспешность, а младший — Подозрительность».

---

⁶⁶ Старик смеется, а потом плачет: это знак его взволнованности при виде ученика столь убеждённого, что он отдает всё своё состояние за три совета. Говорят также, что знание всегда требует слёз.

⁶⁷ *Сатана* — здесь это не имя «анти-Бога»; подобного не существует, никто не выступает против Гено. Это злой дух, лукавый «подстрекатель» (слово *Seytaan* заимствовано из Ислама, так же, как и понятие «лукавый подстрекатель»).

Хаммади ответил: «Отец мой, мне больше нечего тебе предложить; однако я был бы счастлив, если бы ты подарил мне ещё один совет».

«Я сожалею, мой дорогой сын. Пустыми руками не достать воды из колодца. Тебе больше нечего дать — значит, нет больше и уроков, которые ты мог бы получить».

Старик произнес всё это с большим презрением к принятым у сынов Адама обычаям. Тотчас же он вышел из своего угла и, верх цинизма, попросил Хаммади помочь ему снарядить в дорогу трёх его волов, гружённых золотом.

В тот же миг появилась огромная Звезда^{28*}. Она рассеяла густой мрак, который уже окутывал весь край⁶⁸. Её свет пронизал всё пространство. Она озарила дорогу на восток, по которой и направился маленький старик.

Когда он исчез на горизонте, Хамтудо и Дембуру закричали не без торжества: «Он тебя разыграл! Он тебя обобрал!»

Неудержимый смех напал на них. Они держались за бока. Корчась от хохота, они говорили:

«О Хаммади! Твой наставник даёт уроки, которые и впрямь стоят ковкого жёлтого золота! И, разумеется, сейчас ты наполнен добрыми принципами больше, чем твои волы были нагружены драгоценным металлом!»

Дембуру сказал: «Ты отказался меня выслушать, и вот теперь ты полностью одурачен. Ведь ты признаешь это, не так ли?»

---

⁶⁸ Вообще-то уже утро, стало быть, это нарочитая логическая несообразность, которая символизирует то ли тайну, то ли человеческое невежество.

Хаммади не мог ничего возразить в ответ на немилосердные насмешки своих друзей, но вовсе не жалел о своём поступке. Если бы было возможно, он бы отдал столько гружёных золотом волов, сколько старичок со- благоволит бы преподать ему уроков.

Во второй половине третьего дня со времени их прибытия под сырные деревья, т. е. в тот же день, когда старичок покинул их, Дембуру и Хамтудо сказали Хаммади: «Нам нужно уходить отсюда, не то какое-нибудь другое отродье Сатаны, ещё более коварное, чем твой учитель добродетелей, явится давать нам уроки подороже тех, что он давал тебе. Мы без них прекрасно обойдёмся. Нам нет никакой надобности быть знатоками ни мудрых изречений, ни пословиц и поговорок».

Хаммади воскликнул: «Заклинаю вас, друзья мои, отложите ваш отъезд на завтра! Ведь мы уже вступили в сезон зимних дождей. Падучие звёзды, возвещающие о нём, в эту ночь избороздили небо по всем направлениям и оставили параллельные следы, не вызывающие сомнений. А ведь мой Учитель, которого вы называете старичком с горбатой спиной и который так смешит вас, сказал мне так: «Сын мой, в сезон зимних дождей никогда не пускайся в путь в послеполуденное время». И этот совет, который мне обошёлся в золотой груз одного вола, я дарю вам бесплатно, как добрый товарищ. Я знаю, что по природе людские души склонны к алчности. Но я вовсе не желаю принадлежать к числу тех, кто прячет сокровище, подаренное мне Гено. Прислушайтесь к моему совету, отложите ваш отъезд до завтра! Мы всегда успеем уйти отсюда. Вместе мы пришли на это место, вместе должны и покинуть его».

«Разумеется, Хаммади, поскольку тебе нечего везти, для тебя не так уж важно, уйдём ли мы отсюда сегодня вечером, завтра или на будущий год!» — воскликнул Хамтудо.

Дембуру добавил: «Чтобы угодить тебе, о новоявленный кладезь познаний, пробитый в скале, мы, вне всякого сомнения, должны были бы дожидаться здесь, покуда у кур вырастут кошачьи зубы, а от океанов останется лишь усеянное галькой дно!»

Хамтудо и Дембуру переглянулись и перемигнулись.

«Сезон зимних дождей или нет, — сказал Дембуру, — а мы решили уходить отсюда сегодня после полудня, и мы уйдём сегодня после полудня! Тебе же нужно сделать только одно: взять свой посох — единственное добро, которое у тебя осталось из всего, что ты добыл в таинственной стране Каидары, — горизонтально положить его на плечи, руки положить на него, а потом следовать за нами, подобно ослу без ноши. Ты нам передашь и подробно перескажешь забавные речи, которые твой красноречивый учитель с горбом на спине, с горбом на затылке и хромой на обе ноги расточал тебе в обмен на ковкое жёлтое золото!»

«Клянусь Гено! В моём лице и лице Хамтудо эта приткая каналья не получит ещё две жертвы, и золотой груз наших шести волов не пойдёт ему в уплату! Нет уж, мы не станем продолжать эту потрясающую историю! Вот, ты уведомлён. Выбор за тобой».

Хаммади ответил с грустью, но без колебаний: «Мой выбор — провести эту ночь здесь. Я присоединюсь к вам завтра. Человек без ноши всегда будет идти быст-

рее, чем караван из шести волов, тяжело нагруженных золотом».

Хамтудо и Дембуру снарядили шесть своих волов. Они тронулись в путь в момент, когда солнце находилось на вышине лба⁶⁹. Хаммади остался один под большими сырными деревьями с листвой столь плотной, что сквозь неё не могли проникнуть ни дождь, ни свет.

Несколько мгновений спустя после ухода своих друзей Хаммади увидел, что из деревни вышла вереница людей, несущих шесты, лианы и вязанки соломы, и направилась к нему. Тот, кто, похоже, был их вождем, спросил с видимым беспокойством: «Куда ушли твои спутники со своими животными?»

«Они направились по этой дороге, и они ушли так же, как и пришли» — ответил Хаммади.

«Горе тем, кто пускается в путь после полудня в сезон зимних дождей, в особенности в первый день сезона. В эту ночь небо широко откроет свои шлюзы. На землю обрушится потоп. Все ветры сорвутся с цепи. Грянет гром. Он перепугает хищников и других диких животных, и они покинут свои логова и берлоги, чтобы искать убежища в другом месте.

Что же до тебя, то король Нана-Кодо⁷⁰, запретной деревни, поручил нам построить убежище для тебя, что-

---

⁶⁹ Общепринятый способ указания времени. Есть также «солнце в середине головы», или «солнце над головой» (полдень), «солнце на вышине одного или двух копий», говорят и так: «когда тень всякой вещи возвращается к её подножию», «когда тень достигает двойного человеческого роста» и т. д.

⁷⁰ *Нана-Кодо (Nana-Kodo)* — имя запретной деревни (буквальное значение: «Не позволяющая войти чужеземцу»).

бы защитить тебя от губельного ливня, который этой ночью обрушится на всю землю на расстояние трёх месяцев пути взрослого верблюда, хорошо выученного для скачек».

С необычайной быстротой жители Нана-Кодо выстроили большую хижину из соломы, ладно сплетённую и удобно устроенную. Они пожелали Хаммади мира и возвратились в свою деревню так же, как пришли.

Хаммади обнаружил в хижине все, что могло ему понадобиться, чтобы провести ночь, которая обещала быть дождливой и бурной.

В час, когда солнце приближалось к зениту, Байло-Камму, небесный кузнец ^{29*}, тронулся в путь на своём воздушном жеребце в толпе легких тучек. Он достиг своей кузницы, расположенной на более плотном облаке и воздвигнутой между небом и землей на горизонтальном чёрном основании.

Там Байло-Камму принялся раздувать мехи своей кузни. По мере того, как разгорался огонь, зной на земле становился всё более тягостным. Люди и животные были в испарине и нервничали.

Тучи-прислужницы обегали пространство, чтобы затем двинуться к небесному фонтану; они вычерпали много воды и досыта упились ею. Вот эти-то тучи, опьяневшие от воды, примутся потом извергать мочу и рвоту на землю, дабы покарать её за её тайные прегрешения.

Байло-Камму принялся за работу. Его молот, обрушиваясь на наковальню, высекал искры. Хаммади предстало зрелище молний шести разновидностей, блеск которых достиг его раньше, чем дождь. Были такие, которые распространяли жар, и такие, которые были похожи на ветви огромного дерева, ниспадающие до

земли; он различил и другие, переплетенные между двумя тучами, словно клубок тропинок на обширной равнине. Хаммади был зачарован мерцающими вспышками: они были словно зерна таинственного ожерелья, которые какая-то величественная сила рассеянно перекатывала между небом и землей.

Если молнии, слившиеся в огромный белый ковер, ввергли его в оцепенение, то никогда не забыть ему и внезапной вспышки огромного огненного шара, который явился словно бы для того, чтобы привести его в чувство.

Вслед за этим прекрасным зрелищем разнообразных огней разразилась гроза. Небо атаковало землю со всех сторон своими порывами ветра, своими водяными смерчами, своими залпами молний. Но Хаммади достаточно было лишь закрыть дверь, чтобы ничто его не беспокоило. Он спал, как человек с чистой совестью, как сын, благословлённый обоими своими родителями. Для него ночь была более чем сладкой — она была сладостной.

Но не такова была она для Хамтудо и Дембуру. За всю свою жизнь они не испытали столько физических мук и душевных пыток! В час, когда они покинули Нана-Кодо, западный ветер немного посвежел; но как только они потеряли деревню из виду, таинственная рука освободила ветер от пут, стреноживавших его. Освобождённый воздух начал с легкого нашептывания деревьям окрестных рощ — он тихонько ласкал их листву, эти тысячи наострённых ушей на ветвях, которые вытягивались, чтобы лучше расслышать напевание Зефира.

Внезапно дьявол дал шпоры воздуху, отчего тот взвился на дыбы. Он открыл трое врат своего воин-

ства: на стороне восхода они освободили Тайфун, на стороне заката — открыли путь Смерчу, а в центре сказали Торнадо: «Выходи и атакуй».

Эти три ветра соединились и принялись шуметь, завывать и вращаться с головокружительной скоростью. Они проникали всюду, они поднимали в воздух то, что было легким, и опрокидывали то, что было тяжелым. Наконец, циклон породил ураган. Этот его яростный сын с корнем вырывал деревья и разбивал пики крутых гор. Тогда Торнадо отдал команду, и град выпустил очередь своих быстрых зарядов. Казалось, земля вздымается к небу, которое низвергалось ей навстречу. Между этими двумя громадными пространствами люди, животные и все предметы были подобны соломинкам в разбушевавшемся море.

Всю ночь воле Хамтудо и Дембуру перекачивались снизу вверх и сверху вниз по оврагам, откосам и холмам. А оба их хозяина, словно перышки, взлетали на воздух и налетали на тысячи ранящих препятствий.

Молния ударила в лесную чащу, где устроила себе логово чета львов⁷¹.

Самец был сражён наповал. Самка очертя голову бросилась в атаку. Она обрушилась на двух человек, которых ветер катал по земле, словно два бочонка. Решив, что перед ней убийца её супруга, она набросилась на первого, которого смогли достигнуть её лапы. Она перекусила ему шею, распоролла ему живот и выпустила внутренности. Это был бедный Дембуру. Он испустил дух, вопя: «О, послеполуденное путешествие в се-

---

⁷¹ Чета львов — это не случайность, но карающий дух, которого наслал Каидара.

зон зимних дождей!... И вправду, не нужно было... Хаммади, где же ты?»

Как только Дембуру отдал душу, буря прекратилась будто по волшебству. Взошло лучезарное солнце, и Хамтудо смог собрать весь караван из шести волов, золотой груз был в полной сохранности. Хамтудо уселся на камень и заплакал над телом своего товарища.

Повернувшись спиной к дороге, он причитал: «О Дембуру! Зачем не послушались мы совета Хаммади? Я начинаю думать, что старый маленький горбун вовсе не был таким сумасшедшим, каким казался. Но мы, мы были глупцами. Один Хаммади всё понял, он одержал верх над нами. Если бы только Хаммади был здесь! Он бы помог мне похоронить нашего общего друга. И он унаследовал бы его золото, так как отныне я удовлетворюсь грузом моих трёх волов»⁷².

Хаммади, который как раз достиг этого места, всё слышал. Он сказал: «О Хамтудо! Вот я, и я готов вместе с тобой похоронить Дембуру, а также отказаться в твою пользу от наследства. С меня довольно моего посоха».

Хамтудо бросился к Хаммади и прижался головой к его груди; он стонал, как наказанный мальчуган.

Хаммади поведал своему другу о том, как жители Нана-Кодо буквально перед началом бури явились построить ему убежище и как после спокойной ночи он беспрепятственно тронулся в путь.

---

⁷² Хамтудо хорошо усвоил урок и, похоже, готов вновь обрести осторожность, которая в его случае состоит в том, чтобы следовать советам товарища, более продвинутого по пути посвящения; но его раскаяние окажется краткосрочным.

Два товарища погребли тело Дембуру, и Хаммади стал обладателем трёх волов, оставленных усопшим. После чего они продолжили путь.

К вечеру двое наших друзей добрались до рукава потока, именуемого Сальду-кероль, что значит «пограничная перемычка»⁷³. В пироге, выдолбленной из куса гигантского ствола, находился перевозчик.

Хамтудо вознамерился перейти вброд, так как кое-где дно совершенно обнажилось. Перевозчик остановил его: «Любой сын Адама, отправляющийся с берега, на котором мы находимся, непременно должен воспользоваться этой пирогой и уплатить пошлину. Что до выючных животных, то для них не существует никаких запретов. Они могут переправиться сами, они ничем не рискуют».

Хамтудо занервничал. Он спросил: «Сколько я должен заплатить?»

Перевозчик вынул из своей сумы маленькую меру: «Одну вот эту меру, наполненную порохом, мукой или чем другим, что ты везёшь!»

Хамтудо разразился смехом: «Ты хочешь, чтобы за свою переправу я уплатил тебе полную меру? А если мои волы нагружены золотом?»

«Ну, что же, тогда ты заплатишь золотом! Если бы это был пепел или прах, цена была бы всё той же. Этому установлению уже тысяча лет. Его не нарушают незаконно».

Хамтудо, забыв всё, в чем он клялся над телом Дембуру, воскликнул: «Запрещено или нет, никогда не

---

⁷³ Этот поток отмечает границу между миром невидимых и страной видимых (См. Примечание 30*).

уплачу я меру золота за переправу, когда я могу перейти вброд, даже не развязав кошелька».

Вмешался Хаммади: «Хамтудо, но ведь это традиционный запрет!... Мой учитель, старичок с горбатой спиной⁷⁴, сказал мне: “Ни за что на свете ты не нарушишь запрета, за которым века”. Стало быть, я предлагаю, чтобы мы уплатили требуемую пошлину и, как подобает, воспользовались пирогой».

«Нет, Хаммади, этот перевозчик — разбойник! Он лишь пользуется страхом людей, чтобы обогащаться за их счет. Но я не позволю себя надуть».

«О перевозчик! — сказал Хаммади. — Подай свою пирогу, я и мой друг хотим воспользоваться ею. Я уплачу за двоих».

«Клянусь Гено! — вскричал Хамтудо. — Я ничего не заплачу, и ты, Хаммади, ты ничего не заплатишь за меня!»

Присовокупив к слову действие, Хамтудо оттолкнул перевозчика, который держал его за руку, чтобы помешать ему войти в воду. Он быстро закатал свои штаны и решительно двинулся в поток. Сделав одиннадцать шагов, он собрался ступить в двенадцатый раз. Хоп! Он почувствовал, что погружается в глубину. Он закричал: «На помощь!» Но перевозчик отозвался с циничным бесстрашием: «Только мгновенная смерть придёт ему на помощь!»

Раньше, чем Хаммади смог опомниться, Хамтудо уже был поглощён пучиной. Хаммади оставалось лишь

---

⁷⁴ «*Старичок с горбатой спиной*» — это выражение становится в устах Хаммади, провоцирующим прозвищем, более того, почетным титулом.

с ужасом смотреть на белые пузыри, которые поднимались на поверхности воды, словно бы для того, чтобы отметить речную могилу его друга.

Он с грустью вошёл в пирогу. Уже на другой стороне реки он сказал перевозчику: «Я должен тебе две меры, не так ли?»⁷⁵.

«Да, разумеется, — ответил перевозчик.

«Хорошо! Ты переправил меня в пироге спасения, а я, дабы оплатить твои труды как подобает, я предлагаю тебе не две меры, на которые ты имеешь право, но три поклажи золота, принадлежавшие Хамтудо. Таким образом, ты сможешь вернуться к себе домой и оставить тяжкое ремесло, которое не приносит тебе никакого дохода, ибо ты можешь на протяжении 220 дней не дожидаться никого, кто воспользовался бы твоими услугами»⁷⁶.

Перевозчик оглядел Хаммади снизу доверху, слева направо и справа налево⁷⁷. «Верно, — сказал он, — твой товарищ, плача над телом Дембуру, воскликнул: “Где же Хаммади, он выиграл”⁷⁸. Да, говорю и я: Хаммади выиграл!»

---

⁷⁵ Лишний раз Хаммади, который обещал перевозчику две меры, доказывает своё бескорыстие, своё равнодушие к богатству, ради которого рисковали и лишились жизни его друзья.

⁷⁶ Выражение, означающее «очень долго». Это число связано с жертвоприношением, а само выражение является весьма употребительным в инициатической речи. В обыденной речи скажут «сто дней» или «тысяча дней».

⁷⁷ Способ ритуального благословения; обозначает не крест, но кардинальные (основные) точки.

⁷⁸ Перевозчик, приводя слова из сцены, при которой он не присутствовал, выдает себя: он не обычный перевозчик. Но Хаммади не понимает этого, так как он не слышал слов своего товарища, ещё не успев дойти до места гибели Дембуру.

Хаммади не понял этого монолога перевозчика: «Добрый перевозчик на реке Сальду-Кероль, о чем ты говоришь мне?»

«Я говорю, что я не должен, не могу и не хочу брать от тебя что-нибудь сверх двух мер. Дай их мне и сохрани шесть твоих поклаж».

Хаммади вышел из пироги и взял меру перевозчика. Он дважды наполнил её золотыми самородками и подал ему.

Как только золото оказалось в руках перевозчика, последний вытащил из своей сумы специальный нож. Он проткнул пирогу под ватерлинией и утопил её⁷⁹; потом он уселся на кромку берега. Он принялся месить чёрный ил. Он проглотил дюжину шариков из тины, и его живот раздулся, словно зрелый нарыв. Он провел ладонью своей правой руки по своему животу и потёр ею так энергично, что тот загорелся. Всё тело перевозчика обратилось в живой факел. Он поднялся и направился к реке. Он шагал по воде, словно по суше, держа в руке золото, выплаченное Хаммади.

Добравшись до середины потока, он произнес: «О драгоценный металл! Ты являешься из лона земли, ты вернёшься в него водным путем. О духи-хранители рубежей Страны карликов! Примите десятину, которую должны уплатить те, кто вывозит наше золото. Хаммади уплатил, отныне он может пользо-

---

⁷⁹ Топя пирогу, перевозчик уничтожает для Хаммади и золота, которое он везет, всякую возможность возвращения в страну Каидары.

ваться остатком своего золота, ставшего его законным достоянием»⁸⁰.

Сказав это, перевозчик обернулся смерчем и исчез в волнах. Хаммади больше не сомневался, что и этот речной рукав, и этот перевозчик символизировали последние тайны Страны карликов.

Хаммади без чувств упал на землю. Во сне он заново проделал всё своё путешествие, которое длилось двадцать один год⁸¹. Проснувшись, он обнаружил девять нагруженных золотом волов вместо шести. Он никак не мог понять, каким образом три вола, которых он отдал старичку с горбатой спиной, оказались возвращены ему, так как перед ним находились именно они.

«Поистине, — вскричал он, — я встретил на своём пути приносящего счастье Мбелкú, а мои товарищи поделились с вестником бед Ньяакú!»⁸².

---

⁸⁰ Чтобы золото Каидары не было отобрано духами страны карликов, нужно вернуть им «зернышко» от него; таким образом обладание священным золотом станет «законным» с точки зрения норм страны невидимых и Хаммади может пользоваться им. В экзотерическом смысле то же говорит народная пословица: *«Если в чем-то состоянии нет доли для бедняка, оно растает и вернется в землю»*. Это должно побудить богача к милосердию. Десятина является здесь, стало быть, «золотым зерном», это то семя, которое прорастет.

⁸¹ Жизнь человека делится на периоды по семь лет. Хаммади, стало быть, проходил свою инициацию на протяжении трех периодов.

⁸² *Мбелкú* — один из невидимых подмастерьев Гено, который приносит удачу; иногда он воплощается в красивых формах или в виде существ с хорошими манерами. Напротив, *Ньяакú* — дух, противоположный первому, приносит неудачу.

Тут он заметил, что волшебным образом он оказался перенесённым на очень близкое расстояние от своей деревни.

Добрая традиция требует, чтобы после долгого путешествия тот, кто возвращается из него, не входил средь бела дня в жилище. Он должен подождать на некотором удалении, пока солнце не склонится низко к западу⁸³ и не окрасит всю округу своим золотом, цветом, приносящим счастье⁸⁴.

В ожидании этого благотворного момента Хаммади говорил себе: «Я вернулся цел и невредим из полного испытаний путешествия, которое длилось двадцать один год. Я вернулся из него, нагруженный золотом, как сказочная жила. Но увы, мой разум по-прежнему возбужден⁸⁵; я остался голодным. Я много видел, но мало узнал. Однако я желаю знания. Я сделаю стремление к нему священным долгом. Отныне это будет единственным, что я хочу завоевать, пусть ценой какой угодно жертвы».

В то время как Хаммади брал перед самим собой столь серьёзное обязательство, Тумó — Подозрение, сын духа Бонде-Несчастья, настигло его⁸⁶.

---

⁸³ Это обычай вежливости, чтобы семья не была застигнута врасплох в течение дня. Он существует и в других районах Африки.

⁸⁴ Жёлтый цвет золота считается благотворным, так как это один из четырёх цветов, присущих быкам (красный, чёрный, белый, жёлтый).

⁸⁵ Употреблено грубое слово на языке фульбе, но здесь оно лишено какого бы то ни было непристойного смысла, и сексуальная аналогия есть просто дань естественной природе вещей.

⁸⁶ *Тумó и Бонде* — бесформенные существа, духи плохих советов.

«Привет тому, кто возвращается, от чудесного Каидары!»

«Привет тому, кто меня приветствует, — ответил Хаммади. — Каковы новости в краю, что говорят боги и патриархи?»

«Золото не отмывает замаранной чести».

Тотчас же Хаммади принялся размышлять над этой глубокой мыслью. Он был охвачен полным укоризны сомнением относительно верности своей жены. Его дух сорвался с якоря. «Тумо не захотел высказаться более определённо, — говорил он себе. — Наверняка, моя жена не раз обесчестила меня. Быть может, она даже покинула мой домашний очаг... если только она не проживает там со своим любовником^{31*}!.. Моё длительное отсутствие не может извинить столь чудовищно недостойное поведение! Как бы то ни было, я войду в свой дом лишь в час, наиболее удобный для того, чтобы застичь врасплох «тайну маленькой душистой юбочки⁸⁷»^{32*}.

Хаммади стреножил девять своих волов, потом принялся ждать. Когда надвинулась ночь, он, как гадюка, проскользнул к себе. Перемахнул через изгородь и направился к своему жилищу. Он заметил мерцающую ниточку света. Это была лампа, чье пламя, выпив всё масло, прерывисто вытягивало язычок, чтобы слизнуть последние капли маслянистой жидкости, в которой купался фитиль.

---

⁸⁷ «Маленькая душистая юбочка» — единственное одеяние, которое может иметь на себе женщина, находясь в постели со своим мужем; точно так же, если мужчина спит в штанах, его жена имеет право обвинить его перед старейшинами (См. Примечание 32*).

Хаммади вооружился кинжалом. Он принял решение. Он с яростью убьёт любого мужчину, которого обнаружит в своём доме.

Он тихонько отворил дверь своей спальни. На пороге был распростерт какой-то мужчина, а его жена лежала на постели, находившейся в глубине комнаты. Хаммади тотчас же уверился, что человек, лежащий у двери, это тот, кто его обесчестил и на кого намекал Тумо. Он обнажил свой кинжал и приготовился поразить того, кого считал похитителем своей чести. Но в тот момент, когда его рука готова была обрушиться на предполагаемого соперника, он услышал далёкий голос, показавшийся ему похожим на голос его Учителя, старичка с горбатой спиной. Голос крикнул ему: «Подозрение!»

Хаммади овладел собой. Он вспомнил третий урок, который дал ему его учитель: *«Ты никогда не станешь действовать на основании одного лишь простого подозрения»*.

Вложив свой кинжал в ножны, он наклонился к спящему. Он схватил его за плечо и встряхнул. Это был красивый малый двадцати одного года от роду, крепко сложенный; он прыгнул, словно пантера, и схватил Хаммади за воротник с такой силой, что кинжал выпал у того из рук. Хаммади задышался. Он не знал, как разжать душившую его хватку.

«Кто ты такой, чтобы вторгаться в жилище моего отца и осмеливаться посягать на целомудрие этого дома, которое уважали все жители этого края?»

«Ты душишь меня! Отпусти, я Хаммади».

Жена Хаммади узнала голос своего мужа. Она воскликнула: «Хаммади, сын Хаммади! Оставь его, этот человек — твой отец!»

И в самом деле, Хаммади покинул свою страну на следующий день после женитьбы на Кумбуру^{33*}, но она зачала ребёнка при первом же их соитии. Поскольку Хаммади исчез, дитя считало его умершим. Когда супруга Хаммади родила, ребёнок получил имя своего отца; его называли Хаммади-Хаммади, что значит «Хаммади, сын Хаммади».

На шум, который производили Хаммади, его жена и его сын, проснулся весь околоток и провел остаток ночи в веселье, так как семью Хаммади очень уважали. Хаммади-Хаммади и его мать были образцовыми соседями.

Хаммади без усталости восклицал: «Благодарю тебя, о Гено! Ты меня несколько раз осчастливил: у меня есть золото, у меня есть сын и у меня есть образцовая жена».

На следующий день отпраздновали возвращение Хаммади. Новость о его возвращении и огромном состоянии, которое он привез, была главным предметом разговоров во всем краю.

Хаммади выстроил жилище, достойное его состояния. Он взял на своё содержание всех нищих и больных своей деревни. Он создал «дом доброты» для приёма бедняков, путников и знатоков всяких вещей: мбилидио (фокусников), силатиги (учителей пастушеских посвящений), тиоринке (физиономистов), дагдада (магов)^{34*} и других.

По истечении нескольких лет, где каждый последующий год был приятнее предыдущего, король страны умер. Когда его хоронили, народ обратился к Хаммади с просьбой возглавить траурную процессию, так

как король был «куцым»⁸⁸, он не имел ни детей, ни родственников, которые могли бы унаследовать трон. Хаммади был возведён на высшую ступень достоинства в своей стране, а его сын стал наследным принцем.

Хаммади следил за тем, чтобы его народ досыта ел и пристойно одевался.

Отовсюду он приглашал людей, имеющих репутацию ученых. Он расспрашивал их в надежде встретить однажды того, кто был бы посвящён в тайны страны Каидары и кто объяснил бы ему глубокий смысл символов, которые по-прежнему озадачивали его. Он израсходовал таким образом немалые деньги, не получив удовлетворительного результата.

В один из дней Гено старый нищий, спотыкаясь от двери к двери, рухнул перед входом в дом Хаммади. Он был едва жив и, казалось, двигался лишь по привычке, а не потому, что у него были для этого силы. Там старичок, едва прикрытый мокрыми от пота лохмотьями, воскликнул: «Наконец-то я здесь!»

«Где же ты? — спросил один из стражей.

«У Короля Хаммади, отца Хаммади-Хаммади, великодушного благодетеля своего народа».

«И чего же ты хочешь?»

«Я хотел бы увидеть великого Короля Хаммади», — ответил нищий.

Командир стражей подал ему милостыню: «Держи! Ты можешь вернуться ко времени завтрака. Тебя покормят в то же время, что и других нуждающихся.

---

⁸⁸ Выражение, означающее, что король не имел потомства; так как обычаем ничего не предусмотрено на этот очень редкий случай, как правило, выбирают самого достойного из мужчин деревни.

Ты больше нуждаешься в пище, нежели во встрече с Королём».

Старичок резко взмахнул рукой, топнул ногой и выкрикнул: «Я не хочу милостыни, я хочу быть представленным самому Королю! Если я буду обедать, то с ним, мы будем есть с одного блюда. Я хочу поделиться с ним моими вшами и блохами».

Командир стражей счел такие притязания чрезмерными. Чтобы устыдить старичка и заставить его отказаться от своей затеи, он сказал ему: «Ты вынудишь нас невежливо обойтись с тобой, и твое чрево обидится на тебя за это. Король желает принимать только того, кто в состоянии раскрыть ему, что же таят в себе символы Страны карликов. Я не думаю, что ты прячешь этот секрет в многочисленных узлах, стягивающих твои лохмотья... Уходи, не то мой кулак так сильно двинет по твоей скуле, что ты забудешь даже, как тебя зовут».

Старичок принялся вопить так громко, что Хаммади услышал его и лично явился узнать, что происходит. Он обнаружил старичка почти сорвавшим голос от крика. Король приказал своим стражам замолчать и оказывать уважение летам, которые согнули спину старца. Он приблизился к нищему: «Что ты хочешь от меня?»

«Я хотел бы, о Хаммади, отобедать и отужинать с тобой».

Как раз подоспевший к этому времени главный из его царедворцев услышал последние слова старца. Он воскликнул: «Вождь! Вы ведь не собираетесь удовлетворить просьбу этого старичка? Она превышает всякую меру вздорности и дерзости. Сдается мне, что это мерзопакостник, подосланный несколькими завистливыми нищими, чтобы попытаться отравить вас».

Хаммади не ответил своему придворному. «Старик, — сказал он, — я не знаю, каковы твои намерения, но не в моих привычках отказывать в услуге или милости, о которых меня просят, если я могу оказать их».

Стражи и придворные, смущённые, засуетились вокруг старичка, которого они только что обливали презрением, и тотчас же окружили его самым большим вниманием. Они помогли ему переступить порог и взобраться по ступеням лестницы.

В тот момент, когда он входил в дверь, старичок выдвинул вперед свою правую ногу и громким голосом сказал: «Клянусь четырнадцатью северными звёздами за вычетом моих органов чувств, о отверстия моего физического тела^{35*}!» Придворные не придали ни малейшего значения этому напевному восклицанию.

Хаммади и его гость поднялись на первый этаж и здесь расположились со всеми удобствами. Им подали обед, состоящий из восхитительных блюд. Они поели досыта. А когда наступил вечер, они поднялись на террасу, где им подали обильный ужин.

Нищий ополоснул руки. Хаммади заметил, что он тёр их одну о другую необычным способом, тыльными сторонами. Он трижды рыгнул⁸⁹, возблагодарил небо, насытившее его, а также засвидетельствовал Хаммади свою благодарность. Потом он добрался до циновки, и там улегся на спину. Он согнул свою левую ногу таким образом, что его пятка почти коснулась ягодицы, затем углом поставил свою правую ногу на свою левую ляж-

---

⁸⁹ Рыгание в некоторых местностях считается знаком вежливости; и до тех пор, пока гость не рыгнул, его продолжают угощать.

ку и скрестил обе свои руки под затылком. В этом положении⁹⁰ он принялся созерцать небо, что-то бормоча сквозь зубы.

Ночь поглотила все хлопья белых облаков. Свод небесной тверди стал прозрачно-синим. Все звёзды безмерного пространства мерцали и сияли, словно для того, чтобы озарить свидание Хаммади с его гостем.

После долгого молчания нищий сказал: «Теперь, когда мы покончили с едой и когда я могу повсюду говорить, что я дважды разделил трапезу с великим королем Хаммади, я хотел бы удалиться, так как мне нужно проделать долгий путь, чтобы добраться домой».

«О почтенный старец! — сказал Хаммади. — Я хотел бы поговорить с тобой обо мне, так как заклинание, которое ты произнес, переступая порог моего жилища, и способ, которым ты мыл руки, открыли мне глаза. Я убежден, что ты далеко не простой нищий, за которого себя выдаёшь.

Славный отец знания, муж⁹¹, достойный почтения и по числу лет, и по опыту виденного и пережитого, о

---

⁹⁰ Традиционная поза учителя, когда он утомлен. Не совсем вежливая в присутствии публики, она может считаться знаком интимности. В присутствии же Короля её можно объяснить либо полным бесстыдством нищего, либо тем, что он «учитель» и, стало быть, иерархически выше короля. Для последнего это должно послужить знаком, который позволит ему «узнать» так называемого нищего. (Эта поза называется *панталь*.)

⁹¹ «Муж» (букв. «самец». — *Прим. пер.*) — слово, выражающее полноту зрелости и сил, в противоположность хрупкой и смешной внешности старичка. Хаммади доказывает, что он умеет видеть скрытое под масками и что он не такой уж невежда, дабы не уметь различить под каким угодно обликом «человека, который знает».

великий старец, узнай же, что бедный невежда, каковым я являюсь, в течение многих лет день и ночь изнуряет себя в поисках человека, который знает и который соблаговолил бы ему объяснить некоторые вещи, увиденные им во время долгого путешествия в таинственную страну символов, Страну карликов — служителей Каидары, чудесного Каидары. Если бы моя жажда могла утолиться светлыми и чистыми водами из твоей огромной реки знания, я бы считал, что мне выпала самая большая удача, какую мог бы получить сын Адама в этом мире, что вечно движется^{36*}, на земле, которая вечно преобразуется^{37*}.

Наставь же меня, о ты, который есть золото, обёрнутое в грязную тряпку и брошенное в кучу мусора на краю дороги, чтобы лучше скрыть своё достоинство великого Учителя и добродетели ученого! Я готов отдать тебе половину моего состояния и разделить с тобой моё королевство. А если бы этого показалось тебе недостаточно, я стал бы твоим рабом, чтобы развязывать ремни твоих сандалий».

Нищий пробормотал несколько слов, потом громко сказал: «Вовсе нет никакой необходимости тебя разорять и ещё менее нужно отдавать мне половину твоего королевства и становиться моим слугой, чтобы развязывать мои сандалии. Я много путешествовал и переговаривал с множеством тех, кто убелён сединой. Я, стало быть, являюсь старшим по отношению к тебе, и я с удовольствием выслушаю то, что ты мне скажешь. И если я могу быть сколько-нибудь полезен тебе, я с радостью сделаю это. Ты понравился мне своим гостеприимством и смирением, которые доказывают, насколько твой скрытый рост превышает видимую длину твоего тела».

Хаммади, ошастливленный, воскликнул: «Я твердо знал, что однажды Гено позволит мне встретить на моём пути человека, что зажжёт для меня свет, которого я страстно желаю и без которого столько страдал, никогда не отчаиваясь, однако!»

Потом он поведал старому нищему о своём удивительном путешествии от самого начала и до своей встречи с Каидарой.

Старый нищий сказал Хаммади: «О брат мой! Знай, что каждый символ имеет одно, два или несколько значений. Эти значения бывают дневными и ночными. Дневные значения являются добрыми, а ночные — зловещи.

Итак, *хамелеон*, первый символ, который ты и твои друзья увидели в стране Каидары-кудесника, это животное, обладающее семью качествами^{38*}.

1. Он по своей воле меняет цвет.

2. В утробе у него помещается длинный липкий язык, что позволяет ему не бросаться на свою добычу, а хватать её издали. Если он упускает её, у него всегда остается возможность убрать свой язык.

3. Он всегда ступает, переставляя лапы одну за другой, и никогда не торопится.

4. Чтобы обозреть окрестности, он никогда не оборачивается, но слегка наклоняет голову и вращает своим глазом, который может поворачиваться во всех направлениях.

5. Тело его сжато с боков.

6. Его спина украшена идущим вдоль позвоночника гребнем.

7. У него имеется цепкий хвост.

Итак, Хаммади, вот несколько дневных и ночных значений этих качеств хамелеона.

Менять цвет — это в дневном смысле, означает быть человеком общительным, исполненным такта, способным быть приятным в обхождении с кем угодно; это значит быть человеком, умеющим приспосабливаться к обстоятельствам, откуда бы они ни явились и каковы бы они ни были, способным усваивать обычаи тех, с кем он вступает в общение. Тогда как в ночном смысле перемена цвета означает лицемерие, неустойчивость и готовность непрерывно менять свою позицию в угоду корыстным интересам и тайным замыслам; это также отсутствие оригинальности и личности. Степень хамелеона называется «передняя короля». И в самом деле, вокруг короля можно встретить самый разный люд; одни находятся там, чтобы дать, другие — чтобы им дали; одни приходят, чтобы лгать, другие — потому что их оболгали.

Иметь в своём чреве липкий язык в дневном смысле означает обладать даром убедительной речи, которая захватывает собеседника и лишает его всякой способности сопротивляться; тогда как убрать свой язык означает во всех случаях уметь выпутаться из затруднительного положения. Что до походки хамелеона, то в дневном смысле она означает, что мудрый никогда не бросается в какое-нибудь дело очертя голову⁹².

А в ночном смысле язык и поступь хамелеона означают способность обманывать под прикрытием медо-

---

⁹² Букв. «опустив голову» (Прим. пер.) — выражение, понятное у пастушеского народа. Говорят: «Бык выставляет свои рога, опускает голову и устремляется на врага, который показывает ему жирность своей спины и округлость своих ягодиц».

точивых слов, способность долго лгать и затаиваться в засаде, чтобы застать врасплох.

Медленно и постепенно ступать означает в дневном смысле быть настороже; исследовать местность, прежде чем войти туда; не занимать сразу же какую-либо позицию, не выносить суждение или не делать заключение, не убедившись в повторяемости события; ничему не доверяться абсолютно, ибо, если правая лапа не поскользнулась, это вовсе не значит, что не поскользнётся левая.

Хамелеон, который не вертит головой, чтобы осмотреться, но вращает глазом во всех направлениях, символизирует того, кто обладает личностью и сохраняет холодную голову, не отказываясь исследовать то, что говорится и делается вокруг. Это человек, который не отказывается слушать, но не позволяет влиять на себя. Он знает, куда он идет, и он идёт туда неуклонно.

Если тело, сжатое с боков, в дневном смысле символизирует человека, готового стеснить себя, чтобы не стеснить других, то в ночном смысле оно олицетворяет ограниченность и узость. В то время как спина, украшенная гребнем, в дневном смысле символизирует стремление оградить себя от неожиданностей, в ночном она олицетворяет самомнение тщеславного существа, неверного и лицемерного.

Цепкий хвост хамелеона в дневном смысле означает средство самозащиты, скрытое в неожиданном месте, а в ночном — ловушку, которую предатель прячет у себя за спиной».

«Почтенный Учитель! — вскричал Хаммади. — Да продлит небо твои дни и распространит лучи твоего великого света, рассеивающего мрак невежества».

Старичок отхаркался, откашлялся, длинно сплюнул на землю, потер кончик своего носа между большим и указательным пальцами своей правой руки и проговорил почти нараспев:

«Хорошенько запоминай то, что узнал, о ты, который так ценит науку и знает, что знание стоит дороже янтаря, дороже коралла и даже дороже золота высшей пробы.

Ты долго размышлял

И долго ты искал.

Но ты

Видел только знаки;

Теперь ты ведаешь значение

Первой загадки Страны карликов,

Принадлежащей Каидаре,

Далёкому и очень близкому Каидаре».

Вспыхнул яркий свет⁹³. Хаммади вскричал:

«А смыслы второго символа Страны карликов, каковы они, о дорогой Учитель?»

«О Хаммади! Мышь, которая летает на своих передних лапах, зубастая птица, которая кормит молоком своего птенца, слепец, который кружит, не натыкаясь на препятствия, — вот что соединилось в одном существе в образе *летучей мыши* во второй загадке Страны карликов.

В дневном смысле летучая мышь есть образ проницательности. Это существо, которое видит даже в темноте, тогда как весь остальной мир погружён в глу-

---

⁹³ Символ разрыва пелены невежества в результате объяснения и заклинания. Посвящаемый говорит: «Я нашёл Учителя, будучи во мраке; и вот, я был безмолвен».

бокий мрак. Это указание на единство всех существ и на стирание благодаря их соединению разделяющих их границ.

В ночном же смысле летучая мышь олицетворяет врага света, любителя фокусов, который всё делает на оборот и всё видит перевернутым, как человек, повешенный за ноги.

Её большие уши в дневном смысле являются знаком развитого, способного всё улавливать слуха, а в ночном — это безобразное излишество. Летучая мышь в ночном смысле есть угасание самых ослепительных истин и гроздеобразное скопление моральной скверны.

О Хаммади! Ты видел лишь знаки, а теперь постиг значение второй загадки Страны карликов.

Этой тайной владеет Каидара,
далёкий и очень близкий Каидара».

Вспыхнул яркий свет, и Хаммади вскричал: «О почтенный Учитель, чьи дни продлились для величайшего блага тех, кто не знает и желает знать. А смыслы третьего символа Страны карликов, каковы они?»

Старый нищий чихнул⁹⁴, порылся в своих лохмотьях и сказал: «*Созданье земное, созданье ночное*⁹⁵,

---

⁹⁴ Если во время чьей-то речи слушатель чихает, значит «Гено подтверждает, что это правда». Если кто-нибудь неожиданно чихает посреди всеобщего молчания, тогда чихнувшему отвечают: «Дангаму!», а этот последний благодарит: «Ступай к той, которую я люблю, за десятью орехами кола».

⁹⁵ Здесь скорпион не называется по имени, потому что он зловреден. Назвать — значит развязать некие силы; и поэтому его обозначают намеками. Точно так же обстоит дело с гиеной, которую часто называют «вислозадой».

чья тень, очерченная звёздами⁹⁶, появляется на небосводе слагаемая из трёх частей⁹⁷, где хвост заканчивается мешком, полным яда, что питает всегда напряжённое жало, готовое ужалить, убить того, кто тронет его! В дневном смысле оно символизирует материнское самоотречение и самопожертвование^{99*}, т. к. его малютки бороздят его бока и поедают его внутренности, прежде чем родиться⁹⁸. Его клешни — оружие наступательное, а его хвост — оружие оборонительное. В ночном же смысле он олицетворяет воинственный дух злобной природы, всегда таящейся в засаде и появляющейся лишь для того, чтобы ужалить, а порою и убить.

О Хаммади! Ты видел лишь знаки, а теперь ведаешь значение третьей тайны Страны карликов. Ею владеет Каидара, далёкий и очень близкий Каидара».

Вспыхнул яркий свет, и Хаммади вскричал:

«А смыслы четвёртого символа Страны карликов, каковы они, о Учитель, чья голова убелена знанием?»

Старый нищий, согнув пальцы своей левой руки⁹⁹, вложил её в свою правую руку. Он хрустнул ими¹⁰⁰, нажимая большим пальцем на фаланги своих левых

---

⁹⁶ Созвездие Скорпиона хорошо известно охотникам и пастухам фульбе.

⁹⁷ Головы, тела и хвоста небесного скорпиона.

⁹⁸ По малийским верованиям детёныш скорпиона перед рождением убивает свою мать.

⁹⁹ Согнутые пальцы левой руки — знак покорности, образцового смирения.

¹⁰⁰ Хрустеть пальцами означает также «извлекать соль из руки». Этот жест делается для того, чтобы привлечь внимание адепта и означает: «Не только устами можно говорить».

пальцев, он переплёл все свои десять пальцев и, не разжимая их, сильно потянулся, вытянув вперед обе руки¹⁰¹; потом, по-прежнему вытянув руки, он повернул их ладонями к Хаммади. Он испустил долгий стон, шумно выдохнул воздух из своих лёгких и сказал:

«О Хаммади! *Водоём*, который не подпускает к себе чужеземца, в дневном смысле означает хорошо защищённую родину или дружных детей¹⁰². Вода, которую нельзя возмутить, — это спокойствие, которое ничто не может поколебать¹⁰³. В ночном же смысле этот водоём, охраняемый ядовитыми змеями, символизирует эгоизм и скупость, которые не позволяют разделить своё добро со своими ближними, даже если они погибают от нищеты.

О Хаммади! Ты видел лишь знаки, а теперь ты ведаешь значение четвёртой тайны Страны карликов. Ею владеет Каидара, далёкий и очень близкий Каидара».

Вспыхнул яркий свет, и Хаммади вскричал:

---

¹⁰¹ Это спонтанный жест по пробуждении; но если он совершается в другое время и совершается посвящённым, он означает смерть невежества и рождение знания.

¹⁰² Защищённый водоём — это семья или нечто, единое настолько, что чужеземец не может туда проникнуть; это символ, аналогичный запретному селению «Сальдү-Кеероль».

¹⁰³ Спокойная вода водоёма, как и прозрачность масла, часто являются в Африке символами обретшего мир духа. Точно так же, как зеркало такого водоёма может отражать образ солнца, умиротворённый дух может, как полагают, отражать реальности высшего порядка: «Каждый из нас, даже если он всего лишь маленькое болотце в чаще, может попытаться сделать чистой и спокойной воду своей души, чтобы солнце могло глядеться в неё целиком» (А. Х. Ба).

«А значения пятого символа Страны карликов, о Учителе, читающий по звёздам и верно толкующий язык птиц и завывание пятнистых гиен?»¹⁰⁴.

Старик долго заикался и наконец проговорил: «Маленькая ямка, *отпечаток копыта газели*, которая утоляет жажду целого каравана, это в дневном смысле эмблема большого благородства. Это человек или страна, разделяющие с теми, у кого ничего нет, то, чем они владеют. Нгалу, Удача, не медлит наполнить ямку, как только она опустошается. Подобно этой маленькой ямке, смиренный и милосердный человек всегда будет отдавать, но никогда не обеднеет. У того, кто даёт от чистого сердца, всегда найдётся что дать.

«О Хаммади! Ты видел лишь знаки, а теперь ведаешь значение пятой тайны Страны карликов. Ею владеет Каидара, далёкий и очень близкий Каидара».

Вспыхнул яркий свет, и Хаммади вскричал:

«А смыслы шестого символа Страны карликов, какковы они, о Учителе, умеющий толковать форму облаков^{40*} и облик молний^{41*?}»

Старый нищий поднялся со своей циновки. Он прошёлся вдоль и поперек террасы дома Хаммади. Он бросил быстрый взгляд во двор, словно бы для того, чтобы удостовериться, что нескромные уши не разместились под водосточными трубами^{42*}, подслушивая то, что говорилось наверху. Потом он вернулся на своё место и сел, подвернув ноги. Он сказал:

---

¹⁰⁴ Птицы и гиены — это самые «вещие» животные. Но лишь пятнистая гиена является вещей и никакая другая; её вопли являются предметом толкования так же, как и воркование горлинок.

«Дрофа, дрофа! О плотное и сочное мясо! Крупная птица равнин, которая обычно перемещается на двух довольно длинных и сильных лапах, в качестве шестого символа появляется только на одной ноге, хлопая одним остроконечным крылом. В ночном смысле она символизирует бранный мир, который предстаёт легкой добычей тем, кто вожделеет её. Но, увы, бросаясь на неё, они, вместо того чтобы схватить добычу, сталкиваются головами и опрокидываются наземь. Так и те, кто ищет почестей и быстрой выгоды, всегда начинают спорить, потом драться, потом занимать круговую оборону, чтобы их всех вместе настигли невзгоды или смерть. Пучки тонких перьев, украшающие щёки дрофы-самца, — это эфемерный убор, он существует не дольше, чем золотисто-красные отблески заходящего солнца на окружающей природе, перед сумерками.

И впрямь, Хаммади, этот мир подобен птице, у которой только одна нога и которая бьёт крылом. Любой человек, замечающий её, считает, что способен поймать её, но странная птица всегда проскользнёт под ногами у охотника и, отбежав неподалёку, будет насмехаться над ним, словно бы говоря: «Ну, давай... на этот раз ты меня наверняка поймаешь!»

Как смерть не может покончить с душой, так и один вождь не вычерпает дней Вечности. Будут ли они короткими или долгими, нужно хорошо наполнить свои дни и без сожалений покинуть эту землю, которая, не устанно вращаясь вокруг самой себя, оставляет в дураках тех, кто хочет господствовать над ней.

В дневном же смысле, дрофы живут группами из одного самца и трёх или четырёх самок. Эта стайка символизирует полигамную семью».

«Почему четыре жены? — спросил Хаммади.

«Наш предок Буйторинг сказал своему сыну Хеллерé: “Ты женишься на четырёх женщинах или на четырёх в одной-единственной: женщине-работнице, женщине-красавице, женщине-матери семейства и женщине-любви”¹⁰⁵.

Первая составит неоценимое сокровище твоего домашнего очага; вторая будет украшением, которое ты станешь выставлять напоказ, чтобы задеть твоих соперников; третья станет хорошо охраняемым плодородным полем, где ты укроешь своё семя. И, клянусь честью, поскольку сердце имеет свои резоны, неподвластные обычным правилам¹⁰⁶, ты женишься на четвёртой женщине, потому что ты её любишь, а любовь не подчиняется приказам: она господствует и заставляет признать себя.

Но, о сын мой! Если в одной единственной женщине ты найдёшь четырёх, тогда ты должен будешь, как Большоголовый господин, царь джунглей лев, ограничиться одной женой. В противном случае готовься к тысячекратным неудобствам, в силу которых ты станешь человеком, который хоть и сможет вытягиваться на своём ложе, но отнюдь не для того, чтобы спать ночью или отдыхать днём^{43*}.

---

¹⁰⁵ «Женищина-домоправительница» — та, которая умеет достойно принять гостей; хранительница семейного достояния, она не слишком расточительна. Что же до «женщины любви», то о ней говорят: «Предоставь мужчине любить то, что он любит, ибо если ты ему этого не позволишь, он тебя возненавидит и продолжит любить то, что он любит».

¹⁰⁶ *Ана хани (ana hani)* — «то, что должно быть», «то, что положено».

Хаммади, ты видел лишь знаки, а теперь ты ведаешь значение шестой загадки Страны карликов.

Ею владеет Каидара,
далёкий и очень близкий Каидара».

Вспыхнул яркий свет, и Хаммади вскричал:

«А смыслы седьмой загадки, каковы они, о Учитель, который умеет, не засыпая, закрывать глаза и, сидя у изножия баобаба, различать горизонт лучше, нежели тот, кто взобрался на самую вершину дерева?»

Старый нищий заткнул обе свои ноздри на какое-то время. Он поднял глаза к небу, как бы ожидая вдохновения. Потом он сделал жест человека, ровняющего землю¹⁰⁷, и наклонился к ней, словно бы спрашивая совета. Он сказал: «Седьмая загадка Страны карликов, о Хаммади, имеет характер более ночной, нежели дневной, она скорее зловонна, чем благоуханна. Она символизирует постоянно вожделеющего самца, для удовлетворения которого требуется три раза по восемьдесят женщин. Это человек, который бесчестит свою седую бороду патриарха противоестественными совокуплениями. Это тот, кто расточает драгоценное семя рода^{44*}. Образ несчастного^{45*}, отталкивающего человека, он олицетворяет существо, от которого нужно бежать, зажав нос. Однако в дневном смысле это олицетворение животного-тотема, берущего на себя все несчастья, которые угрожают селению^{46*}.

---

¹⁰⁷ «Смотреть на небо, а потом ровнять землю»: этот жест выполняется для того, чтобы дух с высоты запечатлел на земном прахе свои следы, которые *силатиги* сможет прочесть и истолковать.

Хаммади, ты видел лишь знаки, а теперь ведаешь значение седьмой загадки Страны карликов. Ею владеет Каидара, далёкий и очень близкий Каидара».

Вспыхнул яркий свет, и Хаммади вскричал:

«А смыслы восьмого символа Страны карликов, каковы они, о Учитель, ты, который, знает, почему соль всё делает солёным¹⁰⁸ и почему не падает парящая птица, знает, как цветок становится плодом и как плод вновь становится деревом, которое принесло его».

Старый нищий, не поднимая головы, которую он только что опустил, словно читая геометрический узор, сказал: «Подлинное знание — что искра, нисходящая с очень большой высоты. Она прорывает тьму невежества, как молния пронзает большую чёрную тучу, закрывающую небеса. Когда эта искра проникает в душу, она приносит ей радость, здоровье и мир, три вещи, которых люди всегда желают для себя и для тех, кого они любят. Жизнь поклялась, что человеческое существование будет длиться вечно; смерть же поклялась положить ему конец. Свет рассеивает мрак, мрак окутывает и поглощает свет. Кто из них двоих, в конце концов, одержит верх? Когда одна семья оплакивает усопшего, другая празднует появление на свет новорождённого; разорение одних обогащает других.

Хаммади, знай, что два дерева, обменивающиеся листвой, символизируют соперничество, один из вели-

---

¹⁰⁸ Намек на знание Сути. Обычный человек таким знанием не обладает, оно ему недоступно. «Нужно знать как можно больше; но не будем зря растрачивать время, пытаясь познать непознаваемое, “Единое”, например».

ких и мощных тайных законов вечной природы¹⁰⁹. Смерть против жизни, красота против уродства, зло против добра.

Хаммади, ты видел лишь знаки, а теперь ведаешь значение восьмой тайны Страны карликов. Им владеет Каидара, далёкий и такой близкий Каидара».

Вспыхнул яркий свет, и Хаммади вскричал:

«А смыслы девятого символа Страны карликов, каковы они, о Учитель, знающий секреты страны превращений и чудес, страны, где цветы рожают птиц и где камни дают нежнейшее сливочное масло¹¹⁰?»

Старый нищий, не меняя положения, в свой черед воскликнул: «О Хаммади! Сведущий человек берегает своих овец в хорошо запертом загоне, точь-в-точь как Гено, который доверяет свои тайны лишь чистым сердцам и миролюбивым умам. Люди добра не вещают о своих добродетелях под звуки музыки. Они хранят свою тайну^{47*}, как избранница хранит свою девственность для исполнения воли Гено^{48*}. *Мудрец*

---

¹⁰⁹ Это великий закон дуализма, уже упоминавшегося выше. Его часто сравнивают с соперничеством жён, ибо речь идет то о соревновании, то о чередовании противоположных и взаимодополняющих начал. Дабы проиллюстрировать этот закон дуализма, А. Х. Ба часто приводил пример ног ткача («Когда одна поднимается, другая опускается») и ткацкого челнока, который ходит справа налево и слева направо и который никакая рука не может надеяться остановить, ибо «жизнь и означает это движение. Он напоминал также, что человек может идти лишь благодаря «противоречию» ног и что в Африке, дабы сообщить, что кто-то умер, говорят: «Его ноги пришли к согласию».

¹¹⁰ Поэтический образ, назначение которого обозначить деревню метаморфоз, где петух обернулся овном, а потом быком.

скорее предпочтёт учиться, нежели учить^{49*}. Он никогда не сочтет, будто обладает абсолютным знанием. Он всегда будет считать себя невеждой и всегда останется учеником. Он будет достаточно справедлив, чтобы уважать истину других, и достаточно разумен, чтобы признать свои ошибки.

Петух, супруг курицы, король птичьего двора, при шпорах, хотя и без сапог, принц, чей хвост образуют режущие лезвия и серпы, обладатель уст, оканчивающихся клювом, самец, чьи виски украшены сережками, голова увенчана красным гребнем, а подбородок довершает вычурная борода, является предуготованной жертвой. Его кровь нравится богам, потому что она внушает ужас слонам¹¹¹, а его шпора используется как оружие, роковое для вождя¹¹². Кроме того, его пение прогоняет мрак и возвещает свет.

В стране чудесного Каидары, в деревне превращений, петух, который оборачивается овном, потом быком, потом пожаром, символизирует тайну. Когда она окружена молчанием, её олицетворяет петух в хижине. Когда её разглашают родным и близким, она становится овном во дворе. Когда её узнаёт множество людей, она превращается в быка, который мчит-ся по улицам и атакует прохожих. А как только ею овладевает враг, она становится большим лесным пожаром, который всё опустошает и убивает всё живое.

---

¹¹¹ Считается, что слоны спасаются бегством, как только слышат крик петуха.

¹¹² И в самом деле. Сумангурú был убит стрелой, заканчивавшейся отравленной шпорой; и потому всегда гоняются за шпорами, чтобы делать из них фетиши.

Этот пожар символизирует войны, влекущие за собой разорение и отчаяние в деревнях.

Хаммади, ты видел только знаки, а теперь ведаешь значение девятой тайны Страны карликов. Ею владеет Каидара, далёкий и такой близкий Каидара».

Вспыхнул яркий свет, и Хаммади вскричал:

«А смыслы десятого символа Страны карликов, каковы они? О Учитель, ведающий тайны троичных ¹¹³ символов и знающий, что третий член всегда есть указатель, позволяющий понять два других, крайних?»

Старый нищий распростёрся ниц на земле. Он повторил этот жест трижды. Потом вновь уселся на своё место и широко улыбнулся. Он сказал: «Один, один, один! ¹¹⁴ О вечный источник неведомого происхождения! О тайна, соединяющая в себе черты обоих полов! Два, два, два! О соперничество! О взаимность! О противоборство! О взаимодополняемость! Конечно же, чета соединяется для того, чтобы воспроизвести себя. Поистине, корни под землёй ищут того же, что ветви и листья ищут в воздухе. А эти две части дерева соединяет между собой его узловатый ствол.

Когда развязывают узел трёх, сколько от этого вспыхивает отражений! В них можно видеть, как добро и зло оспаривают сердце человека, как отец и мать оспаривают дитя. Кузнец и его инструменты соединяются, чтобы ковать железо; мужчина соединяется с

---

¹¹³ Всего, что определяется через три.

¹¹⁴ Один, один, один: три окончания треугольника. Единство активного принципа, пассивного принципа и их соединения (см. сноску 50).

женщиной, чтобы зачать ребёнка; воды небесные и земные соединяются, чтобы произвести на свет всё живое, а две ноги чередуются, чтобы создать шаг.

О Хаммади! В таинственной стране волшебного Каидары три колодца символизируют двух людей равных достоинств, которые общаются между собой через голову третьего, более убогого и менее счастливого. Это два богача, которые делают друг другу роскошные подарки, тогда как рядом с ними бедняк умирает от голода. Они осыпают друг друга благодеяниями на глазах у страждущего. Это два важных господина, которые развлекаются, запершая отверженному соседу принять участие в их забаве.

Хаммади, ты видел только знаки, а теперь ведаешь значение десятого символа Страны карликов. Им владеет Каидара, далёкий и такой близкий Каидара!»

Вспыхнул яркий свет, и Хаммади вскричал:

«А смыслы одиннадцатого символа Страны карликов, каковы они, о Учитель, ведающий, почему и как первый кузнец стал пастухом, а первый пастух — кузнецом^{51*}, ты, ведающий, почему священный союз, называемый Дендираку¹¹⁵, соединил двух человек и продолжает связывать их потомков?»

Старичок вместо ответа принялся рыться в своих лохмотьях. Он пытался раздавить неуловимую вошь, сосавшую его кровь. Видя это, Хаммади забыл, что он король, и ухватил часть штанины, где старичок искал свою вошь. Он обследовал все её складки и в конце концов нашёл напившегося крови паразита, которого

---

¹¹⁵ «Шуточное родство», в данном случае намекающее на священный союз между кузнецом и фульбе.

хотел раздавить. Но старичок остановил его руку. Он сказал:

«Я ел цыпленка, а вошь ела меня,
брось того, кто ел меня, на землю,
однажды земля пожрёт его. Так устроена жизнь.
Термит гложет корень,
Курица глотает термита,
Человек поедает курицу,
Дикий зверь пожирает человека.
Земля же терпеливо ждет ¹¹⁶.
Она следит за навозным жуком,
Безустая, она смеётся над ним,
а он, бессловесный, отвечает ей:
“Я подражаю Гено, создателю твоему,
Гено, повелителю твоего суточного вращения,
Гено, заставляющему тебя плясать в вечности”.
Верно, что жизнь на земле заключается в том,
Чтобы смотреть друг на друга
И пожирать друг друга.
Мы поедаем один другого
И вновь поедаем один другого,
А в конце концов земля поедает нас всех».

Старичок повернул ладони к Хаммади и воскликнул: «Спасибо, о Великий Монарх, богач из богачей, склоняющийся, чтобы поискать вшей у такого бедного обездоленного старика, как я, старика, влекомого по

---

¹¹⁶ Закон всеобщего взаимопожирания, очень близкий к закону самоуничтожения одиннадцати сил: камень дробится железом, железо плавится огнём, огонь гасится водой, вода иссушается ветром, человек побеждает ветер, опьянение губит человека, сон убивает опьянение, смерть убивает сон, но жизнь души побеждает смерть.

дорогам всеми ветрами. Но я не должен дивиться этому, ибо что же поразительного в том, что новые воды потока бегут по излучинам, прорытым водами прежними? ^{52*}.

О Хаммади! Человек, который всё время взвешивает свою ношу и, будучи не в силах приподнять её, ещё и прибавляет груз, символизирует непоследовательность, человека легковесного или очень рассеянного, делающего прямо противоположное тому, что следовало бы делать. Это существо, которое лишено здравого смысла и которое не умеет соизмерять последствия своих действий.

О Хаммади! Ты видел только знаки, а теперь ведаешь значение одиннадцатого символа Страны карликов. Им владеет Каидара, такой далёкий и очень близкий Каидара!»

Прежде чем Хаммади успел снова задать свой обычный вопрос, старичок поднялся с циновки. Он достал из своей сумы толстую верёвку из волокна баобаба. Он завязал на ней узлы в семи местах. На одном конце узел был толще, чем шесть остальных. Он зажал толстый узел в горсти и свесил верёвку до земли. Он произнёс:

«Верёвка, ты дерево и деревом снова стань ¹¹⁷.

Я повелеваю тебе это

Именем неодолимой мощи Гено,

Гено, который продлевает жизнь после смерти,

Гено, который может обжечь градом,

Гено, который может заледенить огнём ¹¹⁸».

---

¹¹⁷ Верёвка, становящаяся змеей, а потом палкой — частый прием колдунов, которые извлекают из неё молоко.

¹¹⁸ Для создателя всё возможно, даже действия, противоречащие естественным законам.

Тотчас верёвка ожила. Она оборотилась зеленой змеей, затем отвердела и пожелтела. Она стала деревянной палкой. Палка высохла. И всё это в три мгновения ока, как раз чтобы хватило времени сомкнуть уста, только что произнесшие слова, исполненные преобразующей силы.

Хаммади более не мог сомневаться: перед ним был чудотворец из Страны карликов. Он хотел встать в знак уважения. Старичок остановил его: «Продолжай сидеть, о Хаммади! Добрый труженик имеет право на целительный отдых».

Хаммади воскликнул: «О Учитель! Кто ты? Откуда ты? Как твое имя? Что я должен сделать, чтобы стать достойным тебя?»

Вместо ответа старичок, опираясь на свой волшебный посох, произнес¹¹⁹:

«Хаммади! Там, где вы встретили собирателя хвоста, ты и твои друзья, даже и не подозревая об этом, завершили переход через все материальные слои, отделяющие сообщество смертных от чудесного Каидары. Омерзительная хижина символизирует могилу, в которой преобразуются существа и совершается моральная, материальная и духовная метаморфоза. Нужно, чтобы невежество умерло, дабы могло родиться знание.

---

¹¹⁹ Здесь старичок сам собирается сказать Хаммади, каков был последний символ страны карликов, и он говорит о Каидаре так, как если бы он его видел. Он без усталости станет говорить и объяснять Хаммади остальную часть его путешествия, называя подробности, свидетелем которых не был никто. Не дожидаясь, чтобы Хаммади задавал ему вопросы, он толкует ему самые глубокие тайны, вплоть до последнего откровения.

Вы видели волшебного Каидару. Он явился перед вами о семи головах, каждая из которых ведает одним из дней недели. Он показал вам тридцать стоп, которые движут временами, и двенадцать рук, которые управляют событиями. Он дал вам золота. Этот металл может быть то ключом, открывающим вам многие двери, то тяжким грузом, ломающим многие шеи.

«О Учитель! Смилуйся, скажи мне, кто ты!» — вскричал Хаммади, который встал, несмотря на приказ старичка.

«Я тайный свидетель, видевший,
как приносят в жертву дичь в священном лесу.
Я видел многоцветного хамелеона в долине;
Мне знакома летучая мышь,
Висящая вниз головой.
Я спасся от скорпиона,
Вооружённого клешнями и ядовитым жалом.
Я видел скупой водоём,
Который вместе с тем
есть хорошо защищённая родина.
Мне известен неиссякаемый источник —
след копытца газели.
Я заметил толстого льстивого варана.
Неподалёку я был и тогда,
когда вас дразнила дрофа.
Знаком мне также и истощающий себя
бородатый козёл.
Я трудился над сооружением высокой стены.
Я кормил петуха змеевидного старичка,
А за мною гнался овен с узловатыми рогами
И разъярённый бык тоже —
Бык, что сметал всё на своём пути.

Я видел пожар, что едва не истребил меня.
 Я прошёл совсем рядом с тремя
 таинственными колодцами;
 Я видел простофилю, собиравшего хворост,
 И подобно вам я свалился в клоаку».

«О Учитель!» — вскричал Хаммади, который хотел вставить слово.

Старичок знаком велел ему молчать и продолжил: «Хаммади, оба твоих товарища выбрали себе две при- скорбных цели: богатство и власть. И потому они умер- ли злой смертью. Что до тебя, ты выбрал поистине дос- тойную цель: знание. И в недрах знания ты обрел власть и богатство, которых так жадно желали твои друзья.

Под сырным деревом испытания ты заметил кого- то, кто прятался там: человека-духа, которого встречают раз или два в своей жизни, но никогда — более трёх.

Ты позаботился о нём, и ключом золота ты отворил его уста, более тяжелые, однако, нежели медные створки крепостных ворот. Он вложил в твою голову три истины.

Ты щедро поделился тем, что приобрел такой до- рогой ценой, но твои друзья оттолкнули твой дар и посмеялись над ним. На них обрушился ужасный ура- ган. Кара приняла облик львицы, которая убила одно- го из них. Она приняла облик беспощадной реки, по- глотившей другого.

Перевозчик — хранитель крайнего рубежа — при- нял твою десятину, но отверг твой роскошный дар.

Три гружёных золотом вола, что ты отдал Учите- лю под сырным деревом, вернулись к тебе.

Перевозчик сломал пирогу, чтобы воспрепятство- вать любой попытке возвращения на другой берег.

Однако ещё одна ловушка поджидала тебя — только сунься в неё. Счастлив ты был, о Хаммади, что ничего не забыл из данных тебе трёх советов! Ты не стал действовать на основании пустого подозрения. И таким образом ты обрел домашний очаг, где достойный сын охранял твою целомудренную супругу».

«Но кто же ты, Учитель, коль знаешь всё это так, как если бы во всё время пути был с нами, понимая всё, что ставило в тупик и повергало в недоумение нас?»

«Я тот, кто знает, что семь голов Каидары олицетворяют семь дней недели, которые суть семь голов времени — арканы, заключающие в себе тайну семи двойных северных звёзд и всё то, что Гено создал посредством семи, запечатал семью в семи наверху, семи внизу и семи тайных вратах, отверстых в голове сына Адама¹²⁰. Я знаю, что двенадцать рук Каидары запечатывают тайны двенадцати месяцев и что тридцать его стоп шествуют в тайнах лунных месяцев. Но прежде, нежели я скажу тебе, кто я такой и как меня зовут, не хочешь ли ты, Хаммади, спросить меня о чем-нибудь?»

«Да, Учитель. Почему четыре ножки трона Каидары говорили: “сильный ветер”, “землетрясение”, “наводнение” и “пожар”?»

«Четыре ножки заклинали, таким образом, четыре стихии — четыре материнские силы, которые повелевают жизнью и смертью сынов Адама. Когда-нибудь они разрушат нашу вселенную».

«О мой добрый отец, мой наставник, чем я только ни обязан тебе! Я не знаю, как засвидетельствовать тебе мою признательность».

---

¹²⁰ *Семь наверху и семь внизу* — согласно мифу, семь небес и семь земель. Семь врат: семь отверстий в голове (см. сноску 10).

«Ты мне уже достаточно засвидетельствовал её¹²¹, ибо под сырным деревом ты без колебаний предложил мне всё своё состояние, в котором ты более всего нуждался сам в тот момент. На берегу потока ты предложил мне то же сокровище и сделал это ещё более деликатно, нежели под сырным деревом. И вот сегодня вечером ты вновь готов отдать мне все свои богатства и всю свою власть. И даже пожертвовать для меня своей свободой».

Хаммади пустился в пляс от радости, а старичок продолжил:

«Ты спрашиваешь у меня, кто я? Ты достоин узнать это.

Я, о Хаммади, тот, кто прятался в пыли, когда вы встретили хамелеона¹²², кто взобрался на камень, когда вы разговаривали с летучей мышью, тот, кто резвился на белом песке, когда вам явился скорпион. Я покоился на латеритовом бугре, когда вы тщетно пытались напиться из лужи. Я шёл через гравийную долину, когда вы утоляли жажду из неистощимой скважины. Я месил глину, когда дрофа насмехалась над вами. Я пересчитывал мои зернышки кварца, когда вы добрались до

---

¹²¹ Старик здесь открывает, что Хаммади имел лишь одного наставника, хотя и в разных обличьях.

¹²² Это вовсе не бесполезное повторение предыдущего перечня символов; старик перечисляет пласты элементов, сквозь которые нужно перейти, чтобы добраться до золота, — пыль, камень, белый песок, латерит, гравий, глина, кварц, чёрный песок, жильная порода (на языке фульбе — *нара*). Не следует забывать, что Кадара является также и богом земли. Сквозь эти элементы он шёл параллельным путем, тогда как люди проходили через символы. Старик нарочно опускает символ сборщика хвороста; здесь ловушка, расставленная учителем для ученика, который даже не заметил этого.

козла. Я исследовал чёрный песок, когда вы отдыхали под двумя деревьями. Я был в жиле¹²³, когда петух обернулся овном, потом быком, а потом пожаром. Я плавал в воде, которая питала два богатых эгоистичных колодца. Я тот, кто ушёл искать золото.

О Хаммади! Я старичок сырного дерева, я негостеприимное селение, я ураган, я молния, я львица, убившая одного из твоих друзей, и река, поглотившая другого, я потопленная пирога, я перевозчик, я...»

Маленький старик не успел договорить. Хаммади бросился ему на шею: «О Учитель! О удивительный Дух! Я твой слуга, исполненный признательности, как я был твоим учеником, исполненным доверия. Ты будешь моим хранителем, мой Учитель, мой бог! Я навеки предан тебе».

Но как только Хаммади коснулся старичка, он ощутил нечто вроде разряда электрического тока¹²⁴, достаточно сильного, чтобы оцепенить его, но не убить. Он отступил на три шага назад¹²⁵.

Старичок изменил форму. Он обернулся светящимся существом, не похожим ни на одного из сыновей Кикалы и ни на одно животное, обитающее в селениях

---

¹²³ Жильная порода (*bedrock*) — слово старателей, это слой, который нужно снять, чтобы добраться до золота.

¹²⁴ Божество Каидара не человек, и контакт с ним может быть только духовным. Излияния Хаммади неуместны: любовь не должна теснить почтение.

¹²⁵ Хаммади отступает «на три шага», чтобы оставить нетронутыми три покрывала, которые должны отделять его от учителя: почтительность, полоса неведения, или необходимой непосвящённости, возраст. В посвящении всегда есть три степени. Например, у охотников (донго) есть ученик донго, Учитель донго. Нужно соблюдать иерархию.

или в лесу. Существо распростерло два крыла с золотым оперением и сказало:

«Я Каидара далёкий, ибо не имею формы и не всем дано угадать моё присутствие и получить от меня научение. Я Каидара очень близкий, ибо не существует ни расстояния, ни препятствий между живыми существами и мною. Я принимаю ту форму, которую считаю подобающей; я сбрасываю покрывала и уничтожаю расстояние, если это угодно мне.

Хорошенько запомни то, что ты только что услышал, прошепчи это на ухо твоим потомкам, и пусть они точно так же передадут это потомкам твоих потомков. Ты подаришь это под видом волшебной сказки¹²⁶ твоим наследникам на троне, а как глубокое и жизненно важное поучение — послушным ушам и счастливым головам¹²⁷.

А в другой раз я расскажу тебе о девяти телесных отверстиях^{53*} человека, которые материнство превращает в одиннадцать.

Последние звёзды исчезли на небосводе, изгнанные пением петуха. Свет зари, исполненный надежды, расточил мрак и объял восточный горизонт.

Каидара распахнул свои испещрённые золотом крылья и величественно вознесся ввысь. Он улетел, взмахивая крылами, оставив Хаммади распростёртым на земле, трепещущим от радостного изумления, исполненным знания и мудрости...

---

¹²⁶ Т. е. тем, кто в сказке видит только развлечение.

¹²⁷ Счастливые головы: те, кто одновременно притягивает удачу к себе и приносят удачу другим.

*Послесловие**

«Существует множество сказок. Одни сказки призваны позабавить, тогда как другие — сказки наставляющие; в них старики вложили тайны своего знания, на постижение которых молодой человек затрачивает иногда несколько лет. Ибо надо не только запомнить сказку, но суметь передать её, не исказив интонацию. Символика инициатических сказок очень богата, но всегда главное в них — путь, который должен пройти герой. Человек проходит свой путь от начала до конца, и если он окажется достойным открытия тайн, их объяснят ему по возвращении. Есть время учиться, время получать объяснения и время в свой черед учить»¹²⁸.

«Во всех тайных обществах существуют свои особые великие инициатические сказки. Каждое общество

---

* Комментарии Амаду Хампате Ба к сказке «Каидара», собранные и представленные Элен Хекман, наследницей авторских прав Амаду Хампате Ба и заведующей его архивом. Эти комментарии, сообщает Э. Хекман в краткой преамбуле, призваны «пролить особый свет на духовное измерение сказки «Каидара» и её соотношение с нашим собственным внутренним миром».

¹²⁸ Из интервью ЮНЕСКО на тему устных традиций, 29 января 1962 (по магнитофонной записи).

обладает ими, приспособливает их к ментальности своих адептов. Например, в обществе Коре, являющемся великой инициатической школой народа бамбара, сказки необычайно длинные. Ученики в течение семи лет своего обучения постигают уроки, заключённые в сказках, так же, как отвечают уроки в классе¹²⁹.

Однако эти великие сказки, именуемые “инициатическими”, могут рассказываться и в семейном кругу, чтобы позабавить и малых и больших. Просто они будут адаптированы к пониманию аудитории».

«Для нас нет низшего и высшего образования; есть элементарное понимание и высшее понимание. Урок, который преподают семилетнему ребёнку, может быть преподан и ученому: дело лишь в том, чтобы знать, как преподнести его и что следует вложить в эту оболочку; оболочка же остается неизменной. <...> В Африке, за отсутствием книг, обучение основано на сказках, нравственных наизиданиях и легендах. Нет ни одной песенки, будь она предназначена для того, чтобы позабавиться при свете луны или баюкать ребёнка, которая не имела бы своего смысла и цели. Вот мимо этого и прошло большинство этнологов¹³⁰».

«Для нас всё есть школа... ничто не является просто досугом. <...> Будь то сказки, песни, речи — ничто в Африке не является пустым развлечением. Таким образом, я могу сказать, что в Африке нет профанов. В старой Африке нет профанов: всё религиозно, всё имеет цель, всё имеет обоснование».

---

¹²⁹ Фрагмент из частных записей г-на Жана Свиадока, бывшего функционера ЮНЕСКО и личного друга А. Х. Ба.

¹³⁰ Запись Жана Свиадока.

«Изучать Африку, отбрасывая мифы, сказки и легенды, несущие в себе всё древнее знание, было бы подобно изучению человека, исследуя один лишь его скелет, лишённый плоти, нервов и крови»¹³¹.

«Устная традиция является великой школой жизни, всех сторон которой она касается и охватывает их.

Она может показаться хаосом тому, кто не проник в её тайну, и сбить с толку картезианский разум, привыкший всё описывать четко определёнными категориями. И в самом деле, в ней материальное и духовное нерасчленимы. Переходя от эзотерического к экзотерическому, устная традиция умеет быть доступной людям, говорить с ними, применяясь к их пониманию и раскрываясь в зависимости от их способностей. Она есть одновременно религия, познание, изучение природы, посвящение в ремесло, история, развлечение и отдых, при этом любая мельчайшая подробность всегда может позволить взойти к изначальному Единству»¹³².

В сентябре 1971, когда Амаду Хампате Ба задали в числе других вопрос о сказке «Каидара», он пояснил:

«[В Африке] не существует систематического обучения на современный западный манер, с постепенно проходимой программой, тщательно распределённой во времени. Здесь начальное, среднее или высшее образование дается в одно и то же время, в зависимости от случая и обстоятельств».

---

¹³¹ Из предисловия А. Х. Ба к «Атласу Мали», ed. Feune Afrique, Paris, 1980.

¹³² А. Х. Ба. Живая традиция. — Histoire générale de Afrique, tome 1, p 113; P. 1981.

«Облик любого события побуждает учителя извлечь из него уроки для своих учеников, применяясь к их уровню понимания. <...> Речь, стало быть, идёт здесь об обучении посредством символов и притч.

Инициатическая сказка “Каидара” являет собой образец именно такого типа обучения с помощью символов. В этой сказке перед нами предстают три героя, предпринимающие путешествие, или скорее поиск, целью которого является полная реализация индивида, достигшего проникновения в тайны всех вещей и жизни. В действительности считается, что человек способен жить в трёх состояниях: в грубом, полностью внешнем, именуемом *корой*; в среднем, уже более утончённом, оно именуется *древесиной*; наконец, в состоянии сущностном, центральном, которое именуют *сердцевиной*».

«Из трёх героев этой сказки один олицетворяет кору, а другой опилки. Они не смогут завершить своё путешествие. Один будет разорван, как кора, а другой утоплен, подобно опилкам. Только третий, Хаммади, олицетворяющий сердце, благополучно достигнет цели, победоносно преодолев хитроумные ловушки, усеявшие его путь. В конечном счете, он воспользуется плодами не только своего собственного путешествия, но равным образом путешествия двух своих товарищей, возрождая и кору, и опилки, и таким образом восстанавливая в самом себе древо познания. Каждый из этих трёх путников символизирует, стало быть, определённое состояние нашего целостного существа».

«Они предпринимают путешествие в «подземный» мир, т. е. в мир значений, скрытых за видимой сторо-

ной вещей, мир символов, где всё значимо, где всё говорит для того, кто умеет слышать. В ходе этого путешествия они сталкиваются с событиями или животными, каждое из которых являет собою подлежащий расшифровке символ. Таким образом, проходится одиннадцать этапов, прежде чем будет достигнуто сердце “страны Каидары”, очаг, из которого разлетаются искры жизненных сил».

«Среди встретившихся на пути символов и полученных уроков нет ни одного, который нельзя было бы истолковать с точки зрения его применимости в обыденной жизни. <...> В подземном мире Каидары все события, все животные и все встреченные символы являются чем-то вроде зеркал, которые показывают человеку его собственное отображение в разных ракурсах. Для фульбе, как, конечно же, и для многих других африканских традиций, сами явления природы в изобилии предоставляют обучающие символы, и окружающий мир становится чем-то вроде огромной книги, которую нужно научиться толковать».

«Когда три наших героя достигают сердца страны Каидары, миновав одиннадцать символических этапов, Высшая Сила (в случае Каидары представляющая Гено,

---

¹³³ «О Высшем Существо», неопределимом и пребывающем «на небесах», говорит большинство религиозных традиций данного региона (субсахарской саванны) и чёрной Африки вообще. Однако в большинстве этих случаев Высшее существо видится слишком удалённым от людей для того, чтобы последние поклонялись непосредственно ему. Они предпочитают обращаться к посредникам, преимущественно к духам предков и тем, кого именуют «богами», богами, о которых А. Х. Ба в одной из телевизионных передач скажет, что «в действительности это силы».

высшее и непознаваемое Божество¹³³) раскрывает им некоторые тайны, и на обратный путь наделяет их золотом, т. е. орудием власти, как материальной, так и духовной, — толкование может иметь место на различных уровнях.

Лишь Хаммади, победоносный герой, докажет, что с помощью золота можно осуществить великие и полезные дела <...>».

«На другом плане это золото есть также и знание, которое можно употребить во благо или во зло. Равным образом это высокая мудрость и царственность человека, подлинная царственность, которая позволяет человеку в лохмотьях не быть принижённым перед человеком в шелках. Золото неразруσιμο, и окись не может разесть его. Точно так же обстоит дело с душой человека, достигшего полной внутренней реализации. Именно этого человека называют «совершенным человеком» (*неддо* на языке фульбе, *маа* на языке бамбара)».

«В действительности обратный путь к миру людей представляет собой самую важную часть путешествия наших трёх героев. Их поджидают особые и решающие испытания, связанные с *употреблением*, которое они найдут для своего золота. Лишь Хаммади успешно пройдёт эти испытания, благодаря советам старичка в лохмотьях, — который не кто иной, как переодетый Каидара, — того, кому он будет готов отдать своё золото в обмен на обучение <...>».

«Как мы уже сказали, возможны многие уровни истолкования этой сказки, обладающей свойством быть применимой к любым обстоятельствам жизни для извлечения из них урока».

В ходе частных собраний Амаду Хампате Ба уточнял, что иные сказки могут иметь «до двадцати одной степени значений!» «Сказка, — добавлял он, — всегда рассказывается в настоящем времени. Рассказчик же олицетворяет собою «первого сказителя». И точно так же, как рассказчик отождествляет себя с персонажами сказки, слушатель должен проживать её в своей реальной жизни... Вы слушаете сказку начиная с семи лет, и все время вы слушаете, слушаете, слушаете сказку... Затем каждый наставник может давать вам толкования и объяснять, как прилагать сказку к реальным событиям таким образом, чтобы вы могли проживать её. Например, когда с вами что-нибудь случается, вам говорят: “Почему вы не ведете себя как Хаммади в сказке «Каидара» или Силе Садьо в повествовании «Кумен»?” Сказка являет эталон, показывающий, как следует поступать в жизни, на уровне как обыденном, так и духовном...

Когда в ходе своей жизни вы сталкиваетесь с каким-либо препятствием, следует попытаться понять, на каком символическом этапе рассказа о Каидаре вы находитесь».

Когда один из присутствующих спросил, к какому уровню нашего существа обращается такой тип сказки, Амаду Хампате Ба ответил: «Сказка обращается равным образом и к нашему высшему, и к нашему низшему существу. Просто нужно знать, в каком “моменте” вы находитесь, чтобы “усвоить сказку”.

В “Каидаре” именно внезапный порыв отказа от всего золота, полученного от самого Каидары, в конечном счете позволяет Хаммади выйти победителем из

всех испытаний. В мистическом смысле это позволяет показать, что духовная победа всегда достигается самопожертвованием, самоотречением, добровольной бедностью. Хаммади, жертвуя своим золотом, законным вознаграждением его поисков, спасает свою собственную жизнь, а в конечном счете получает и состояние большее, нежели отданное им».

Дабы проиллюстрировать эту позицию, Амаду Хампате Ба любил приводить в пример челнок традиционного ткача, ремесло которого, слагаемое тридцатью тремя операциями, «связано с символикой творящего (божественного) Слова, разворачивающегося во времени и пространстве». Челнок в правой руке. Правая рука думает, что обладает им; в действительности же ей не удастся удержать его, так как челнок должен быть переброшен в левую руку. И в то же время как правая рука обездолена, левая полагает себя в выигрыше. Но и ей не удастся удержать челнок: она должна отослать его от себя»... И вот именно в это-то мгновение, летучее и почти неуловимое, когда челнок устремляется из одной руки в другую, к полотнищу добавляется нить, и совершается постоянно возобновляемое таинство Творения.

«Имя жизни — *отдавать*», — говорил Амаду Хампате Ба, эхом вторя словам своего учителя Тьерно Бокара. Он пел нам старинную песню, приписываемую челноку ткача:

«Я лодка Судьбы.

Я прохожу меж рифов нитяных петель,

Что олицетворяют жизнь.

С правого берега я перехожу на берег левый.

Разматывая мои внутренности (нить),

Чтобы способствовать созиданию,
И вновь с левого берега я перехожу на правый,
Разматывая своё нутро.
Жизнь — это непрерывное движение.
Это вечная отдача самого себя»¹³⁴.

---

¹³⁴ «Живая традиция». — Histoire générale de Afrique, op cit, tome I, p. 191.

Дополнительные примечания к тексту «Каидара»

^{1*} *Манна (таппа)* — титул, которым некогда именовали посвящённых королей. Он даже становится именем легендарного прошедшего инициацию короля, которое мы встречаем в начале многих посвячительных сказок.

^{2*} «*Сделать твердыми горы*» — согласно мифу о сотворении мира, вначале горы были мягкими, как пальмовое масло, но Гено (Единый Бог, творящий и вечный) позволил «Кривому Царю» (солнцу) «отвердить» горы силой своего взгляда.

^{3*} *Хаммади* — у фульбе существует двойная система нареkania детей. Одна — профанная, когда родители дают новорождённому выбранное ими имя, обычно имя кого-либо из предков; другая — религиозная, используемая при совершении священных обрядов или инициаций. Для понимания текста небесполезно знать, что в сказках и легендах герои разделены на три категории:

а) *Хаммади* — прототип героя, «эталон», он известен всему своему селению, а селение, в котором он останавливается, тотчас же узнает о его прибытии;

в) *Хаммади-Хаммади* — «эталон эталонов», «образец образцов», еще более доблестный, чем первый, он знаменит в своей деревне и в своем краю; если он путешествует, соседние области без промедления узнают об этом;

с) *Хаммандоф* — посредственность, неудачник; даже его семья не замечает его отсутствия, а хозяин — его прибытия.

^{4*} *Перекрёсток* — пастухи фульбе ходят по разным дорогам. Каждый раз, когда они встречаются на какой-нибудь прогалине, они нарекают её «перекрестком встречи», или «резиденцией» (*он-допд — hondorde*), и место становится священным по выполнению строго определённого ритуала. *Силотиги* (*silotigi*), т. е. посвящённый в сакральное вступает в контакт с духами места посредством сновидения или используя особые растения. В зависимости от оккультной насыщенности места, оно становится стоянкой или перекрестком встречи на два, три, четыре или более дня. Ритуал выполняется под диктовку духа местности, а в жертву приносится пятнистая коза, баран или телец. Силотиги увидит соответствующее животное во сне или же оно будет указано каким-либо происшествием. Откровение может быть дано и какому-нибудь другому члену группы; силотиги может также истолковывать крики или движения горлицы, ибо «она является вестницей богов, а её сердце незлобиво».

^{5*} *Три дороги* — указание на триаду фульбе. В действительности существует три разряда пастухов: козопасы, овцепасы и волопасы. 3 является также очень эзотерическим числом, подобно 2, 7, 11 и 12 в инициациях фульбе. В одном только этом повествовании мы встречаем 3 путников, 3 камня жертвоприношения, 3 поклажи золота, 3 совета. Говорится, что 3 есть плод кровосмешения «его и его плоти», т. к. единица является гермафродитом и сочетается сама с собой, чтобы давать потомство.

^{6*} *Хамтудо* и *Дембуру* суть имена пленников, соответственно «пленника Хаммади» и «пленника Демба». С самого начала странствия персонажи, стало быть, различаются между собой, и всё их поведение отмечено знаком их происхождения. Только Хаммади нужен вести себя как человек благородный.

^{7*} *Три камня очага* (см. «три дороги») — здесь налицо аналогия с африканской кухней, т. к. очаг, о котором идёт речь, будет служить для «приготовления знания». Кроме того, семейная кухня является местом священным по аналогии с материнской утробой, которую называют «очагом, где готовят ребенка (или «мастерской Бога»)). Три камня «соединены котелком подобно тому, как в семье соединены отец, мать и дитя», три стержня между корнями подобны «коре, плоду и семени истины».

Точно так же и здесь три человека соединены приключением, этим совместным путешествием, предопределённой случайностью, угодной богам.

^{8*} *Страна Карликов.* Для фульбе существуют три страны:

1) *Страна ясного дня*, где обитают все видимые существа, люди, животные, растения;

2) *Страна сумерек*, где обретаются «сокрытые», существа невидимые, но способные к воплощению; среди них находятся и карлики, духи-пигмеи, окружающие Каидару. Это служители, часто появляющиеся в облике маленьких старичков с длинными бородами. Они не более трех локтей ростом, но обладают огромной силой; они полиморфны и зовутся *йааманажуужу* (*уаатапајиџи*);

3) Третья страна — это *Страна мертвых*, и она погружена в непроглядную ночь. Там обитают все души — как людей, так и животных и растений: ибо всё, что живёт, обладает душой, вот почему посвящённый никогда не срубит понапрасну дерево и не сорвёт незрелого плода, т. к. подобным действием он рискует «устроить женщине выкидыш».

^{9*} *Плоский камень* — олицетворяет два типа знания, экзотерическое (белая сторона) и эзотерическое (чёрная сторона). В другом аспекте белое может олицетворять высокую науку, а чёрное — чёрную магию.

Девять локтей его размера соответствуют девяти отверстиям человеческого тела и еще соотносятся с экзотерическим знанием (тогда как кормящая мать имеет 11 отверстий, и они уже принадлежат к области эзотеризма). Камень является треугольным, так как это напоминает об основной триаде фульбе. Наконец, он олицетворяет также и «три страны» (см. прим. 8): две стороны камня — это страны ясного дня и ночного мрака, тогда как его толщина представляет страну сумерек. В ходе инициации ученик вопрошает: «Как могу я перейти из тёмного в светлое, не переворачивая камня?» Учитель отвечает: «Ты должен обратиться в масло жабы», т. к. масло жабы проникает в камень. Точно так же человеку нет необходимости перемещать вещи, если он может проникнуть в их глубину посредством тонкости своего разума.

Этот камень, стало быть, является символом мироздания, символом двух наук и вратами пути, так как он обозначает границу между страной живых и страной карликов Каидары. Наконец, в космогонии фульбе он является первичной силой, из которой исходят десять остальных, вместе с ней образующих одиннадцать основных сил.

^{10*} *Девять ступеней* — в исламском эзотеризме спуститься на девять ступеней означало бы овладеть своими девятью чувствами. В эзотеризме фульбе здесь нет ничего, кроме еще одного косвенного указания на девять телесных отверстий. Впрочем, в другом месте А. Х. Ба отмечает, что это также и указание на девять костей черепа, символически олицетворяющие девять путей посвящения. Каждое из семи отверстий, находящихся в голове, является «входной дверью для одного из состояний существа или мира, охраняемого определённым божеством. Каждая дверь открывает доступ к новой внутренней двери, и так до бесконечности». («Понятие личности» в *Аспектах африканской цивилизации*.)

^{11*} *Лестница, ведущая вниз* — лестница всегда является символом продвижения в знании. Если она ведет к небу, то речь идёт о познании видимого мира; если же она уходит под землю, то речь, стало быть, о знании оккультном.

^{12*} *«Ты познаешь тогда, когда узнаешь, что ты не знаешь»* — главная максима для посвящаемого неофита. При посвящении гораздо больше слушают, чем спрашивают; терпеливо ждут, чтобы учитель закончил свой рассказ, так как однажды, по своему усмотрению, он объяснит все, что остается неясным.

Учитель намеренно испытывает терпение своего ученика, и вовсе не для того, чтобы подавить живость его ума, так как порою учитель, закончив свой рассказ, сам провоцирует вопросы, т. е. дискуссию. Но ученик должен научиться не прерывать его и «чувствовать», какой вопрос он может задать, а где следует промолчать. Это терпение на пути познания является условием *sine qua non*, это подлинное воспитание ума, и обретение его будет для учителя доказательством зрелости его ученика. Тем самым ему станет ясно, что тайны могут быть доверены посвящаемому, ибо последнему хватит необходимой сдержанности, чтобы не выбалтывать их.

^{13*} «*Моей тайной владеет Каидара...*» — здесь впервые с начала странствия путники слышат и узнают имя того, кто влечет их, имя бога золота и знания. Это может показаться странным, если придерживаться внешней логики рассказа: три человека в один прекрасный день выходят из своих жилищ, встречаются на перекрестке и позволяют вовлечь себя в одно из самых невероятных подземных путешествий по одному-единственному наущению некоего неведомого голоса. Почему, с какой целью, к кому, куда? Но слушатель, внимающий рассказу, прекрасно знает, кто такой Каидара и с какой целью посвящаются в его тайны. Не забудем также, что существует краткая версия этой сказки, которую можно рассказывать перед любой аудиторией.

^{14*} *Хамелеон, летучая мышь, скорпион* и т. д. — дабы сохранить ритм рассказа и интерес к нему, в ходе появления этих одиннадцати символов Каидары их значение не будет объяснено — прежде всего потому, что далее об этом позаботится сам рассказ, а также и потому, что поспешное объяснение уничтожило бы одну из особенностей инициации, о которой мы уже говорили. А именно: обязательность неспешного продвижения в знании и откладывания ответов на слишком поспешные вопросы.

^{15*} *Жалоба Хаммади* — это напоминание о трех основных чертах племени фульбе. Его отличают: восточное происхождение, занятие пастьбой горбатого рогатого скота, гостеприимство по отношению к чужеземцам, питание по преимуществу молоком и маслом, тесный союз с коровой. Следует упомянуть также понятие «благородной расы», к которой принадлежит Хаммади.

^{16*} *Варан* — из-за отсутствия в ходе дальнейшего рассказа объяснений, касающихся этого животного, мы попытались восполнить пробел (в слабой мере, конечно) небольшим перечнем сведений, относительно роли и символических значений, которыми эта занятая рептилия наделяется у соседствующих с фульбе народов, о чем и рассказывает Каидара. Оказывается, встреча с вараном в целом считается добрым предзнаменованием у племени бамбара. К слову сказать, бамбара и не едят варана, хотя едят ящериц. Кроме того, тело варана используется для составления некоторых снадобий, и его появление знаменует скорое исцеление страдающего от какой-то болезни. У народов марка варана

называют «змеей женщин», так как он совершенно безобиден: его считают одновременно и очень милым, и священным.

Наконец, отметим еще одну народную легенду, согласно которой варан, состарившись, превращается в змею о двух головах. Потому ли, что его хвост утолщается сверх всякой меры, или же ключ к объяснению таится в какой-нибудь другой, неизвестной нам легенде? И каков смысл такого превращения? Вопрос остается открытым.

^{17*} *Змея* — мы уже говорили о змеях в этой истории, и встреченные нами — это существа опасные и вредоносные. Отсюда далеко, однако, до того, чтобы полагать, будто эти рептилии имеют преимущественно отрицательное значение, которое придается им в европейских цивилизациях. В действительности же в большинстве африканских космогоний мы встречаем змею с очень положительной сакральной «нагрузкой». У догонов, эве, бамбара, бамунов, так же, как и у кисси, змея обладает космогоническим значением (у догонов и бамбара); а иногда она является божеством — покровителем народа и ей поклоняются как таковому (в Того и Дагомее).

Чаще всего змея играет важную роль в тотемизме. Мы знаем о священном питоне Самори-воителя, так же как и о маленькой чёрной змее кузнеца Камара Лэя. Она может быть королевской инсигнией, как у султанов в Камеруне. Или легендарным животным у бамилеке, как тот *нумеконг*, чье имя означает: «змея столь большая, что она преодолевает гору, даже не двигая своим хвостом»; она необычайно умна, а её горящее, словно фара, яйцо вожделенно как источник света.

^{18*} *Дрофа* — говорят, что это полигамная птица, потому что самца часто сопровождают две или три самки. Сильф, в ответ на вопрос Хамтудо, ограничивается тем, что сообщает о расхожих значениях символа дрофы в народной мудрости: «никогда не удаляется от земли», т. е. дитя никогда не удаляется от своей матери; «никогда не поднимается в воздух», т. е. ребенок никогда не бывает старшим, но становится взрослым. «Её не так-то легко поймать» — охотники имеют привычку говорить: «Я дрофа: меня голыми руками не возьмешь».

^{19*} *Гермафродит* — указание на понятие, очень часто встречающееся в космогонии африканских народов, где утверждается,

что человек изначально двупол. Для бамбара таков «фундаментальный закон творения», и каждое человеческое существо является одновременно и мужчиной, и женщиной — как телесно, так и духовно. К слову сказать, обряды обрезания мальчиков и девочек зачастую объясняют именно необходимостью отождествить ребенка с его видимым полом.

^{20*} *Старичок получеловек-полузмея* — гибридность, как, впрочем, и всякое увечье или странность, всегда очень значимы в африканских легендах. Ибо, если обычай и естественный порядок вещей поколеблены подобным образом, это не может быть напрасну. С другой стороны, гибридность имеет свои законы: так, в случае «животного-человека, сросшегося с животным-животным», далеко не безразлично, какая именно часть тела анимализирована — нижняя или верхняя, т. к. верхняя ближе к благородным проявлениям. В случае человека-змеи тот факт, что анимализированы ноги, является благоприятным знаком, т. к. он является «высшим в высшем». Иными словами, он обладает головой человека и, стало быть, является посвятителем, испытывающим путников. Но фульбе рассказывают также и о человеке с львиной (символом царственности) или бычьей (символом пастушеской инициации) головой. Этот закон, стало быть, не является жестким.

^{21*} *«...Сорок дней и сорок ночей»*: 40 — число сакральное. У фульбе, если бык имеет определённые пятна и живёт 21 год, погребение его длится 40 ночей. То же самое имеет место в случае человека, перешагнувшего возраст 105 лет. У бамбара при посвящении Комо в жертву приносят 40 коз, 40 лошадей, 40 быков. На языке бамбара 100 обозначается как «дважды 40».

^{22*} *«Смерть убивает всё живое, время пожирает смерть...»* — это ребус, который Хаммади разгадывает, демонстрируя тем самым, что он имеет понятие о фундаментальном дуализме природы. В человеке заключены жизнь и смерть, добро и зло подобно тому, как добро и зло исходят от самого Гено. Точно так же каждая вещь и каждое явление имеют свою положительную (дневную) и отрицательную (ночную) сторону. Противостояние левого и правого, противоположность кардинальных точек имеет ту же природу, так же, как противоположность полов, дня и ночи т. д. Хаммади не вдаётся здесь в подробности всех существующих ду-

альностей — он довольствуется тем, что показывает свое знание этого классического закона.

«*Воздух раздувает пламя...*» — здесь налицо метафора, которую поясняет Хаммади: ваше знание животворит наше желание знать.

«*Души творят молитву...*» — Хаммади отвечает: мы уже помолились, притом по обряду фульбе.

«*Праведные платят десятину...*» — Хаммади отвечает: мы заплатили десятину маслом (это доля, которую отдают бедняку или проезжему всаднику, чтобы почистить его лошадь). Иначе говоря: «Что касается ритуала, у нас всё в порядке».

«*Откуда вы пришли?*» — Хаммади отвечает: из капли спермы, упавшей в женское лоно (потаённую и плодородную полость).

«*Куда вы идёте?*» — Хаммади отвечает: к распаду, тлению, возвращению к истоку, т. е. разложению тела после смерти и возвращению в лоно матери-земли, из которого человек пришёл.

«*Кто вы?*» — Хаммади отвечает: сотворённые творения, но и сотворённые творцы. И в самом деле: двуногий человек создан Гено, но он является единственным существом, способным творить в силу своего разума (способностью изобретать вещи, доселе не существовавшие). Хаммади заключил: мы не ослабели в пути, т. е. мы выдержали все испытания и мы хотим продолжить свою инициацию у Каидары.

^{23*} *Тридцать два зуба*: это значит, что некто стал вполне взрослым и овладел всеми своими способностями. Жизнь человека олицетворяется дугой, разделённой на семилетние доли; вершиной её является возраст 63 лет, после чего его сила и умственные способности убывают.

^{24*} *Семь голов* соответствуют семи дням недели, семи звёздам Большой и Малой Медведиц, семи отверстиям на голове человека; *двенадцать рук* суть двенадцать месяцев года (в каббалистической традиции они обозначают также двенадцать ребер каждого из боков Адама); *тридцать стоп* соответствуют лунным месяцам, тридцати дням месяца.

Такой, каким он являет себя, Каидара мог бы олицетворять саму структуру времени. Вот почему он непрерывно вращается на своем троне и «изображает большое солнце», ибо, как говорят, именно солнце повелевает временем.

^{25*} *«Правильно употребите золото...»* — таково условие, которое ставит Каидара, прежде чем раскрыть смысл символов. Ибо *«только богатый может полностью проявить себя таким, каков он есть»*, у бедняка же для этого нет ни средств, ни случая. Несомненно, именно потому говорится также: *«Золото является троном мудрости, но если спутаете постамент знания с самим знанием, цоколь упадёт на вас и вас раздавит»*. Точно так же: *«Будьте всадником вашего богатства, но не его лошадью»*, ибо всякая вещь возвращается к своему первоистoku. Всадник всегда направляет своего коня; стало быть, поскольку золото происходит от огня, если оно правит вами, то ввергнет вас в огонь. Поскольку человек происходит от блаженства, если вы правите своим богатством, то вы вместе достигните блаженства.

Эти максимы подтверждают свою точность в ходе дальнейшего рассказа: бедняки поступали одиноково, но разбогатеи, они повели себя по-разному, и это доказывает, что Каидара не зря давал свой совет.

Золото — это самый эзотерический металл в силу его чистоты и неразрушимости: как говорится, *«из одного грамма золота можно сделать нить столь длинную, что её будет достаточно, дабы окружить деревню»*. Согласно мифу, его находят под одиннадцатую слоями почвы и различных минералов... Оно приносит счастье, будучи употреблено должным образом, т. е. для приобретения знания. В противном же случае оно приближает гибель своего владельца. Это, стало быть, двойственный металл, также заключающий в себе изначальный дуализм.

^{26*} *Контроль над своим телом* — в исламском ордене *Тиджания*, читая молитву, известную под именем *«Жемчужина совершенства»*, полагается сохранять полную неподвижность. Точно так же Тьерно Бокар, который осуществил синтез ислама и посвятительной традиции фульбе, мог сохранять такую позу во всё время своего поучения; тогда говорили, что он «чист и светел, как арахисовое масло».

^{27*} *«Я <...> опасаясь за твой рассудок»* — и в самом деле, Хаммади выглядит сумасшедшим, и это нормально, ибо мудрость посвящённого кажется безумием для обычного здравого смысла. Говорится, что есть три разновидности безумцев: тот, кто имел

всё и внезапно всё утратил; тот, кто ничего не имел и внезапно всё приобрел; наконец, тот, кто страдает умственным расстройством («скорбный умом», как говорили в России. — *Прим. пер.*). К этой народной классификации можно было бы добавить четвёртый тип безумца: того, кто жертвует всем, чтобы приобрести мудрость, как это непрестанно станет делать Хаммади, образцовый адепт.

^{28*} *Звезда* — у пастушеских народов её называют «звездой пастуха», но эта та же звезда, которую именуют еще «звездой пахаря», или «утренней звездой». И не она ли является также звездой посвящения, появляясь утром на востоке, а вечером на западе?..

^{29*} *Байло-Камму* — небесный кузнец: работник Гено, Байло-Камму является вождем кузнецов. Его кузница — это молния. Она находится в некоей горизонтально вытянутой туче, предвещая грозы. Вот почему при её появлении говорят, что Байло-Камму вернулся в свою кузницу. Когда хотят отвести грозу, заклания творит деревенский кузнец. (У фульбе существует священный союз пастухов и кузнецов (*дендираку*) и целый ряд запретов, связанных с общим мифическим происхождением...)

^{30*} *Река Сальду-Кеероль (Saldon-Keeiol)*, «пограничный поток» — путники возвращаются в страну видимых существ, но мы увидим, что один лишь Хаммади пересечет границу. В области эзотерического не прогуливаются безнаказанно, и если кто-то не умеет читать знаки и внимать скрытым предупреждениям, он соприкасается с явлениями слишком опасными для притуплённого и беспечного разума.

Урок, который можно извлечь из несчастья, приключившегося с Дембуру и Хамтудо, может быть таков: для этих двух человек, храбрых, но вульгарных, лучше было бы вообще никогда не отправляться в страну Каидары, т. к. они не обладали ни высоким интеллектом, ни нравственной силой, необходимыми для такого испытания. Приобретение эзотерического золота погубило их вернее, чем если бы они попытались разбогатеть своим собственными человеческими силами в мире, где действуют обычные для сынов Адама расхожие суждения. И это, возможно, больше всех приводившихся социологических аргументов оправдывает склонность

хранить Знание под спудом, раздавать его по каплям, дабы не рисковать расточить его, как это происходит ныне, дабы доверять его лишь достойным этого, ибо только они смогут должным образом применить его. Такой взгляд, очевидным образом противоположный современному западному подходу, можно, однако, понять, если задуматься о некоторых смертоносных и очень современных применениях «науки, утратившей высшее понимание».

^{31*} «С любовником...» — говорится: «Мужчина, который не ревнив, вовсе не мужчина», т. е. подразумевается, что человеку свойственно поддаваться ревности. Адюльтер жестоко порицается у фульбе; однако никаких санкций не предусматривается, и мстят третьему, а не женщине. Дело может дойти даже до убийства соперника. Но случается также, что люди действительно высшего уровня достаточно хорошо владеют собой для того, чтобы проигнорировать факт, и затворяют дверь, если им случайно довелось подсмотреть тайну «маленькой душистой юбочки».

^{32*} «Маленькая душистая юбочка» — супружеская жизнь строго регламентируется кодексом поведения, в котором изысканность жестов свидетельствует о тонкости чувств. Например, женщина должна душить, в противном случае она рискует «уподобиться мужчине» и разонравиться своему мужу. С другой стороны, женщина вправе потребовать объяснений, если муж в постели слишком часто поворачивается к ней спиной; в принципе, тот, кто хочет отвернуться, предупреждает другого, и просит у него позволения. Наконец, и сам сексуальный акт, который считается священным, также регламентируется строжайшим образом.

^{33*} *Кумбуру* — как существует семь предписанных имен для мальчиков, так их есть пять для девочек, так как идеальным количеством детей считается 12 (7 мальчиков и 5 девочек). Эти имена таковы: *Дикбó* — первородная, *Кумбá* — «та, что привязывает», *Пендá* — «плотная юбочка», *Дадбó* — «та, которая препоясывает чресла, чтобы хорошо работать»; и *Такбó* — «сросшаяся (с чревом своей матери)». Если появляется шестая девочка, её назовут *Дикодимбó* — (т. е. «еще раз Дико»). *Кумбуру́* же есть «увеличение» *Кумбá*, если последняя достаточно полненькая.

^{34*} *Мбилидио* — тот, кто преображает вещи, оккультный фокусник; *силатиги* — это иерофант у фульбе, хранитель пасту-

шеских тайн и глубоких знаний; *тиоринке* — «физиономист», знаток человеческой психологии, умеющий распознавать склонности человека по чертам его лица, по его манере ходить, смотреть, говорить и т. д.; *даггада* — маг. («Ни магия, ни богатство не плохи сами по себе, плохими или хорошими их делает то, как мы их употребляем», — так гласит пословица, которую приводит А. Х. Ба в «Живой традиции».) Таковы четыре степени тайных наук. Встречается также и *сукуний* — тип колдуна, о котором говорят: «Он способен сделать все, что видит». Но сукуний не имеет учителя, его способности дарованы ему природой.

^{35*} «*Четырнадцатью северными звёздами...*» — старый нищий указывает в этом заклинании на девять физических отверстий человеческого тела; в самом деле, 14 звёзд Большой и Малой Медведиц за вычетом пяти чувств дают в эзотерической нумерологии девять отверстий человеческого тела (см. Примечание 10*).

^{36*} «*В этом мире, что вечно движется...*» — с незапамятных времён фульбе знают, что мир движется, и не только в силу внутренних преобразований. Им известно и внешнее движение планеты: земля подвижна, она шагает (напомним об удивительной научной интуиции бамбара, согласно которой материя производна от концентрирующейся энергии). Многочисленные пословицы в упрощённом виде воспроизводят это понятие теллурического движения: «Мы движемся с тех пор, как движется земля», «Наш скот движется по земле, которая сама движется», «Тени шагают, и животные шагают по земле, которая тоже шагает, так почему бы и мне не шагать?»

^{37*} Земля, которая преобразуется вследствие взаимодействия её элементов — вода пожирает землю, земля вновь покрывает водоемы и т. д. Вот две песни на эти темы движения и преобразования земли.

«Земля движется маленькими скачками,
и тени смещаются.
Мои быки ходят туда и сюда.
Они топчут ползущие по земле тени,
которые движутся.
Так кто же может помешать мне
шагать вместе с ними?

Если они насытились, то больше не голоден и я.
Вело-Нана* слышит то, что я говорю».

* *Вело-Нана* — имя свидетельницы, любовницы или сестры.

«Я веду, я гоню моих мычащих быков.

А в это время земля разверзается.

Огромный провал

Разевает пасть, как пирóга.

А я говорю: ты не поглотить стадо брата Омму.

Поглоти же небо, если можешь!

Поглоти ветры, которые следуют своими путями в пространстве!

Если же я отступлю, то это не из страха, но чтобы
 сберечь мой скот,

Да и себя самого».

^{38*} *Семь свойств хамелеона* — перечисление (1, 2, 3) действительно существует в тексте фульбе. Здесь, быть может, как раз будет уместно сказать кое-что о числах, изобилующих, как мы видели, в данном повествовании. В обществе фульбе питают к числам явную склонность, но ими нельзя злоупотреблять. Так, никогда не назовут число своих детей или жён, количество рогатого скота, так же как и свой возраст, если знают его; напротив, охотно перечисляют вещи, непосредственно вас не касающиеся. Таковы уроки, темы, символы, которые надлежит истолковать. Почему же? Объяснение лежит в области анимизма: числа, как и имена, когда их называют, «смещают силы, образующие некий поток, подобно ручью, невидимому, но реальному». Называние числа или имени, близко касающихся вас, дает власть над вами. Доказательство? «Если ты слышишь, как незнакомец произносит твое имя, зовя кого-то другого, твоего тёзку, почему ты встревожен? Разве он тронул тебя? Вот это и есть поток». Слово всегда воздействовало на человека. Но если действенность слова велика, то сила числа её превосходит; ибо если существует знак, а слово объясняет его, то число, которое является совокупным произведением звука и знака, вскрывает его глубочайший корень. Оно, стало быть, разом мощнее и таинственнее.

Не будем вдаваться здесь в подробности этой «шифрологии», но можно представить несколько базовых и даже как будто рас-

хожих её элементов, необходимых для понимания постоянных аллюзий, присутствующих в данном рассказе. Вот почему мы пытаемся вкратце объяснить значимые числа, когда они возникают по его ходу.

^{39*} *Материнское самопожертвование скорпиона*, детеныши которого «бороздят бока самки и пожирают её внутренности, прежде чем родиться».

^{40*} *По форме облаков* также гадают, на что или на кого они похожи, или по тени, отбрасываемой ими на земле, в зависимости от их плотности (это могут быть небольшие холмы, волны, озёра и т. д.).

^{41*} *Молнии* тоже служат делу гадания. Но охотнее всего *силати* делают свои предсказания и творят свои заклинания на восходе или закате солнца, ибо тогда краски неба и облаков наиболее разнообразны, а создаваемые ими картины более всего исполнены значений.

^{42*} «...Разместились под водосточными трубами» — водостоков остерегаются, так как нередко рабы затаиваются там, чтобы подслушивать или в надежде быть облитыми ополосками священных королевских омовений, в результате чего становятся королями в свой черед, так как магические воды так же благотворны для раба, как и для королевского сына.

^{43*} *Женитьба* — у фульбе жену сами себе не выбирают. Её для вас выбирает дядя или отец, ибо «старец, сидящий у подножия дерева, видит горизонт лучше, нежели ребенок, взобравшийся на его вершину».

И есть четыре человека, которым фульбе никогда не может сказать «нет»: его отец, или тот, кто его заменяет (дядя, опекун), его учитель, его король и чужеземец, которого посылает ему Гено. Этот абсолютный закон, к слову сказать, послужил причиной заблуждений множества этнологов: когда чиновник посылал их к деревенскому вождю, то последний полагал, что по всем пунктам следует удовлетворить «гостя чиновника». В результате его люди или переводчик соглашались со всеми гипотезами, которые выдвигал иностранец, так как это был лучший способ обрадовать его. После чего чужеземец возвращался восвояси, полностью одураченный, но в восторге от своего опроса,

точно так же, как его хозяева были в восторге от его восторга и испытывали чувство удовлетворения от сознания исполненного долга.

Следовательно, нельзя отвергнуть жену, которую предлагает вам отец, пусть она вам даже совсем не пара. Тогда можно взять одну, две, десять других, пока не будут получены четыре свойства. Если они будут достигнуты вследствие одной или двух жён, то человек удовлетворится одной или двумя жёнами. Иначе он *«не сможет глаз сомкнуть ни ночью, ни днём»* и будет страдать от *«111 недугов»*, так как духи предков придут терзать его. Запрещается «дублировать» жену, обладающую этими четырьмя свойствами, под страхом подвергнуться одному несчастью в прошлом, одному в настоящем и одному в будущем.

Что до развода, то у фульбе он дозволяется обоим сторонам. Это не присуще соседним племенам. Так, он формально запрещён у малинкé, где жена вручается мужу с приданым, включающим «мотыгу, чтобы вырыть могилу для неё, верёвку, чтобы обвязать её труп, саван, чтобы обернуть её тело».

Дополнительное примечание. Впоследствии, когда А. А. Ба касался этой темы, он всегда говорил, что здесь вкралось какое-то недоразумение — при редактировании или вследствие недостаточной чёткости его собственного изложения. В действительности, как говорил он, у фульбе не было обычая иметь больше четырёх жён, а уж тем более десятерых. Он напоминал, что исконной традицией фульбе-пастухов была скорее моногамия, а полигамия распространилась у оседлых фульбе, особенно среди вождей или богатых людей. Потом она усилилась исламом, который разрешает иметь только четырёх жён.

^{44*} *Расточать драгоценное семя продолжения рода* — в самом деле, мы видели, что половой акт священен, ибо лоно женщины является мастерской Гено; через одиннадцать дней сперма достигнет места своего назначения, а когда ребенок выйдет на свет, его мать получит одиннадцать божественных сил через одиннадцать физических отверстий своего тела (на два больше, чем у мужчины).

^{45*} *Образ несчастного* — в самом деле, такой порок делает вас жалким, так как вы становитесь рабом инстинкта, который не

можете контролировать. В обществе, где высоко ценится самообладание, это истинное несчастье.

В символической схеме живых существ козёл олицетворяет также попытку осуществления союза между человеком и растением (он совокупляется с древесным пнем), подобно тому, как коралл занимает промежуточное положение между животным и растением, летучая мышь связывает птицу и млекопитающее, а обезьяна посредничает между человеком и животным.

^{46*} *Козёл как животное-тотем* — его называют «опорой» деревни. В деревне всегда есть козёл. Его не бьют и не обижают; он считается защитником деревни, ибо всякое случающееся в ней несчастье он перенимает на себя, как громоотвод перехватывает молнию (см. *козёл отпущения* у евреев). Чем более он бородат и смраден, тем больше его сила. Если он умирает, ищут такого же, чтобы заменить его. Этот же обычай мы встречаем у бамбара.

^{47*} *«Они хранят свою тайну...»* — оккультную или какую-либо другую. Всякая тайна имеет свое значение в своей зоне влияния, но особенно это относится к семейным или государственным тайнам. В одной из легенд адепт просит своего Учителя сказать ему подлинное имя Бога. Учитель вручает ему коробку со словами: «Имя Бога заключено там, внутри, береги же её хорошенько». Ученик уходит, восхищённый; но он не может унять свое любопытство. Слыша какие-то шорохи в драгоценной коробке, он открывает её, и оттуда выскакивает мышь. В смнении он возвращается к своему Учителю и рассказывает ему о происшествии. Учитель смеется над ним и отвечает: «Ты даже не способен сохранить в тайне мышь, и ты хотел бы, чтобы тебе доверили истинное, тайное имя Бога?»

^{48*} *«...Избранница хранит свою девственность...»* — если женщина посвящена какому-либо замыслу Гено, она должна оставаться девственницей, дабы приносить себя в жертву, и такое самопожертвование простирается от соблюдения целомудрия до отдачи собственной жизни.

^{49*} *Мудрый желает скорее учиться, чем учить* — такая позиция не является, конечно, общераспространённой, но старец вполне может признать ошибку. Ему этого не дают грубо понять, но его спрашивают: «Вам хорошо объяснили то-то и то-то?» или

говорят: «Видите, как я ошибался, я-то полагал то или это». Тогда старец отвечает: «Нет, это я ошибаюсь».

^{50*} *Символика тернера* — третий член указывает на два других, как ребенок указывает на своих парно-противоположных родителей, отца и мать, ибо он образует их «общий угол». У фульбе такое соотношение изображают рисунком, именуемым *йоободу* (*yoobodu*): мужчина и женщина пребывают в *йоободу* и встречаются в ребенке, вершине *йоободу*. Другой пример: тёплая вода, которая указывает на две своих крайних противоположности — горячую и холодную воду.

^{51*} *Кузнец и пастух* — намёк на миф о происхождении фульбе, легенду о *Буйторинге* (*Bouytoring*), предке фульбе в Западной Африке.

^{52*} *Новые воды потока следуют по прежним излучинам* — эта метафора означает, что привычка есть вторая натура. Это усиливает интуицию Хаммади, которая позволит ему угадать, что маленький старичок был не настоящим нищим, но вестником «тайного знания», переодетым посланцем, который идёт от двери к двери в поисках способного плодоносить духа и сердца, достаточно смиренного для того, чтобы ему можно было вручить это чудесное богатство, владелец которого может полностью растратить его, но при этом не утратить ни крохи, — знание. В самом деле, учитель может сообщить адепту всё своё знание целиком и не претерпеть при этом никакого ущерба. Какое же другое богатство на этой земле можно полностью раздать, не уменьшив его? Ведь сколь бы сказочно огромным ни было богатство материальное, если из него вычесть хотя бы полушку, оно уменьшится на ту же долю.

^{53*} *Девять физических отверстий* — указание на другую инициацию, именуемую *Коодаль* (*Koodal*), или инициацию «Лучистой звезды» (об этом рассказывает повесть А. А. Ба «Сияние великой звезды»).

Мистерия фульбе

«Каидара» — один из мифологических текстов, записанных со слов Амаду Хампате Ба, при участии французских африканистов. Амаду Хампате Ба — выдающаяся личность, один из просвещёнейших представителей своего народа, поэт, писатель, ученый, дипломат, автор многочисленных публикаций, хорошо известных и широкой европейской аудитории. В 60-е годы прошлого века он был послом Мали в ЮНЕСКО.

Амаду Хампате Ба — человек, обладавший высочайшей репутацией, выходившей далеко за пределы Африки. Людей, подобных ему, в Африке единицы. Назовём здесь, пожалуй, имена лишь двух знаменитых сенегальцев — президента и поэта Л. С. Сенгора и ученого и общественного деятеля Шейка Анта Диопа.

Можно с полным основанием утверждать, что Амаду Хампате Ба принадлежал одновременно четырём культурам. Он представитель народа фульбе, чью культуру он прекрасно знал и как ученый, исследователь. Принадлежа к мусульманскому ордену Тиджанийя, он глубоко был знаком и с исламской традицией, о чем свидетельствуют, в частности, его переводы Корана на язык фула (т. е. язык народа фульбе). Амаду Хампате Ба считают также выдающимся франкоязычным писателем, обладавшим прекрасным стилем и оригинальной писательской манерой. Впрочем, его произведения на французском языке имеют в качестве своей основы африканский фольклорный материал. Кроме того, он прекрасно знал традицию соседнего с фульбе народа — бамбара.

В возрасте 42 лет Амаду Хампате Ба прошел обряд посвящения, в результате чего получил доступ к сакральным знаниям. Именно благодаря Амаду Хампате Ба африканистика обогатилась уникальнейшими материалами, чрезвычайно редко попадающими в руки европейских исследователей. Речь идёт о текстах, услышанных им из уст фульбского жреца. Пожалуй, это редчайший случай не только в африканистике, но и в мировой литературе, когда представитель аборигенной культуры, прошедший обряд посвящения, к тому же приобщённый к ценностям западной цивилизации, приоткрывает тайны, обычно закрытые даже для непосвящённых членов своего социума.

Фульбе — многомиллионный удивительный народ Западной Африки с интересной исторической судьбой, о котором стоит рассказать подробнее. Фульбе не принадлежат к автохтонному населению тех районов, где они проживают в настоящее время. Это народ очень своеобразный, во многом не похожий на своих африканских соседей, и чрезвычайно озабоченный тем, как сохранить свои отличия. Уже одно это обстоятельство не может не интриговать ученых. Складывается впечатление, что их главная забота — не раствориться, не потеряться в чужой среде. Возможно, во многом именно поэтому им удалось в значительной степени сохранить многие черты своей древней культуры и свой тип, которым они так гордятся.

Фульбе — не единый народ, а совокупность отдельных групп, проживающих на территории ряда африканских государств. Основная масса фульбе проживает в Западной Африке. Однако ареал их расселения гораздо шире. Он охватывает огромную зону, простирающуюся от южной границы пустыни Сахары на севере до влажных тропических лесов на юге, от устья реки Сенегал на западе до Голубого Нила на востоке. Наиболее значительные по численности группы фульбе проживают в Сенегале, Гвинее, Мали, Нигерии, Камеруне, Нигере. Фульбе — скотоводы, причём в прошлом все без исключения — кочевники. Они разводят коров, овец и коз. В наши дни значительные группы фульбе перешли к оседлому образу жизни. Но и оседлые фульбе сохранили унаследо-

ванную ими от предков особую привязанность к своим домашним животным.

Фульбе уже с давних времен привлекают к себе внимание исследователей. Однако более или менее постоянный интерес к этому народу складывается с конца XVIII — начала XIX вв., когда в глубинные районы Африки начинают проникать французы, англичане, а вслед за ними и немцы. Фульбе к тому времени уже создали ряд влиятельных государств и, следовательно, были в политическом отношении одним из наиболее организованных народов. Поэтому они одним из первых народов этой части Африки привлекли внимание европейских исследователей и путешественников.

Существует внушительное число самых разнообразных описаний этого народа. И всё же, несмотря на кажущуюся его изученность, многие связанные с фульбе проблемы и научные загадки до сего времени остаются без ответа. Не решена и, видимо, вряд ли получит своё решение в обозримом будущем давно привлекающая учёных проблема происхождения фульбе. Действительно, никто пока точно не может ответить на вопросы: откуда и когда фульбе пришли в Западную Африку? Где и когда сложился их язык — фула? Мы даже точно не знаем, сколько сейчас фульбе в Африке, что во многом объясняется огромным разбросом районов расселения этого народа.

Фульбе значительно отличаются от своих соседей прежде всего внешне — своим необычным антропологическим типом. Некоторые из современных исследователей считают, что фульбе — эфиопоиды, впрочем, другие специалисты полагают, что они — европеоиды. Другими словами, фульбе не негроиды, как все окружающие их народы.

Отличает их, в частности, более светлый цвет кожи. Судя по легендам, сами фульбе считают себя «белыми». А некоторые тексты называют их «красными» или «краснокожими». (Любопытно, что библейский Адам, судя по некоторым данным, также был «краснокожим».)

Впрочем, не все фульбе имеют более светлый цвет кожи. Многие группы этого народа в результате контактов с местным

населением подверглись значительной метисации и имеют немало негроидных черт. Поэтому в наши дни целесообразно говорить не о едином «фульбском» типе, а многочисленных группах, некоторые из которых характеризуются ярко выраженными негроидными чертами.

Однако все фульбе помнят об исконном физическом типе, который для них является одной из главных их отличительных примет. Более того, исконный «фульбский» тип существует не только в памяти народа. Как отмечают исследователи, в наибольшей степени «фульбский» тип сохранился прежде всего среди кочевых групп; кочевники, и в наши дни ведущие изолированный образ жизни, в меньшей степени затронуты — а некоторые группы практически не затронуты — процессами метисации, именно поэтому они в некотором отношении могут рассматриваться как носители древнего расового и культурного типа фульбе.

Так, антропологический тип сближает их не только с эфиопами и нилотами, живущими на северо-востоке Африки, но, принимая во внимание исследования французского ученого П. Верно, и с древними египтянами.

Фульбе — единственные скотоводы в окружении земледельческих народов. Ближайшие от них скотоводы — туареги Сахары, занимающиеся разведением верблюдов. Скотоводческий тип хозяйствования определяет многие специфические черты в культуре фульбе. Это очень хорошо ощущается в их мифах, в которых содержится «сердцевина» культурного типа народа.

Фульбе, самобытность которых осознают не только они сами, но и их соседи, — «пришлый» народ. По образному выражению А. Брандта, эти «одинокие номады» везде воспринимаются как «пришедшие откуда-то».

В настоящее время существует огромное число теорий и гипотез, в том числе самых фантастических, связанных с происхождением этого африканского народа. Например, высказывались мнения о том, что фульбе — потомки римских легионеров, осевшие в Северной Африке, а оттуда перекочевавшие

в Западную Африку. Возводили фульбе также к цыганам, древним баскам, индийским брагуи и т. п.

Современные исследователи сходятся в том, что в Западную Африку, в места своего нынешнего расселения, фульбе, точнее — «прафульбе, пришли откуда-то с востока или с северо-востока. Этнокультурная память народа хранит воспоминания о пребывании во многих районах, прилегающих к Западной Африке. Так, согласно устным историческим легендам сенегальских фульбе, в первые века предки фульбе находились на территории современной Мавритании, где они жили в тесном контакте с предками народов серер, волоф и тукулёров. К несколько более позднему периоду легенды относят появление фульбе в нижнем течении реки Сенегал и в средней излучине Нигера (совр. государство Мали). Эти два ареала представляют собой этнокультурные очаги, которые впоследствии явились центрами «иррадиации», т. е. распространения, групп фульбе по суданской зоне (имеется в виду Западный Судан, или Западная Африка) в восточном направлении.

Легенды фульбе также указывают, не давая, конечно, точных координат, на северо-восточное направление. Упоминаются разные области, например, Северная Африка, Египет, Синая, Йемен, Аравийский полуостров. Бесспорно, легенды, особенно легенды о происхождении народа, несут в себе определенную информацию, которая может пролить свет на историческую загадку фульбе, в течение многих столетий находившихся в непрерывающихся странствиях.

Известный исследователь Д. У. Джефрис полагает, что фульбе восходят не к единому этносу. По его мнению, их предки проживали в зоне Северной Африки, примыкающей к Средиземноморью. Там они входили в состав сложной этнической общности, представленной многочисленными этническими элементами, которые впоследствии дали начало многим народам.

В литературе фульбе обычно представлены как мусульмане, притом активные приверженцы ислама, немало способствовавшие его распространению в Западной Африке. В сторо-

не от мира фульбе-мусульман, создавших ряд крупных и влиятельных государств, остались значительные группы их соплеменников-кочевников, сохранивших верность древнейшим верованиям и обычаям.

Кочевых фульбе много и в наше время. С огромными стадами они кочуют по сахельским* районам Сенегала, Мавритании, Мали, Нигера, Нигерии, Камеруна, Того. Общее их название — бороро, которое обычно возводят к слову, означающему на языке фула «люди саванны». В течение длительного времени они оставались как бы не замеченными для науки. И это не удивительно, поскольку целью первых европейцев — путешественников, миссионеров, исследователей — были преимущественно города, находившиеся в государствах. Поэтому в поле их зрения попадали, конечно, оседлые фульбе. Кочевники, лишь изредка посещавшие города и деревни, главным образом рынки, оставались за пределами внимания европейских наблюдателей. Напротив, в наши дни отмечается заметно возросший интерес именно к бороро.

Аборигенные культуры — а к ним можно с полным основанием отнести и традицию фульбе — чрезвычайно интересны сохранившейся в них информацией, которая оказалась рассыпанной во времени и по огромным пространственным зонам Земли. Следует научиться «считывать» эти сведения, как правило, не лежащие на поверхности и проявляющиеся то в неких знаковых схемах, удивительным образом повторяющих хорошо известные сюжеты и мифологические реалии, то в орнаментах и узорах на посуде и одежде, то в именах божеств, напоминающих имена великих богов цивилизаций древности.

Существует много оснований полагать, что в настоящее время возникает новая наука, точнее — новое знание о Человеке, которое складывается на основе данных из разных культур, филологии, религиоведения, сравнительной мифологии, психологии. Не удивительно, что люди начинают проявлять всё возрастающий интерес к древним и аборигенным культурам, а также к

---

* Сахель — южная граница пустыни Сахара.

тайным, эзотерическим учениям, сохранившим «сердцевину» Древней Мудрости. Более того, жизнь этого Вечного Знания продолжается в современных эзотерических учениях. Так что чем больше мы знакомимся с аборигенными культурами, тем больше мы продвигается на пути постижения самих себя.

Совершенно очевидно, что в культуре любого народа есть некие ключевые ноты, непосредственным образом связанные с его своеобразием.

Фульбе, которые хорошо осознают, что их прародина находится далеко за пределами Западной Африки, хорошо ощущают свои отличия от соседних народов. Более того, по свидетельству специалистов, они боятся раствориться в чужой среде. Этот страх, пожалуй, является одной из ключевых нот в их культуре.

Вообще давно замечено, что иноэтническое окружение, особенно в конфликтных ситуациях, способствует консервации традиционных форм и духовной, и материальной культуры, а вместе с тем — и этнических признаков.

Что же означает страх фульбе, их нежелание быть поглощёнными инокультурной массой? Я вижу здесь, во-первых, что фульбе действительно не являются аборигенами этих районов Западной Африки. И, во-вторых, это говорит о том, что их культурный тип сложился давно и прочно укоренился в сознании народа.

Осознавая свою самобытность, они тем самым как бы ощущают свою связь с той пространственно-временной зоной, которая является исходной точкой в их путешествии в Мире, а точнее — с той культурной традицией (или традициями), осколками которой они, возможно, являются в этой части Африки.

Другой, не менее важной нотой, своего рода ключом к пониманию культуры и духовной сущности фульбе, является их особое отношение к слову. Дело в том, что именно слово является доминантой культуры этого народа, которая имеет, как признают многие исследователи, в том числе Амаду Хампате Ба, исключительно интеллектуальный характер и проявляет себя не в сфере материального производства, а преимуще-

ственно в области словесного искусства. В отличие от своих соседей фульбе остались в стороне от ремёсел: они не работают по дереву, коже или металлу, не ткут, не лепят горшки. Их творческий гений реализовался прежде всего в духовной сфере. Слово — вот что составляет цель и средство самовыражения этого народа.

Другим таким проводником в мир культуры является миф, в котором в наиболее «концентрированном» виде отражаются элементы культурной модели народа, т. е. все особенности его поведения, творчества и мировоззрения. Причём миф здесь понимается не просто как обычный текст, близкий к сказке или легенде, а как своего рода матрица, первичная «прасхема», которая включает в себе мотивы и сюжеты, существующие ещё как бы в непроявленном виде и реализующиеся на уровне слова. Это, в конечном счете, древняя Мудрость в свернутом виде, в различных культурных традициях часто отождествляемая с сакральной формой.

Кочевое скотоводство, представляющее исконный тип хозяйствования для данного народа, относится к ядерным элементам культурной модели фульбе. Пасторат, т. е. пастушество и всё, что с ним связано, в значительной степени определяют главные особенности их духовной и материальной культуры. Даже оседлые фульбе, как уже отмечалось, сохранили привязанность к скоту, а соответственно — к наиболее древним особенностям своей культуры. Темы, связанные с пасторатом, пастушеские реалии буквально пронизывают мифологию и фольклор народа. Основные их обряды являются скотоводческими по своему содержанию и очень не похожи на обряды соседних, земледельческих народов.

Важным элементом для понимания особенностей культуры фульбе является то, что они не представляют собой однородный народ на уровне социума. Дело в том, что в созданных ими государствах собственно фульбе заняли господствующее положение на высших ступенях социальной лестницы. Фульбе, составлявшие ядро населения, всегда — свободные граждане и «благородные», т. е. «благородного» (независимого)

происхождения. Кстати, понятия свободы и благородства, благородного происхождения имеют особое этнокультурное значение в традиции фульбе. Эта тема часто звучит в мифологических и фольклорных текстах.

Римбе, т. е. свободным фульбе, противостояли, с одной стороны, люди каст, представленные выходцами из других народов, с другой — различные группы зависимого населения — сервы и пленники, которые также не являются фульбе. Кстати, пленников фульбе часто называют рабами. Но рабства в классическом понимании в обществах фульбе не было. Речь идёт о так называемом «домашнем рабстве»: рабы, которые через одно поколение становились вольноотпущенниками, приобретая тем самым более высокий социальный статус, являлись, в сущности, членами клана фульбе. Раб, или пленник, получал патрилинейное имя клана своего хозяина, работал на него, имел вознаграждение за свою работу и не мог быть продан. Но он мог сам себя выкупить, и, как отмечает известный французский исследователь А. Гаден, это происходило весьма часто. Он приобретал свободу, но, как правило, предпочитал оставаться подле своего бывшего хозяина, полагая, что иначе с ним может произойти несчастье. Характерно, что многое из этих сложившихся на протяжении длительного времени отношений фульбе и их рабов, сохранилось и в наши дни. До сих пор и тех и других связывают особые узы, отношения какого-то своеобразного единения.

Касты у фульбе, как и у других народов Западной Африки, — это профессиональные группы: они объединяют людей по профессии, которая обычно носит наследственный характер. Для каст существуют определённые ограничения в системе брачных отношений; в большинстве своём они характеризуются эндогамией; иначе говоря, браки внутри этих каст заключаются преимущественно между членами одной и той же касты; браки людей каст и «свободных» фульбе, как правило, исключены. Люди каст, как и представители сервильного населения, говорят на фула. Впрочем, для каждой касты характерен свой особый этносоциальный диалект.

В обществе фульбе касты составляют представители таких этносов, как, например, малинке, сонинке, волоф и др. Эти народы в течение веков жили в тесном взаимодействии с фульбе и оказались вовлечёнными в сферу их политической, экономической и культурной жизни. Эти этносы, ассоциированные с культурой фульбе, составляют вместе с фульбе единую суперэтническую общность. Суперэтнос (а отсюда — суперэтнический) понимается здесь как общность нескольких этносов, не обязательно связанных общим происхождением, живущих на одной и той же территории и находящихся в тесных контактах друг с другом.

Таким образом, в государствах, созданных фульбе, ядро социума составляли собственно фульбе, а его периферию — представители других этносов. Включив в состав своего социума многочисленные инокультурные элементы, оседлые фульбе-мусульмане открыли тем самым путь для проникновения в их культуру иных культурных традиций.

Исследователи полагают, что в наиболее чистом виде культурный тип фульбе характерен для бороро Нигера, которые остались наиболее независимыми. Их физический тип в наибольшей степени близок к антропологическому архетипу фульбе. А. Брандт, который провёл пять месяцев среди бороро Нигера, уверен, что именно эти группы менее всего отошли от «пути» — пулааку своих предков.

В определённом смысле можно утверждать, что в основе этнокультурного кода фульбе лежит триада. Как и у других народов, числа играют важную роль в системе мировоззренческих представлений фульбе. Как пишет Амаду Хампате Ба, «число — узел тайны». Многие явления культуры связаны друг с другом через числовые соотношения. Одно из сакральных чисел — три. По словам того же Амаду Хампате Ба, фульбе мыслят триадами, которые буквально пронизывают всё мироощущение этого народа.

Триады обнаруживаются на всех уровнях культуры и жизни фульбе. Так, весь народ — в зависимости от разводимого скота — делится на три категории: фульбе, разводящие козлов, фульбе-овцеводы и фульбе-козоводы.

Весь этнос фульбе подразделяют также на три большие социальные группы: «фульбе посоха»*, т. е. пастухи, «фульбе копыа», т. е. воины, и «фульбе книги», т. е. учёные. Более древним соответствием третьей группы является категория жрецов. Данные три категории включают в себя только так называемых «благородных» фульбе, т. е. свободных от рождения. Это деление фульбского социума на три группы как будто служит иллюстрацией учения Ж. Дюмезиля о трёх социальных функциях (жреческой, воинской и общинной) и их влиянии на развитие религии, мифологии и эпоса индоевропейских народов.

Согласно другой, уже упоминавшейся классификации, в которой, в отличие от предыдущей, речь идёт обо всех группах, составляющих общество фульбе, есть «свободные» фульбе (фульбе-обладатели скота), зависимые от них сервы, т. е. земледельцы, и люди каст (ремесленники).

Существуют три категории жрецов фульбе. Это — силати-ги, главный жрец культа, гандо, хранитель знаний, и мбилед-жо, т. е. маг. Каждая из трёх категорий жрецов соотносится, с одной стороны, с определённым этапом инициации (посвящения), соответственно — со степенью знания, с другой — с одним из трёх видов скота. Инициация пастуха делится на три этапа: «ступень козла», являющаяся низшей ступенью, «ступень барана» — средняя, и «ступень быка» — высшая ступень.

Гриоты, профессиональные певцы-музыканты, также представлены тремя различными группами. Фульбе выделяют сказителей, певцов и «традиционалистов», т. е. «хранителей генеалогий».

Согласно мифам фульбе, Мир имеет трёхчленное деление; он делится на три мира, три главных отличия которых проходят по следующим линиям, или параметрам: свет/тьма, время и «обитатели». Первый мир — мир сумерек, это «вчера», его населяют духи. Второй мир — мир света, это — «сегодня», мир людей. Третий мир — мир тьмы, мир глубокой

---

* *Посох (или палка) пастуха* — символ пастушества.

ночи, это — «завтра», мир, который населяют души умерших людей, животных и растений.

В мифологии фульбе символом триады является камень треугольной формы, олицетворяющий также три мира. Отметим попутно, что представление о камне как носителе сакральной информации является очень важным и встречается во многих мифологиях мира.

Нельзя представить себе фульбе без скота. Сами они посмеиваются над собой, выражая своё пристрастие к коровам в следующей поговорке: «Маленький краснокожий пулло присосался к своей корове, как клещ». Кстати, в этой поговорке содержится очень ёмкая формула самобытности фульбе. Как остроумно заметил Амаду Хампате Ба, козы, овцы и коровы, с одной стороны, и их хозяева, с другой — почти братья. А если посмотреть на них ещё внимательнее, то станет ясно, что это фульбе созданы для того, чтобы служить своим животным, а не стада скота — чтобы приносить пользу фульбе. Коровы для фульбе — их родственники. Об этом свидетельствует, в частности, характерная для мифологических представлений фульбе система магиико-символических соответствий, отражающая, пожалуй, главную идею фульбе — понятие слитности, нерасчленённости всего сущего, составляющее базу всей культуры народа

Согласно системе коррелятивных связей, различные масти коров соотносятся с определёнными родами, на которые распадается народ. Основные роды, или кланы, фульбе — Дяль (Диалло), Ба, Со и Бари. «Родство» фульбе и их коров выражено в символических отношениях, связывающих четыре рода народа, четыре основные масти коров, четыре первичные элемента и четыре страны света. Итак, в этой системе корреляций между элементами её устанавливаются следующие отношения:

Дяль — жёлтая масть — огонь — восток
Ба — красная масть — воздух — запад
Со — чёрная масть — вода — юг
Бари — белая масть — земля — север

А вот как в поэтической форме представляет связи, соединяющие цвет и страны света, мифологический текст «Кумен»:

*Восток сияет жёлтым светом;
Красный запад корчится в крови;
Прячется юг в чёрных лесах;
Земли севера, с их прекрасными пастбищами,
населены белыми людьми.*

Количество скота, которым обладает пулло, является главной его социальной характеристикой: оно символически представляет ценность самого человека, точно так же, как для женщины-пулло важной характеристикой является количество её посуды. Принимая во внимание любовь фульбе к своему скоту, не стоит удивляться, что самая презируемая профессия в их обществе — мясник.

Характерно, что фульбе практически не забивают свой скот. Например, у кочевников Нигера это разрешается лишь в трёх случаях: по случаю церемонии наречения ребенка, свадьбы и гереволь, очень своеобразного праздника мужской красоты. Основу питания фульбе составляют молоко и молочные продукты. Фульбе, бороро в частности, никогда не говорят, сколько у них коров. В этом, конечно, также проявляется особое отношение фульбе к мистике чисел.

Бороро (пулло-кочевник) привязан к каждой из своих коров, но особенно к тем, которые восходят к линиям коров-прародительниц. Фульбе-кочевники, в частности, водабе Нигера, считают своим долгом знать не только свою генеалогию, но и родословную своих коров, которая, кстати, может быть очень длинной. Телёнок, независимо от пола, обычно получает имя своей матери. Таким образом, он, с одной стороны, находится в системе родственных связей, соединяющих его с определённой линией коров, с другой — через космосоциологические связи он оказывается членом соответствующей группы фульбе.

Для культурной традиции фульбе характерен своеобразный культ Природы, понимаемый здесь не в религиозном пла-

не, а скорее в смысле поклонения и почитания Природы. Существенной частью культа Природы является особое отношение фульбе к змеям. Есть достаточные основания полагать, что фульбе являются, точнее — были, змеепоклонниками. Сохранилось много данных, свидетельствующих о существовавшем в прошлом культе змей. Фульбе связаны со змеями особыми связями: каждый род имеет в качестве своего табу (своего рода тотемного представителя) определённый вид змей. Согласно мифам как западных, так и восточных кочевых групп, Змей является предком фульбе. Он передал им коров, выполнив, таким образом, функции культурного героя. Характерно, что по некоторым версиям легенд, коровы — порождение того же Змея.

Есть основания говорить также и о характерном для традиции фульбе культе Красоты. Особое отношение фульбе к красоте проявляется буквально во всём, что отражается в самых различных сторонах их жизни. Физическая красота является частью их исконного типа. Считается, что настоящий пулло обязан быть красивым. С точки зрения восточных кочевых фульбе, истинный бороро (пулло-кочевник) должен иметь светлый цвет кожи, тонкое тело, прямой нос, высокий лоб (для этого его бреют), гладкие, т. е. не курчавые волосы, длинную шею, большие глаза и белые зубы. По словам А. Бранда, бороро не разрешают своим детям пить молоко, так как считается, что оно может повредить эмали зубов. Матери обязаны правильно привязывать ребёнка к спине, чтобы его ноги не стали кривыми.

Самый главный праздник бороро — гереволь, праздник-конкурс. Это специальный праздник красоты, который проводится в период дождей, когда встречаются вместе все члены группы. Подобные встречи необходимы для поддержания целостности коллектива. Но, пожалуй, всё же именно красота является главным мотивом, главной темой подобных праздников, во время которых самые красивые девушки выбирают себе в мужья самых красивых юношей.

Фульбе обожают украшения, притом непременно из золота, жемчуга и, реже, из серебра. Женщины фульбе никогда не

позволят себе надеть украшения из «простых» металлов, стекла и прочей мишуры. Очень характерная деталь, которую подметила исследовательница Ж. Деланж: маленький мальчик пастух-бороро, одиноко пасущий своё стадо, возможно, даже голодный, но на его шее непременно красуется ожерелье из крупного жемчуга.

Золото — главный материал для украшений фульбе. Это — так сказать, на профанном, т. е. обыденном уровне. А на сакральном уровне, золото, которое фульбе называют «королевским металлом», имеет, как они уверены, мистические свойства. Оно, как считают фульбе, связано со знанием и Светом.

Женщины фульбе славятся своей красотой во всей Африке. Известны случаи, когда видные политические деятели из других стран специально приезжали на Фута-Джаллон, где живут гвинейские фульбе, чтобы найти себе жену. Не удивительно, что женщины фульбе очень внимательны к своей одежде, они любят благовония, которыми охотно пользуются. Отмечают также, что они без конца моются. Прежде чем лечь в постель, женщина-пулло непременно умастит себя благовониями.

Все исследователи отмечают своеобразный аристократизм внешнего вида фульбе. Благородство проскальзывает буквально во всём: в манере держаться, походке, в их жестах, медленных и грациозных, выражении лица, обычно строгом и несколько отрешённом. Женщины запоминаются своей горделивой, царственной походкой. Фульбе сдержанны в проявлении эмоций, в танцах, песнях. Представители соседних народов кажутся им некрасивыми и чересчур болтливыми.

И, наконец, третий в триаде культов — культ Знания. Уважение к знанию проявляется, прежде всего, в существовании института жречества. Жрец, хранитель знаний, — значимая, священная фигура в социуме фульбе. Благодаря институту жречества этот народ обладает обширными знаниями, которые является объектом тщательного сберегания.

Некоторые мифологические тексты, например, «Каидара» и «Свет Великой Звезды», утверждают, что основная ценность

в жизни — знание. В сущности, знание, вернее, стремление к знанию, является их фабульной основой.

Каидара, один из очень интересных персонажей мифологии фульбе, является одновременно богом знания и золота. Эти две его функции свидетельствуют о том, что в системе ценностей данного народа знание и золото эквивалентны. Я полагаю, что отношение фульбе к золоту, знание и понимание его сакральных свойств, сближает их культуру с великими цивилизациями древности. Очень важная деталь: Каидара, бог золота и знания, которого мифологические тексты представляют сидящим на огромном троне из чистого золота, живёт глубоко под землёй. Главные герои текста «Каидара» совершают подземное путешествие к месту его пребывания. В древности люди были уверены, что глубоко в земле находится древняя золотая жила, являющаяся проводником знаний, идущих как из Небес, так и из недр Земли. Три героя мифологического текста «Каидара», из которых только один настоящий пулло — Хаммади, два другие — люди каст, совершают длительное, полное испытаний путешествие. В результате каждый из них получает по три груза золота, т. е. всего девять грузов. Но только Хаммади должным образом использовал его: с помощью золота он получил знание, которое и было главной целью его странствия.

Смысл другого текста — «Свет Великой Звезды» — заключается в не менее замечательной истине: знание важнее всего, оно превышает власти и почестей. Фульбе глубоко уверены, и об этом говорят мифологические тексты, что правитель должен обладать огромными знаниями. Чтобы стать правителем, человек должен долго и упорно учиться. В сущности, это целая концепция власти: управлять могут лишь мудрые. Таким образом, речь идёт о власти лучших из лучших. Характерно, что ардо, правитель, в обществе кочевых фульбе, только даёт советы. Тема «мудрого правителя» составляет содержание обрядов посвящения в правители, которые по своему содержанию практически совпадают с посвящением в жрецы. «Свет Великой Звезды» — текстовая основа такого обряда.

Знание, как и в культуре других народов, ассоциируется у фульбе со Светом. Свет Великой Звезды, о котором говорится в одноименном тексте, — это свет Каидара, бога знания, посылающего весть — Звезду, освещающую путь неопиту — будущему правителю Диом-Дьери. По мнению Амаду Хампате Ба, это «Звезда пастуха», которую он отождествляет со Звездой, упоминающейся в Библии и Коране. Главный герой текста «Свет Великой Звезды» Диом-Дьери, который, кстати, является внуком Хаммади из текста «Каидара», успешно проходит все испытания и становится идеальным правителем.

Здесь мне хочется высказать несколько своих предположений по поводу этимологии существующего в языке фула названия для обозначения золота — кане (или канне). В этом названии *кан-* (от **ка-*; вторая часть *-е* является суффиксом), возможно, восходит к *Ка*, важному понятию в древнеегипетской мифологии. *Ка* — это не только одна из душ. Это понятие гораздо шире; древние египтяне включали в него также представление о божественной энергии, являющейся частью «Я» человека. Я предполагаю также, что имя бога Каидара связано со словом кане, «золото».

Мне не кажется очень убедительным предложенное Амаду Хампате Ба толкование имени Каидара. Он переводит его буквально: «Стой там», «Остановись там» (или «Дальше не ходи»). Я думаю, что, впрочем, не исключая и версию Амаду Хампате Ба, здесь можно усматривать связь с концепцией *Ка*, которая была известна не только древним египтянам. Имя *Каидара*, может быть разложено на следующие составные часть *кай-* (**ка-*) и глагол *даара* (в большинстве других диалектах — *ндаара*), имеющий многочисленные значения, из которых главными являются «смотреть» и «охранять».

Всё своеобразие фульбе, всё, что отличает их от соседних народов, нашло закрепление в понятии пулааку (или пулаагу). Термин пулааку по-разному переводится исследователями. Впрочем, все сходятся в толковании того, что составляет смысловой «стержень» термина, который можно условно определить как «фульбство», «манера быть истинным пуло». Сами

фульбе, помимо пулааку, используют и другой термин — «путь фульбе».

Концепт пути является, пожалуй, универсальным. Он встречается у многих народов и включает в себя, как правило, наиболее важные для этноса идеологические, культурные, религиозные, философские и другие компоненты культуры. В этом отношении напрашивается сравнение с фундаментальным древнекитайским понятием дао, которое также обычно переводят как «путь», или с японским понятием синто, «путь богов».

Существование в культурной традиции фульбе подобного рода идеологии, закрепившейся в пулааку, свидетельствует о том, что они, возможно, сравнительно рано осознали себя как народ.

Пулааку, представляющее собой ёмкую в смысловом отношении структуру, включает в себя, прежде всего, несколько основных, ключевых понятий, образующих его ядро. Именно они чаще всего фигурируют в мифологических и фольклорных сюжетах и находят своё отражение практически на всех уровнях существования народа. Это «восточное происхождение» с примыкающим к нему мотивом светлой кожи, символизирующим особый физический тип, который, в свою очередь, для фульбе есть доказательство их восточного происхождения. К этим ключевым понятиям, составляющим пулааку, относятся также язык и скот.

Этногонические легенды (легенды о происхождении) фульбе, помещающие прародину народа в разных местах, тем не менее, сходятся в одном — в его «восточном» происхождении.

Во многих текстах речь идёт о том, что фульбе — белый народ в противовес негрским, т. е. чернокожим, народам, хотя среди групп фульбе есть такие, которые в результате смешанных браков с местным населением приобрели много негроидных черт, в том числе и более тёмный цвет кожи. И, тем не менее, сами фульбе предпочитают считать себя белым народом. Эквивалентом понятия белой кожи является, как уже говорилось, красная кожа: некоторые тексты называют фульбе «краснокожими» или «красноухими».

Язык фула также является символом этого народа, что отразилось, в частности, в очень распространённом фольклорном мотиве немого ребенка. Легенды, бытующие среди фульбе практически всех групп, — следовательно, этот мотив можно считать универсальным — повествуют о том, как в одной семье был немой от рождения мальчик. И вдруг неожиданно для окружающих он заговорил, причём на незнакомом для всех языке, в том числе и для своих родителей. Это был фула, никому не известный до того язык. На мой взгляд, в этом мотиве следует усматривать указание легенд на то, что фула оказался абсолютно новым языком для местного населения. Другими словами, фульбе, возможно, принесли с собой язык в эти районы Африки.

Язык фула, как и пулааку, способствует консолидации фульбе как этноса. Несмотря на то, что язык фула распадается на многочисленные диалекты, он остается понятным для фульбе, живущих в различных районах. Кстати, это обстоятельство вызывает большое удивление исследователей.

Хаммади, герой текста «Каидара», поёт песню, воспевая главные черты фульбе, в числе которых называются восточное происхождение («благородная раса») и теснейший союз с коровой. «С телёнком я родился», — поёт Хаммади.

Скот — одна из основных примет, отличающих их от соседних народов. Они в буквальном смысле боятся остаться без своих животных, что для них означало бы утрату своей идентичности. Целям поддержания этой связи фульбе с их домашними животными служит так называемый институт аренды животных, смысл которого состоит в том, что фульбе не дают своему соплеменнику остаться без скота.

Восточное происхождение, язык и скот — основные компоненты пулааку на общезнаменном уровне. Но пулааку, помимо всего прочего, это ещё и своего рода кодекс чести. Он включает в себя совокупность личностных качеств, которые обязан иметь каждый истинный пулло и которые представляют предмет гордости фульбе. Эти черты составляют, так сказать, индивидуальный уровень пулааку.

Качества, закреплённые в пулааку, это, прежде всего, те, которые были всегда необходимы народу, чтобы выжить в сложнейших природных условиях, а также в условиях часто враждебного окружения. Это качества народа кочевой скотоводческой культуры, народа-мигранта. И опять мы обнаруживаем триаду: речь идёт о трёх важнейших качествах. Пулло обязан быть сдержанным, иметь стыд, т. е. уметь стыдиться, и быть отважным. «Сдержанность», «стыд» и «храбрость», хотя и звучат несколько по-разному в различных диалектах, входят в состав пулааку всех групп фульбе.

Каждый из трёх этих компонентов понимается широко. Так, сдержанность — это также умение владеть собой, чем так славятся фульбе, терпение и умеренность во всём. Пулло-пастух обязан уметь обходиться без еды в течение длительного времени. Он ни за что не сознается, что голоден. Только своей матери он может сказать об этом. Правила пулааку не позволяют звать на помощь: истинный пулло должен обходиться без посторонней помощи. Если на стадо нападает дикий зверь — гиена или лев, пулло один сражается с ним. Точно так же пулло-воитель не обращается к своим родичам или союзникам за помощью; со своим противником он борется один. Эта черта, являющаяся необходимым компонентом пулааку, в фольклоре проявляет себя как известный мотив отказа от помощи.

Пулло скорее умрёт с голода, нежели позволит себе есть при посторонних. Пулааку разрешает есть вместе только людям одного возраста и одного пола. Мужчины, таким образом, едят отдельно от женщин, а дети — отдельно от взрослых.

Фульбе не ходят обнажёнными. Их женщин нельзя увидеть «топлес». «Нормативный» стыд не позволяет демонстрировать свой пупок, что является существенной деталью их культурного типа. «Я видел его пупок», — говорит пулло о человеке, о котором он знает всё и даже то, что тот скрывает. Пупок, с точки зрения фульбе, символизирует тайные, интимные стороны человеческой личности.

Сдержанность и стыдливость — основа морали фульбе, их вежливости и деликатности. Очень важные понятия — «быть хорошо воспитанным» и «быть честным». «Пулло никогда не лжет», — утверждают фульбе. Все эти качества, по наблюдениям исследователей, изучавших их, сообщают им свойства «грандов» и «аристократов» (А. Брандт).

«Настоящий» пулло никогда не боится. Достаточно жёсткая система воспитания, которой подвергаются все мальчики фульбе, направлена на формирование в них отваги, храбрости. Так, маленького мальчика, который уже с семи лет пасёт скот, оставляют на несколько дней одного в саванне, чтобы он научился быть храбрым. Если он проявляет трусость, он покрывает себя позором.

Кочевые фульбе снисходительно относятся к туарегам, которые, как они говорят, могут жить только вместе и в палатках*. Сами они предпочитают большую часть времени проводить под открытым небом и не боятся находиться в саванне в полном одиночестве.

Символом пулааку является верёвка для привязи телят, одновременно связывающая фульбе с их корнями. Верёвка представляет «путь фульбе», который они воспринимают как великую традицию, доставшуюся им от предков. На протяжении веков они поддерживают эту традицию в неизменном виде, неся её собой через все цивилизации и земли.

Миф, как уже отмечалось, представляет своего рода матрицу культурного типа этноса. Притом здесь имеется в виду Миф (именно с большой буквы) как исходный Мономиф, в котором в сконцентрированном виде содержится информация, имеющая отношение как к Мирозданию, так и к культурной «программе» конкретного этноса. Все компоненты Мифа — элементы единой структуры: они взаимосвязаны, они взаимодополняют друг друга и взаимопересекаемы. Это означает, в

---

* Напомним, что туареги, как и многие группы фульбе, являются скотоводами-кочевниками.

частности, что «схема» культурного типа этноса оказывается наложенной на космогоническую схему и все её компоненты как бы выводятся из «схемы» Мироздания.

Мифологии фульбе — мифология скотоводческого народа, и в этом заключена главная её специфика. Все мифологические персонажи здесь встроены в систему скотоводческих реалий. «Схема» космогенеза оказывается увязанной с сюжетной схемой становления пастушеской культуры народа.

Мифология фульбе многослойна. В ней вычленим слой, появившийся в системе мифологических воззрений фульбе под влиянием африканских соседей — бамбара, догонов, сорко (или бозо) и других народов. В качестве важнейшего результата такого взаимодействия можно отметить взаимное сближение мифологических персонажей. Есть также и определённые следы воздействия ислама, впрочем, не столь ощутимые в мифологии западных кочевников. И, наконец, самый существенный слой — собственно фульбский, который также неоднороден. В нём присутствует собственно фульбский пласт, в наибольшей степени отражающий своеобразие культурного типа этого этноса. Но есть в нём и определённые субстратные слои — представления, которые прафульбе, возможно, вынесли из районов, находящихся далеко за пределами Западной Африки и где они находились в контакте с другими цивилизациями.

На вершине пирамиды, которую представляет пантеон фульбе, находится верховное божество Гено, «Вечный». Одним из важнейших мифологических персонажей является Тяянаба, Питон, хранитель стад Гено на Земле. Этот огромный Змей с 96 чешуйками (по числу оттенков в масти коров) считается прародителем скота и одновременно зооморфным предком фульбе. Согласно легендам, именно он привёл первых коров к средней излучине Нигера и через Ило — первопредка народа — передал их фульбе. Тяянаба часто сближают с Нинкинанка — мифическим Змеем бамбара.

На службе у Тяянаба находится Кумен, его пастух и хранитель пастушеских знаний. Жена Кумена — Форофоронду, хранительница знаний, связанных с коровьим молоком. Ку-

мен и Форофоронду составляют пару карликовых духов. Кумен считается покровителем пастбищ и всех животных, как домашних, так и диких.

Особое место в пантеоне фульбе занимает уже упоминавшийся Каидара, дух-патрон инициаций, бог золота и знаний. Но, пожалуй, наиболее близкими людям персонажами являются духи Ларе (Лаареджи), которых фульбе называют «нашими маленькими богами». Это — покровители стад и пастбищ. Вся жизнь фульбе-пастухов так или иначе связана с Ларе.

Встречаются также неясные упоминания о седмице богов, которых фульбе называют племенными богами или богами-предками. Известны их имена и порядок, в котором они всегда представляются. Это — Хам, Сам, Дем, Йер, Пат, Нджоб и Дель. Главный из них — Хам, чаще всего упоминающийся в мифах и в фольклоре. Считается, например, по одной из версий мифа, что он отец первопредка фульбе Ило. Кстати, некоторые исследователи сближают фульбского Хама с библейским Хамом.

Известно, что фульбе приносили этим богам-предкам жертвы и посвящали детей. С семёркой богов связана одна из наиболее интересных систем номинации детей. Так, первому сыну могли дать имя Хаммади в честь Хама, первого из седмицы богов, тогда второго сына называли Самба — в честь Сама, а третьего — Демба и т. д.

Нарушительницей мировой Гармонии, олицетворением сил Хаоса, выступает Нджеддо Деваль, «Мать Зла». Это божество с явными хтоническими чертами, согласно мифам, было создано Гено для наказания «первых фульбе» за их грехи.

Гено — творец всего сущего. Согласно мифам фульбе, Мир, созданный Гено с помощью слова, появился из капли молока первой, мифической Коровы. Молоко у фульбе считается первичной, а потому сакральной субстанцией. Согласно другим представлениям, вода предшествует молоку. Впрочем, сами фульбе в этом не усматривают никаких противоречий; для них вода и молоко — единосущные понятия.

Молоко является символом пастушеских знаний. Им клянутся и совершают жертвенные возлияния. С ним связано много

запретов. У молока девять названий, одно из которых — «вечная вода». Самая первая капля молока содержала четыре основных элемента Мироздания, давших начало быку Ндурбее-ле — андрогинному символу Вселенной.

У фульбе существуют две трехчастные классификации Мира, о которых уже упоминалось ранее. В одной из них членение на миры (или «страны») осуществляется на основе признака свет/тьма. Первая «страна» — это мир света, «видимый мир», который населяют «видимые существа», т. е. люди, животные, растения. Вторая «страна» — «мир сумерек» с его «невидимыми существами», которые, однако, способны являться человеку в телесной оболочке. Третья «страна» — «мир тьмы», мир мёртвых, в который фульбе помещают души людей, животных и растений. Характерно, что в мифологии фульбе животные и растения, как и люди, имеют души.

По второй классификации Мир делится на три временные космические сферы: «завтра» — «тот мир», где живут предки; «сегодня» — «этот мир», мир живущих людей; и «вчера» — мир, в котором человек пребывал в утробе матери. В иерархии временных пространств мир предков считается главным. Любопытно, что у фульбе мир предков следует за миром людей, а не предшествует ему.

Жизнь человека фульбе делят на семилетние отрезки, у каждого из которых своя символика. В течение первого периода ребенок ещё, в сущности, не человек, он лишь готовится через соответствующие обряды — обряд наречения и инициацию — войти в сообщество людей в качестве полноправного члена. Второй период связан с началом его пастушеской жизни, что на языке символов обозначается как вступление в загон скота: мальчик входит в загон, становясь пастухом; в загоне пастух находится в течение всей своей сознательной жизни. В 63 года, во время девятого периода жизненного цикла, он покидает загон и перестает быть пастухом.

Как и у многих народов, в системе мифологических представлений фульбе особое место занимают числа. Вся картина космогенеза (возникновения Вселенной) может быть представ-

лена через числовые соотношения, смысл которых практически совпадает с символикой чисел в других культурных традициях. Фульбе, как отмечают исследователи, испытывают к числам особую «склонность». Однако числа нельзя произносить «всуе». Так, пулло никогда не скажет, сколько у него детей, жён, коров. Не скажет, сколько ему лет. Считается, что числа, как и имена, при их произнесении «включают в действие силы, которые вызывают к жизни поток, подобный ручью, невидимому, но присутствующему где-то рядом». Число вместе с именем и знаком составляют значимую для мышления и мировосприятия фульбе мистическую триаду, причём в этой триаде число представляет главный «узел тайны».

Триады лежат в основе всех описаний фульбе и их классификаций, о чем уже речь шла выше. Добавим лишь, что фульбе говорят также о трёх типах массажа, о трёх видах холодного оружия. И даже безумцев они распределяют по трём группам.

Символика чисел у фульбе во многом совпадает с соответствующими символами, встречающимися практически во всех мифологиях. Так, 1 является символом Творца, Беспредельной силы. Обращение к Всевышней Силе включает троекратный призыв: «Один! Один! Один! О вечный, непознаваемый Источник». 1, 1 и 1 составляют вместе три вершины треугольника, символизируя соответственно активное начало, пассивное начало и их союз. 1, 1 и 1 вместе означают также три мира: «вчера», «сегодня», «завтра».

2 представляет принцип дуальности, который в мифологии фульбе, как и у других народов, является важнейшим законом Мироздания. Во всех мифологических текстах фульбе постоянно встречаются бинарные оппозиции, отражающие двойственность: жизнь и смерть, добро и зло, день и ночь, мужское начало и женское и т. д.

3 — это триады, пронизывающие все мироощущение фульбе. 4 символизируют четыре первичных элемента, четыре основных направления. 3 — символ мужского начала, 4 — символ женского начала. 3 и 4 вместе составляют семичленный принцип.

Много сакральных смыслов стоит за числом 7. Упомянем, например, семь Небес и семь Земель, созданных Гено, семь главных звёзд, семь Солнц, которые видит неофит во время посвящения, и семь лучей Солнца. Это и семёрка богов, которую возглавляет Хам, семь наиболее важных духов Ларе, семилетние периоды, на которые фульбе (кстати, они не являются единственными в этом отношении) делят жизнь человека, семь отверстий в голове человека, семь дней недели и т. д.

Сакральным числом является одиннадцать, за которыми стоят, прежде всего, одиннадцать земных сил и одиннадцать земных слоёв, скрывающих священный метал — золото. 22, т. е. два раза по 11, и 33 — 3 раза по 11 — также имеют свою сакральную символику. В этой связи можно вспомнить, что древние видели в числе 11 «звёздные врата».

Из одиннадцати сил главной является камень, который играет заметную роль в системе Мироздания, как её представляют фульбе. Камень треугольной формы, как уже говорилось, символизирует три Мира. Две стороны его представляют две науки: светлая — экзотерическую, т. е. открытую, тёмная — эзотерическую, закрытую. Камень у фульбе — символ Мира. Он является также границей двух миров: «этого мира», мира людей, и «того мира», трансцендентного, божественного мира. Отметим попутно, что в древние времена люди были уверены, что в камнях хранится Вневременная Мудрость. Отголоски этих представлений можно найти во многих мифологиях.

Система символических соотношений одиннадцати сил, которые, как отмечает Амаду Хампате Ба, отражают универсальный закон взаимоперехода и взаимопревращения, в тексте «Каидара» выглядит следующим образом: «Камень раскалывается и растапливается огнём, который гасит вода, которую высушивает ветер; человек побеждает ветер; опьянение берет верх над человеком; сон убивает опьянение; смерть убивает сон, но душа побеждает смерть». Я полагаю, что в этом круговороте сил представлена концепция бессмертия: смерть не является концом существования. Она воспринимается как переход в иное состояние. Та же идея бессмертия присутству-

ет в другом тезисе: «Смерть убивает живые существа, но время убивает смерть».

Фульбе, по их словам, всегда знали, что Мир движется. Для них Земля не является неподвижной: она «идёт», она «катится». Об этом говорится в их пословицах: «Мы движемся с того момента, как стала двигаться Земля». Или: «Наши животные движутся на Земле, которая движется».

Несколько слов стоит сказать о символике звёзд. В текстах часто упоминается пятиконечная Звезда, являющаяся вестником Каидара, божества золота и знаний. 5 у фульбе — символ совершенства человека, как знак постижения Знания. В тексте «Свет Великой Звезды» она символизирует Свет мистического Знания. Как уже упоминалось, эта Звезда (Коодаль), по словам Амаду Хампате Ба, — знаменитая «Звезда пастуха», о которой говорится в Библии и Коране.

Встречаются многочисленные упоминания о священных геометрических символах. Одним из важнейших из них является знак, образуемый двумя наложенными друг на друга треугольниками. Это известный всем фульбе Тюмоогаль Фадда Ндау, «защитный знак страуса», сакральный шестигранник (или шестиконечная звезда), символизирующий семичленный принцип Мироздания: шесть вершин звезды и внутренняя точка — знак Гено. По мнению сенегальского исследователя Йеро Силла, внутри этого шестигранника фульбе видят также череп человека с его семью отверстиями.

Другой очень важный геометрический символ, представляющий Гено: три сферы, заключённые внутри двух наложенных друг на друга треугольников.

Весь Мир, Мир как Космос, для фульбе — единое живое целое. Он пронизан символическими связями, образующими систему тесно увязанных между собой этнокультурных кодов, таких, например, как числовой, языковой (звуковой), животный, растительный, астральный, календарный, социально-этнический и др. Символические корреляции представляют собой, с одной стороны, классификационные ряды символов, каждому из которых придан не один, а несколько смыслов —

в мире людей, в мире животных, в мире растений, в мире звёзд и планет, в ритме времён года и смены дня и ночи, в мире чисел, в мире букв и звуков и т. п. Так, человеку как члену определённой родственной группы соответствует определённый социальный статус (занятие), определённое растение, определённая звезда, одно из восьми направлений, в мире диких животных — определённое животное-табу, в мире домашних — корова определённой масти и т. д.

С другой стороны, речь идёт о смысловых рядах, которые в силу существования различных, но перекрещивающихся систем ценностей являются соотносимыми друг с другом. В качестве примера приведём понятийный ряд: верёвка — дерево — посох — змея — молоко. Взаимосвязь членов этого отношения находит своё отражение во взаимопревращениях. Так, в тексте «Каидара» верёвка превращается в зеленую змею, которая затем, желтея, становится твёрдой и превращается в посох. Как замечает Амаду Хампате Ба, маги часто демонстрируют этот «трюк», превращая верёвку в змею, а затем змею — в посох. Конечной фазой подобных метаморфоз у них становится молоко.

Здесь напрашивается аналогия с жезлами древнеегипетских волшебников, превращавшимися в змей. Отголосок этого мотива находим в иудейской мифологии, в эпизоде беседы Моисея с Богом на горе Хорив. По приказу Бога он бросает посох пастуха и тот превращается в змею. Моисей берёт её за хвост, и она снова превращается в посох. Посох пастуха, таким образом, здесь через «стадию» змеи, олицетворяющей мудрость, превращается в посох — символ власти.

Считается, что космогонические мифы фульбе неизвестны. Однако, на мой взгляд, мифологические тексты инициатического типа содержат интересную информацию о том, как представляют фульбе картину возникновения Мира. Конечно, они сложны для прочтения: многое в них скрыто за символами. Более того, я уверена, что они должны рассматриваться как более «профанная» версия подлинных, эзотерических текстов, доступ к которым закрыт. В сущности, архитектоника

соответствующего ритуала представляет собой мистическое, трансцендентное продвижение неопита в сакральном пространстве, конечной целью которого является приобретение божественного знания. Космогоническая парадигма является глубинной основой этих ритуалов и мифологических текстов, являющихся их вербальной канвой, именно поэтому есть основания полагать, что инициатические тексты суть космогонические мифы.

В предисловии к «Кумену», первому тексту такого рода, Амаду Хампате Ба счёл необходимым сообщить, что ему было разрешено опубликовать лишь французский вариант текста; оригинальный же текст, таким образом, остался как бы под запретом, который исходил от силатиги (жрецов). Здесь стоит отметить то очень важное обстоятельство, что Амаду Хампате Ба записал этот текст со слов своего деда, который был силатигой и под руководством которого он прошёл посвящение. Последующие тексты были опубликованы Амаду Хампате Ба и на фула, и на французском, однако можно предположить, что многое в них было «завуалировано», скрыто от непосвященных. И даже в таком «профанизированном» виде они содержат много материала о космологии фульбе.

Особый интерес в этом отношении представляет текст «Кумен», который воспроизводит посвящение первого, мифического пастуха-жреца по имени Силе Садьо. Есть смысл несколько подробнее остановиться на нем, поскольку его содержание многое проясняет в символике представляемого в книге текста «Каидара». Силе, или Суле, — уменьшительная форма от Сулеймана, т. е. Соломона. И в этом скрыт намёк на времена древнееврейского царя Соломона, о котором часто упоминают мифы и легенды фульбе. (Так, целину фульбе называют факкере Сулеймана, «поле Соломона».)

В тексте «Кумен», как и в других мифологических текстах, несколько слоёв. Один, самый поверхностный, самый очевидный — повествование о посвящении в пастухи. Второй, соотносимый с первым пластом, как оказывается, увязывает посвящение в пастухи с посвящением в жрецы; знания, полу-

чаемые в ходе посвящения первым пастухом, имеют более глубокий, более сакральный смысл. Другой, еще более глубинный пласт содержит информацию, воспроизводящую картину возникновения Мира. Разные планы, в которых строится повествование, вместе представляют стройную структуру взаимопересекающихся элементов; все компоненты в ней увязаны друг с другом, и одно разъясняет другое.

В роли Водителя, или Учителя, выступает дух-карлик Кумен, являющийся хранителем знаний, относящихся к инициации. Его сопровождает жена — Форофоронду, «богиня молока», «царица масла», также играющая важную роль в инициации.

Посвящение фульбе включает в себя тридцать три ступени, за которыми автоматически следуют три высшие, «невидимые», ступени, т. е. относящиеся к божественному плану. Тридцать три ступени соотносятся с тридцатью тремя фонемами языка фула. Фульбе полагают, что язык является мистическим инструментом, созданным Гено. Посвящение представляется как продвижение на пути к знанию, которое, на мой взгляд, должно также рассматриваться как мистическое движение на уровне слова. Слово, согласно представлениям фульбе, имеет магическую силу.

Во время обряда посвящения неофит как бы продвигается по двенадцати «зонам», называемым полянками, символизирующими двенадцать испытаний. Здесь напрашивается параллель с двенадцатью подвигами Геракла, которые эквивалентны посвящению на духовном плане. В мистическом смысле движение посвящаемого по «зонам» воспроизводит, «реактуализирует» Начало Начал Мира. Таким образом, если приблизиться к пониманию символов, с которыми связано продвижение героя, можно, условно говоря, «увидеть» картину космогенеза, как она зафиксирована в Мифе фульбе. Эта картина получает своего рода уточнение и наполнение в других мифологических текстах, в частности, в тексте «Каидара».

На первых четырёх полянках Силе Садьо получает от Кумена знание о четырёх первичных элементах. Это — огонь,

земля, воздух и вода. Странствие героя, таким образом, начинается с «зоны» первых четырёх элементов, составляющих основу Мироздания, своего рода материальный фундамент Мира. Представляется глубоко символичным, что именно на первой полянке Силе Садьо встречает Змея Тяянаба, мифология которого пересекается буквально со всеми другими уровнями мифологической структуры. Змей Тяянаба в определённом смысле — предок фульбе. И вовсе не случайно его появление в самом начале пути посвящаемого, который символизирует «событие» становления Мира. Другими словами, Змей — космическая фигура. Он выступает здесь как символ и хранитель Вневременной Мудрости, вместе с тем он — страж знаний, преграждающий путь недостойным.

На второй полянке Силе Садьо видит первых, мифических коров, которые, как только он на них взглянул, исчезают, «как сумерки при наступлении утра». Коровы, которые, кстати, чёрного цвета, здесь явно представляют трансцендентный мир, что указывает на божественный характер скотоводческой культуры фульбе. Чёрный цвет коров имеет эзотерический смысл. Согласно представлениям древних, животные чёрного цвета (например, чёрный ворон, чёрный голубь и т. д.) связаны с изначальной Мудростью, проистекающей из Божественного Источника, символом которого иногда выступает голова, а также круг, яйцо и т. п.

На той же второй полянке Силе Садьо видит лягушку, представляющую персонаж, за которым также стоит сакральная символика. Считается, что появление лягушки обычно говорит о близости воды. Вода здесь, видимо, главный символ. Она символизирует Истоки, Начало, т. е. речь идёт о Первобытных Водах. Здесь, на второй полянке, лягушка связана с двумя священными озерами, составляющими важную часть посвящения. Именно в этих озёрах во время инициации происходит, по достаточно сложной схеме, священное омовение неофита, которое рассматривается как его смерть и последующее воскрешение. По словам Амаду Хампате Ба, лягушка здесь охраняет святилище инициации, представляемое двумя озёра-

ми. В плане космогонической «схемы» это символизирует «выход» явленного Мира из Первобытных Вод.

Лягушка — эзотерическое животное. Согласно древним представлениям, богиня-лягушка (богиня-жаба) — одно из главных космических божеств, связанных с творением, а также с представлением о воскрешении и идеей цикличности Вселенной. Два — знак начала и конца, как, впрочем, и наоборот — конца и начала; два — символ цикличности Мира, который в «Кумене» представлен двумя священными озерами. Вспомним в этой связи, например, древнеегипетскую Хекет, богиню плодородия, священным животным которой была лягушка. Она изображалась в виде лягушки или женщины с лягушкой на голове. Хекет помогала роженицам, а в загробном царстве — умершим. Подобно богу Хнуму, она сотворила людей. Можно упомянуть и Царевну-Лягушку из русских народных сказок, которая также является носителем космогонических смыслов.

Инициация обычно связана с женским началом, поскольку воспринималась как роды, во время которых появляется человек в новом, духовном качестве. Следует отметить, что символика здесь ещё глубже: изначальная Мудрость, Знание, являющееся высшей целью посвящаемого, всегда соотносится с Великим Женским Началом. Это хорошо согласуется с тем, что у многих народов именно женские божества считались непременными участницами и руководительницами инициаций (например, Артемида, Юнона). В. Я. Пропп полагает, что первоначально церемониями посвящения юношей в охотники руководила женщина-ведунья, в некотором смысле сопоставимая с Бабой-Ягой русских сказок.

Не исключено, что в древнейшие времена именно Форофоронду, а не Кумен, играла главную роль в инициациях фульбе, во всяком случае, текст демонстрирует её активнейшее участие в ритуале. Кстати, Кумен называет себя «мужем царицы». В Форофоронду есть черты, сближающие её с Богиней-Матерью. Так, Силе Садьо «становится» её младенцем, которого она «кормит грудью». Она — Хозяйка, Властительница.

Те же черты В.Я.Пропп подчёркивает и в Бабе-Яге. В одном месте текста Форофоронду упоминается как «богиня земли», которой подчинены подземные духи. Форофоронду здесь — олицетворение Мудрости, Женского Начала и Земли. Она — Материя в космогоническом смысле. Форофоронду представляет противоречивый образ: она является также источником зла. Так, Кумен советует Силе Садью не подчиняться слепо её приказам, ибо они могут его погубить.

Другими словами, в Форофоронду много общего с такими богинями древности, как Кибела, Церера, Ма-Дивия, Рея. Форофоронду загадывает Силе Садью загадки (сравни загадки Бабы-Яги), которые он решает с помощью Кумена. И именно Форофоронду вручает Силе Садью скотоводческие регалии — посохи пастуха, верёвки для привязи скота, маслобойки, посуду для створаживания молока и т. д. В тексте она — хранительница тайн, связанных с духами Ларе.

Пятая полянка символизирует становление Мира, выходящего из Первобытного Мрака, представляемое через концепцию Света в образе семи Солнц. Символика семи Солнц раскрывается на последующих семи полянках. Однако на пятой полянке они являются знаком семичленного принципа возникающего Мира, становление которого происходит на основе четырёх первоэлементов. Пятая полянка находится под знаком Марса, являющегося, кстати, пятой планетой в иерархии светил. Здесь он символизирует победу Света. Свет здесь представляется и как Свет — Начало Мира, и как свет тайного знания, к которому стремится посвящаемый.

Согласно учениям древних, символика семи Солнц очень сложна и связана с сокровенными знаниями. Это прежде всего семь циклов Мира с их Божественными принципами, а также семь циклов в эволюции нашей планетной системы, соотносимые с семью глобами Земли (семь Земель). В «Кумене» луч каждого из семи Солнц соответствует одному из семи цветов радуги, являющейся в мифологиях мира символом Божественной Гармонии и Совершенства. Вспомним также, что в древних учениях Луч Солнца (не нашего, видимого, а эзотеричес-

кого, невидимого Солнца) — это Логос, Слово, которое есть Божественный План.

На заключительной, двенадцатой полянке происходит главное событие — рождение адепта; Силе Садьо становится пастухом-жрецом. На этой полянке появляется Бык-андрогин Ндурбееле, являющийся символом Космоса. Андрогинная природа Ндурбееле соотносит его с великими божествами древности, которые были андрогинами. Можно вспомнить в этой связи изображения бородатой Афродиты и Зевса с женской грудью. Древнеегипетский верховный бог Атон, согласно «Текстам саркофагов», также был двуполым. Он говорит о себе: «Я Атон, творец Старших Богов. Я дал жизнь Шу. Я великий Он-Она». Фульбе, как и многие другие народы, полагают, что человек рождается андрогином. Смысл обряда инициации и состоит в закреплении пола посвящаемого, в результате чего он приобретает статус человека.

Форофоронду доит Быка Ндурбееле, у которого, помимо, мужских признаков, есть вымя, и дает Силе Садьо выпить это молоко, после чего он готов к разгадыванию загадок. По словам Амаду Хампате Ба, молоко здесь символизирует высшее знание пастората. Добавим также, что молоко Ндурбееле как бы приобщает Силе Садьо к тоббере, изначальной «капле молока», из которой вышел Мир. В этом отношении напрашивается сопоставление с древнеегипетским материалом. Имеется в виду изображение фараона, сосущего молоко Небесной Коровы, а также скульптурное изображение фараона Аменхотепа II, сосущего молоко богини Хатор в образе коровы. Характерно, что египетская Небесная Корова изображена с солнечным диском между рогами. Хатор также часто изображается с рогами и солнцем. Это соединение двух важных символов — коровы и солнца — мы находим, кстати, и в мифологии фульбе.

На двенадцатой, заключительной полянке Форофоронду вручает Силе Садьо самый главный предмет — верёвку с двадцатью восемью узлами для привязи скота, которая представляет Модель Мира. В этих узлах скрыты тайные знания, и Силе

Садьо предстоит раскрыть эти секреты. «Развязав» все узлы, он приобретает тайную науку и становится жрецом.

Жрецы представляют важную группу в социуме фульбе. Силатиги является жрецом общины, он хранитель знаний. Силатиги находится в корреляции со всем, что связано с пастушеской культурой. Он воспринимается как посредник между людьми и духами-хранителями коров Ларе. Он «хозяин священных формул (коннги)». И, наконец, он выполняет функции предсказателя.

Каждый из мифических персонажей несёт огромную смысловую нагрузку в силу того, что все они являются носителями вселенской «схемы»: их смысловая структура вплетается в общую цепь космогонических событий.

Таков, например, Кумен, символика которого выходит за пределы функций хранителя стад и пастушеских знаний. В одноименном тексте Кумен говорит сам о себе: «Я знаю начальную температуру вод, природу звёзд и цель их существования. Я знаю секрет Луны [...] Я спустился с Неба в тот момент, когда великие воды были в состоянии кипения и были беременны землями, пастбищами и растениями».

Кумен, следовательно, соотносится с Началом Мира. Он связан с идеей вечности и концепцией мудрости: одним из главных его воплощений является маленький мальчик с седой бородой (седая борода здесь — символ мудрости, а юный возраст представляет вечность). Сам Кумен говорит об этом так: «Гено сделал из меня вечного ребёнка». Характерно, что неофит Силе Садьо встречает его в самом начале инициации сидящим под тамариндовым деревом. У фульбе это дерево — символ вечности. Кумен — хранитель знаний о Мироздании. Ему открыты тайны всего сущего. Он понимает язык Природы, что явствует из его слов: «Я разговариваю с животными. Я знаю секреты корней растений. Всё сообщает мне свои тайны: шум источников, шелест листвы, свет кометы. Я понимаю, о чём воркует горлица, о чём мычит бык. Я понимаю его язык».

Не менее космичен и Каидара. Одним из воплощений его является антропоморфное существо с семью головами, двенад-

цатью руками и тридцатью ногами, сидящее на золотом вращающемся троне о четырёх ножках. Каидара — воплощение Вселенной. Четыре ножки трона представляют четыре первичных элемента Мироздания, его вращающийся трон — это живая Вселенная, находящаяся в циклическом движении. Числовые характеристики указывают на то, что он символизирует также время: семь голов Каидара — семь дней недели, его двенадцать рук — двенадцать месяцев, тридцать ног — тридцать дней в месяце.

Другим воплощением его является змееногий старик. В этом воплощении просматривается связь Каидара с Мудростью, Знанием. Золото, божеством которого он является, — металл, символизирующий мистическое знание. Золото находится глубоко под землей, и Каидара является его хозяином. Каидара воспринимается также и как божество земли. А Змей в мифологии фульбе, как и во многих других мифологиях, — символ мудрости, знания.

В заключение этого небольшого очерка о мифологии фульбе, отметим, что сами они прекрасно осознают невозможность постичь истину до конца. Эта глубокая идея выражена в их пословице: «Знание имеет много форм». Однако знание, истина, по их убеждению, это то, к чему должен стремиться каждый человек. Именно знание — основной пафос большинства их мифологических текстов.

проф. Г. В. Зубко, доктор культурологии